

06.8

Д-14

ДАГЕСТАНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ.
В. И. ЛЕНИНА

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XIII

МАХАЧКАЛА—1963

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ЛЕНИНА

**У Ч Е Н Ы Е
З А П И С К И**

Том XIII

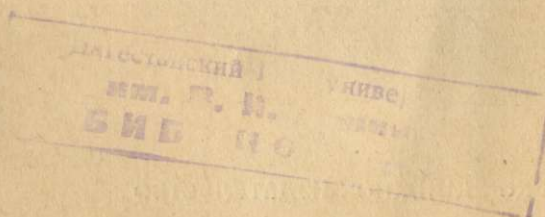
ДАГЕСТАНСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Махачкала 1963 г.

Печатается по решению Редакционно-издательского
совета Университета.

Редколлегия: Б. С. Фарбер (ответственный редактор),
А. Г. Агаев, Р. И. Гайдаров, П. Б. Гурвич, И. К. Журавлев,
Р. И. Лихтман (ответственный секретарь), Б. И. Скупский.

224413

А. АГАЕВ.

НАСУЩНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДАГЕСТАНСКОЙ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XXII СЪЕЗДА КПСС

Коммунистическая партия Советского Союза на всех этапах своего развития придавала большое значение художественной литературе.

«Повышение воспитательной роли литературы и искусства»¹ — такая постановка вопроса в Программе КПСС диктуется вступлением страны в качественно новый период своего развития. Развернутое строительство коммунизма предполагает дальнейшее возрастание роли нравственных начал в жизни общества, расширение сферы воздействия морального фактора. Без этого немислима сколько-нибудь успешная подготовка материально-технической базы коммунизма и коммунистических общественных отношений.

«Партия считает главным в идеологической работе — воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности коммунизму, коммунистического отношения к труду и общественному хозяйству, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее, гармоническое развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры»². Современные условия способствуют выполнению писателями возросших задач, поставленных партией перед литературой и искусством. Навстречу писателю идет герой-современник. Строитель коммунистического завтра не является для советского писателя отдаленной мечтой. Человек будущего живет и присутствует в характерах советских людей наших дней. «Уже сейчас, — писал Н. С. Хрущев в статье «К новым

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Госполитиздат, 1961 г., стр. 119.

² Там же.

успехам литературы и искусства», — в облике передовых людей нашей страны видны черты человека коммунистического завтра. Эти черты все более проявляются и раскрываются в их мировоззрении, в повседневной трудовой общественной жизни, в быту... Превыше всего они ставят интересы общества»³.

Новые черты концентрируются в характерах славных советских космонавтов, покоривших мир своим мужеством и высокими волевыми качествами, в характерах В. Гагановой и Н. Маая, которые утверждают на земле коммунистический труд, а через него и счастье.

Высокие нравственные достоинства человека будущего все более развиваются в массах. В жизнь они приходят в значительной степени через движение ударников коммунистического труда, через почин серпуховчан, через общественную, бесплатную работу на благо людей, через другие патриотические начинания, свидетельствующие о новом нравственном развитии общества. Бригадир Махачкалинского вагонного депо Н. Ильин сколотил дружную бригаду из рабочих 10 национальностей, в которой отношения строятся на основе морального кодекса строителя коммунизма. Председатель колхоза им. К. Маркса Хасавюртовского района С. Кулиев на собственные деньги построил здание сельской аптеки. Семидесятилетний старик М. Ханмурзаев, «обидевшись» на молодежь, совместно с пожилыми людьми аула вырастил в 1961 году с десяти гектаров по 108 центнеров кукурузы. Доярка М. Цацueva из Бабаюртовского района, передав другой доярке закрепленных за ней высокоудойных коров, взяла себе низкоудойных и через три месяца, обогнав подругу, стала помогать ей.

Многогранен духовный мир, разнообразны художественные вкусы советского человека. В этой связи первостепенное значение приобретает глубокое изучение жизни во всей ее многогранности, полноте конфликтов и противоречий. Объектом художественного наблюдения должны стать решающие стороны действительности, охваченные преобразовательным процессом, происходящим в республике и в стране после XX съезда КПСС. Здесь уже примером для других могут быть Х. Авшалумов и М. Бахшиев, сочетающие в себе качества партийного писателя и журналиста. Они много времени проводят «на колесах», общаются в районах с различными людьми, пристально присматриваются к человеческим характерам. М. Бахшиев в течение многих лет изучает жизнь и быт колхозников-переселенцев селения Новый Куруш, всегда в курсе аульских событий.

Боевой дух современности чувствуется в тех областях на-

³ «Коммунист», М., 1961, № 7.

родной жизни, которые затронуты или приведены в движение этим преобразовательным процессом, в тех конфликтах и противоречиях, которые встают и разрешаются в ходе этого процесса, в тех чертах человеческих характеров, которые особенно ярко раскрылись в наши дни и несут в себе черты будущего. Все остальное, все то, что лежит в стороне от этого преобразовательного процесса или, по крайней мере, вне сферы его влияния, не имеет права претендовать на современность.

Для дагестанской советской литературы последних лет характерны упорные поиски ведущих тенденций общественного прогресса и морального развития советского человека. Она учит смотреть на окружающую действительность, на героические деяния народа глазами члена бригады коммунистического труда, то-есть «с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего»⁴.

«Новые люди» — так и назвал З. Зулфукаров цикл своих рассказов о наших современниках. По идейному направлению и методу изображения действительности к ним примыкают пьесы: его же «Сердца друзей»⁵, Г. Рустамова «Крылатое племя», М. Яхьяева и А. Курбанова «Дорогой жизни», повести «Тесный камень» М. Магомедова, «Голубые глаза» Б. Гаджикулиева. Принципиально важное в них — это опора на «факты социалистического опыта»⁶, это тон, свободный от старомодной патетики и напыщенности, это стремление психологически раскрыть характер героев. А это означает дальнейшее движение дагестанской литературы по пути социалистического реализма, ибо, как известно, «социалистический реализм... может быть создан только на фактах **социалистического опыта**».

Писатели должны постоянно помнить, что изображение пережитков прошлого в произведении не должно заслонять нашей социалистической действительности. Однако до сих пор еще встречаются произведения, в которых преобладает описание отрицательных явлений прошлого: ссоры неуживчивых супругов, раздоры соседей, всевозможные аульские дразги и другие пережитки, унаследованные от родовых адатов и канонов шариата.

Программа партии придает решающее значение социалистическому содержанию как главному в советской литературе. Разумеется, социалистическое содержание вбирает в себя и борьбу против всего несоциалистического, всего того, что ему мешает и противодействует.

Наши поэты старшего поколения, Сулейман Стальский,

⁴ М. Горький. О литературе, 1953, стр. 614.

⁵ Написана в соавторстве с М. Зулфукаровой.

⁶ М. Горький. О литературе, 1953, стр. 614.

Гамзат Цадаса, Наби Ханмурзаев, Азиз Иминагаев хорошо понимали всю полноту социального вреда адата и шариата и потому они смело разоблачали пережитки приспешников старины. «Метлой адатов» назвал Гамзат Цадаса сатиру. Сатира 30-х годов отличалась идейной остротой, художественной выразительностью и эмоциональным воздействием.

Сатирические традиции дагестанской поэзии и драматургии должны быть особенно заострены на современном этапе. И главное здесь — правильно определить направление основного удара. В жизни все связанное с пережитками вышло за рамки морально-этической проблематики чисто национального характера, за рамки семейно-брачных отношений. Наиболее вредные для коммунистического строительства пережитки сконцентрированы в сфере производственных и общественных отношений людей, там, где человек вступает во взаимосвязь с трудом, с обществом.

Моральный кодекс строителя коммунизма требует решительной борьбы против тех, кто ведет паразитический образ жизни, недобросовестно относится к общественно-полезному труду, народному достоянию и обязанностям перед обществом, против карьеризма, бюрократизма, взяточничества, пьянства, хулиганства. Пережитки в области хозяйственной деятельности составляют основное содержание «всего того, что противодействует движению общества вперед». Вот почему писатель призван искать и разоблачать пережитки в первую очередь в сфере общественно-производственной деятельности людей. Это один из основных путей приближения нашей литературы к жизни народа, выхода писателей из узкого круга «местных» тем и проблем, лишенных живых связей с современностью. Горский читатель воспитывается на образцах русской реалистической литературы, к которой он приобщается со школьной скамьи. Русская литература учит познавать жизнь, богатство и многогранность человеческой натуры, формирует правильный взгляд на мир.

Благодаря воздействию русской литературы на умы и сердца горцев, «манера понимать вещи» у дагестанца обогатилась реалистически конкретным восприятием действительности. Национальная же проза по «манере излагать вещи» все еще привержена к традициям устных повествовательных форм. Фольклорное описательство событий, лирическое созерцание, приключенчество, стоящее на грани авантюристичности и ложной занимательности, тормозят процесс овладения реализмом. Реалистическое раскрытие характеров — только на этом пути литература придет к успехам, к созданию живых, полнокровных человеческих образов, способных оказывать воздействие на сердце и разум читателей.

Удачные примеры уже имеются. Таковы, скажем, образы чабана Али («Сказание о чабане» Гамзата Цадасы), Асият

(«Горянка» Р. Гамзатова), Хайруллы («В Кумыкской степи» Аткая), Айшат («Разрыв» И. Керимова), Сакинат («В родном ауле» М. Алиева).

С литературной точки зрения весьма интересным намечался образ Аминат в романе И. Казиева «На земле Смоленской». Аминат накануне Великой Отечественной войны окончила авиационную школу. На фронтах летала на «ястребке», а затем на «штурмовике». В воздушном бою ее самолет был подбит за линией фронта. Девушку-горянку спасли партизаны. В партизанском отряде она покоряет бывалых солдат своей отвагой и сноровкой, выполняет рискованные задания, взрывает немецкие штабы. Но, увлеченный образом, молодой талантливый прозаик потерял чувство меры, оторвался от земли. Аминат выглядит сказочным героем, которого и пуля не берет. Идущая от некоторых фольклорных произведений мелодраматичность, построение сюжета на недоразумениях и происшествиях, надуманность вызывают недоверие к изображаемым фактам.

Нельзя не почувствовать фальши и в новелле З. Зулфукарова «Часы с надписью», в которой описывается быт одной из коммунистических бригад.

Принципиально важной чертой дагестанской литературы наших дней является развитие крупных прозаических жанров. В прозе все большее место занимает повесть. В 1959—1962 годах в литературу пришел роман. Это крупная художественная победа молодых дагестанских литераторов. «Разрыв» Ильяса Керимова, «Мечь» Мусы Магомедова, «Махач» Ибрагима Керимова, «На земле Смоленской» И. Казиева — четыре романа за четыре года! Книжное издательство готовит к печати еще три романа.

Для первых дагестанских романов характерны некоторые общие удаchi и общие недочеты. Удаchi — в том, что все они выражают новый этап в освоении реализма дагестанской литературой. Действие разворачивается естественно, столкновения характеров определены обстоятельствами, повествовательный строй свободен от словесного украшения, столь характерного для большинства произведений дагестанской прозы.

Недочеты выражаются в том, что картины, выписанные талантливо, выпукло и художественно, перемежаются с сухим изложением фактов в стиле газетной информации. Авторы, особенно М. Магомедов, нередко сбиваются с образного изображения жизненных явлений на рассказ о них.

XXII съезд КПСС с особой силой поставил вопрос о новаторских исканиях советской литературы. «Партия призывает всех деятелей советской литературы и искусства к смелой, но-

ваторской разработке тем современности»⁷, — говорил Н. С. Хрущев в докладе о Программе КПСС. И это понятно. Для воспитания нового человека, человека будущего, который по характеру, по отношению к обществу, к труду, ко всему, что его окружает, во многом будет отличаться своими моральными достоинствами от строителя социализма, нужны действительно новаторские средства создания его образа.

Дагестанская литература, если обратиться к ее истории, не чужда такого новаторства. Выдающимся новатором был Сулейман Стальский, который первым из дагестанских поэтов смело, ярко, образно воспел вновь обретенную молодость своего маленького древнего народа, «новизну мира», внося в свои стихи, как писал Н. С. Тихонов, «великие слова нашего времени». Принципиально новым явлением в истории дагестанской советской поэзии был Алибек Фатахов, скончавшийся по нелепой случайности в возрасте 25 лет. Талантливый ученик В. Маяковского, Алибек Фатахов выразил в своих произведениях, особенно в стихах и поэме «Война», могучий дух советского горца.

Подлинным новаторством отличается творчество Расула Гамзатова. Традиционные черты дагестанской любовной поэзии, стихов Чанки и Махмуда и реализм русской поэтической культуры переплелись в творчестве Расула Гамзатова в весьма оригинальных сочетаниях.

Проблема выявления новаторских черт нашей действительности, проблема новаторства в художественном изображении жизни с особой остротой встает перед дагестанской литературой в наши дни. После того как были развенчаны культ личности и связанные с ним отрицательные последствия во всех областях жизни, в том числе в литературе, перед писателями открылся самый широкий простор для проявления творческой инициативы, высокого мастерства, многообразия творческих форм, стилей и жанров. Побольше писателей хороших и непременно разных по стилям и жанрам — на этом пути наша литература достигнет новых художественных высот.

Место национальных классических традиций в развитии современной литературы общеизвестно. Традиции составляют важнейший элемент национальной формы литературы, и использование их вполне естественно. Национальные черты придают произведениям правдивость, делают их доступными родному народу, вызывают интерес у других народов. Бережное отношение к национальным традициям, в том числе к классическим изобразительным средствам, использование в прозе,

⁷ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Том I, Госполитиздат, 1962, стр. 223.

поэзии и драматургии всего лучшего, что создано художественным гением прошлых поколений, является обязательным условием для нормального и естественного развития литературы.

Имеющиеся в критической литературе крайние позиции по вопросу национальных традиций одинаково вредны. Жизнь отвергает как проявление национального нигилизма, выхолащивание национальных традиций, так и консервирование их. Разгорающиеся время от времени дискуссии о национальной специфике, не оставляют практического следа, поскольку защищается или отвергается эстетическая ценность традиций вообще. А между тем главное — выяснить, уместно ли используются традиционные поэтические формы и подсказаны ли они идейным направлением, всей образной системой, стилем данного произведения. И если писатель художественно ярко и впечатляюще выражает содержание, мысль, то традиционные поэтические формы имеют право на существование. Если же использование их только заволакивает мысль или образ густым туманом словесного украшения, то использование их вредно для литературы.

В последние годы в дагестанской поэзии происходят новые процессы. Возникновению их способствует сознание писателями того, что риторика и декларативность, утвердившиеся в нашей поэзии и прозе в значительной степени в обстановке культа личности, противоречат самому духу художественной литературы. Такие поэты, как Рашид Рашидов, Сулейман Рабаданов, Абдул Раджабов, все более выходят из-под влияния устаревших традиций и прибегают к конкретно-художественным образом, отбрасывая излишнюю метафоричность. Другие, напротив, перегружают стихи метафорами и гиперболическими образами, видя в этом спасение от риторики и декларативности.

Программа КПСС, основываясь на глубоких процессах, происходящих в жизни, признает роль национального колорита. «Использование национального колорита в литературе и искусстве вполне естественно», — говорится в докладе о Программе КПСС⁸. Национальный колорит не отвергается и с точки зрения дальнейшего развития советской литературы в условиях все большего сближения наций и народностей. Сближение наций — это как раз и есть обобщение, соединение всего прогрессивного, непреходящего, что есть в субстанции каждой нации и народности, в том числе и того, что есть прекрасного, эстетически значимого в национальном колорите. Причем, соединение означает не механическое смешение красок, в результате которого образуется нечто серо-буро-малиновое, а сочетание красок в самых разумных пропорциях.

⁸ Н. С. Хрущев. О Программе КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 90.

Из отдельных малых звезд создается не бледная луна, отражающая чужой свет, а целое созвездие, отчего каждая звезда обретает большую яркость. Жизнь ведет не к однокрасочности всех национальных литератур, а к многокрасочности интернациональной культуры, которой каждая культура передает свою национальную краску.

Но национальные формы не окостеневают, они видоизменяются и совершенствуются. Они в целом имеют тенденцию некоего отставания от «общественного бытия», но все же неотступно следуют за его развитием, обретая новые черты и освобождаясь от всего, что противоречит нашей эпохе. Будущее принадлежит тем национальным формам, которые выражают дух и содержание современной действительности.

Программа КПСС прямо и четко связывает дальнейший расцвет советской литературы с овладением творческим опытом всей мировой культуры. «В искусстве социалистического реализма, основанном на принципах народности и партийности, смелое новаторство в художественном изображении жизни сочетается с использованием и развитием всех прогрессивных традиций мировой культуры»⁹. (Подчеркнуто мною — А. А.).

Использование литературных традиций других народов — дело сложное. Успех зависит от широты художественного кругозора, от мастерства писателя. Но и мастерство, в свою очередь, приходит по мере овладения культурными богатствами других народов.

В том и состоит заблуждение В. Солоухина, автора статьи «Что нас роднит» («Литературная газета» от 6 февраля 1962 года), что он развитие литератур народов СССР выводит из национальных традиций только «своей» литературы. Каждый художник, по его заявлению, должен стремиться «выразить душу, характер именно своего народа», «опираясь на глубочайшие национальные традиции, накопленные веками, и обладая передовой идеологией».

Советский писатель, к какой бы национальности он ни относился, не может замкнуться в узкие рамки «своих» национальных традиций. Тем более не может замкнуться в них дагестанский писатель, который не получил в наследие «глубочайшие национальные традиции, накопленные веками», а многое из того, что досталось от старой поэзии (фольклорное описательство событий, культ формы, созерцательность, изощренность языка), беспомощно в деле выражения великих идей строителей коммунизма, передачи новаторского характера нашей эпохи. Мастерство дагестанских писателей и впредь будет развиваться путем творческого усвоения всего лучшего, что

⁹ Н. С. Хрушев. О Программе КПСС. Госполитиздат, 1961, стр. 131.

создано дагестанской, советской, а также всей прогрессивной литературой мира.

«Да здравствует зрелость и никаких скидок!» — этот лозунг Э. Капиева обретает особый смысл в наши дни, когда Коммунистическая партия в соответствии с новым этапом в развитии нашего общества потребовала повысить воспитательную роль художественного слова в трудовом, моральном и эстетическом воспитании трудящихся.

Л. В. Голи

ФРОНТОВЫЕ ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ Э. КАПИЕВА

Известно, что Э. Капиевым была задумана книга о Великой Отечественной войне. Преждевременная смерть помешала писателю осуществить замысел, но оставленные им «Записные книжки» 1941—1944 годов вводят нас в его творческую лабораторию, с достаточной ясностью определяют и во многом раскрывают ту творческую задачу, которую он ставил перед собой.

Фронтовые записи — результат личных наблюдений и впечатлений. «Не надо выдумывать. Надо быть честным, каждая строка — истина»¹, — таково одно из неотъемлемых требований Капиева-художника. Ради жизненной правды он не щадил себя. Об этом говорит его неукротимое стремление быть в гуще событий, на самых опасных участках фронта, плечом к плечу с простым солдатом.

«Идет жестокая, беспощадная, самая справедливая из всех войн, — писал Капиев. — Здесь выбора нет. Здесь нельзя оставаться в стороне... Нельзя оставаться в стороне»². Голос писателя звучит требовательно: когда Родина в опасности, писатель тоже должен идти в бой. Надо быть полезным Родине, ни на минуту не терять связи с народом.

Тонкий психолог и вдумчивый наблюдатель, Капиев умел схватывать жизненные факты, не всегда, может быть, бросающиеся в глаза, но глубокие по своей психологической сущно-

¹ Эффенди Капиев. Избранное, Государственное издательство художественной литературы, М., 1959, стр. 423. В дальнейшем все цитаты по этому изданию.

² Там же, стр. 424.

сти, раскрывающие внутренний человеческий облик, духовную красоту советского человека, величие его подвига.

Психологизм и лирическое звучание «Записных книжек» роднит их более всего с «Поэтом», талантливой, по словам Н. Тихонова, «честной и глубокой» книгой, созданной Капиевым в довоенное время.

В «Записных книжках» автор стремился запечатлеть типические черты нового советского человека. Ту же задачу Капиев ставил перед собою и в «Поэте», о котором С. Липкин справедливо заметил: «Это не биография Сулеймана Стальского, это книга о беспокойном сердце благородного гражданина великой страны»³.

Характерно замечание Луи Арагона о том, что «Записные книжки» «как-то дорисовывают облик задумчивого старого Сулеймана». К слову сказать, Луи Арагон как примечательную особенность художественной манеры Капиева отмечал тонкость его психологических зарисовок и способность создавать запоминающиеся образы посредством метко схваченной детали⁴.

Человек всегда оставался в центре внимания писателя. В своих воспоминаниях Д. Холендро, с которым Капиева сблизила корреспондентская служба на Северо-Кавказском фронте, рассказывает:

«Близился закат. Мы присели на обочину у поворота дороги, и Капиев предложил записать некоторые впечатления дня. Вдали занималось красное зарево. Оно было похоже на закат, но для заката стоял еще ранний час. Это, скорее всего, горели плавни, горели камыши. Так я и написал, помнится, в блокноте и потом прочел свою запись. Оказывается, у Капиева была запись об этом более подробная. Кроме того, в его блокноте появились строки о мальчишках, которые, напялив на себя немецкие каски, играли в войну на развалинах оставленной нами позади станицы, и об инвалиде, который копал огород, опираясь на костыль. Ничего этого я не заметил»⁵...

Этот фактический документ интересен не только как подтверждение чуткой наблюдательности Капиева. В нем определена одна из особенностей его творческого видения: улавливать во всем, даже в трагических картинах военного времени, непрекращающееся торжество жизни, неиссякаемую веру советских людей в победу, что и обусловило, в конечном счете, оптимистический пафос фронтовых записных книжек.

В записях о войне на первом плане не военные события,

³ Эффенди Капиев. Избранное, Государственное издательство художественной литературы, М., 1955, стр. 9.

⁴ См. «Иностранная литература», 1957, № 3.

⁵ Дм. Холендро. Путь поэта, «Дагестан», 1957, стр. 219. Выделено нами — Л. Г.

а душа народа, его думы, стремления, мужество и стойкость перед лицом суровых испытаний.

В этой связи показательна одна деталь. В начале 1942 года Э. Капиев неоднократно выезжал с партийными заданиями в колхозы и совхозы Ставропольского края и Черкесской автономной области. Здесь он делился с рабочими и колхозниками фронтовыми впечатлениями, рассказывал о героических подвигах советских воинов. В сохранившемся конспекте одного из литературных выступлений Капиев набросал тезис: «**Новые характеры**, воспитанные Великой Отечественной войной в наших людях, поведение этих людей на фронте, **их душа**»⁶.

Война причиняла советским людям безмерные страдания, калечила и уничтожала их. Но душа народа и в трагических условиях оставалась несломленной, она мужала, крепла.

Капиев приводит факты удивительного героизма человеческого духа: «На льду разведчики. Приказ молчать, ни в коем случае не кричать, не то обнаружит враг дивизию. Провалился в прорубь один горец. Полчаса боролся с льдом молча, так и утонул, не издав ни одного звука»⁷.

С чувством сострадания и боли автор говорит о людях, искалеченных войной, среди которых не только взрослые, но и дети. По ассоциации с повседневными драмами войны писателю однажды показалось, будто прыгающему перед ним воробью не хватает рук. «Или, может быть, — замечает он, — это в связи с войной, всюду мерещатся мне инвалиды».

Раненые солдаты, изнуренные женщины, во всем заменившие мужчин, ушедших на фронт, голодные старики и дети, поля в мертвых руинах, трупы рождают в душе писателя щемящую скорбь и жгучее чувство мщения.

Автор показывает войну во всей отвратительной наготы, вскрывает ее античеловеческую сущность, открывает миру ее звериное лицо («В мире есть зверь, этот зверь беспощаден...»), намеренно отбирая исключительные по своему драматизму факты.

Однажды в полевом госпитале Капиев встретился с военврачом, который за истекшие два года войны сделал уже полтора десятка тысяч операций.

«— У вас, наверное, были интереснейшие наблюдения, доктор? Скажите, что самое страшное, что самое трагичное запомнилось вам?» — спросил Капиев. И доктор, «привыкший», по его собственному признанию, к войне, рассказал одну из тех историй, которую даже он, много видевший и испытывавший, не мог не назвать потрясающей.

⁶ Эффенди Капиев. Неизданное, Дагестанское книжное издательство, Махачкала, 1959, стр. 158. Выделено нами — Л. Г.

⁷ Эффенди Капиев, стр. 404.

«— Ко мне в госпиталь привезли лейтенанта, на теле которого было не больше не меньше, а пятьдесят восемь ран. Пятьдесят восемь! Операция длилась четыре часа... Более двух месяцев он находился под моим непосредственным наблюдением, много труда приложил я к тому, чтобы он наконец встал на ноги, — ухаживал за ним, — почти не спал! И вот юноша — вновь полноценный человек, он наконец может выпиться... Его перевели в батальон выздоравливающих и потом сразу послали на фронт. И в первый же день на фронте он был убит!.. Такие вещи, знаете, не забываются. Было ему всего двадцать шесть лет. Юноша, полный молодости...»⁸. Писатель стремится передать ту богатырскую, неистребимую силу, которая сказалась в советских людях с наибольшей яркостью в годы войны.

Война представлена в записках как нечто фантастически-грандиозное, сказочно-чудовищное, никак не воспринимающееся ни человеческим чувством, ни человеческим сознанием. Авторское повествование изобилует гиперболическими образами, романтически окрашенной метафорой: «Не человеческими словами надо говорить и рассказывать об этом, а языком грома и молнии, языком стихии, и быть самому великаном...»⁹.

Война — это «ад», «кошмарный вихрь», «смерч», «страшное пекло», чудовище с открытой пастью. «Как гигантский верблюд, время от времени рывкает издали орудийными залпами война. Дыханием обдаёт нас. Так и видишь этого верблюда там, прилегшего на колени, и кажется, он вот-вот вскочит, погонится за нами, разинув пасть»¹⁰. С китайскими драконами сравнивает Капиев вражеских бомбардировщиков («хмурые чудища»). Разрывы бомб уподобляются «звериному, злому рывканию». «Так и представляешь, — пишет Капиев, — пасти этих хищников, которыми они «мимоходом» огрызаясь, рывкают, даже не оборачиваясь на разрывы зениток»¹¹.

Поля сражений названы то бушующим, пенным морем, то ревущей пучиной, то кипящим океаном, то «суровым пустынным кладбищем». Печные трубы разрушенных домов напоминают автору «могильные памятники».

Философские раздумья автора о войне, насыщенные лиризмом, представляют собою гневный протест тоскующей души поэта: «Слышали ли вы, как стенают в своем молчании сиротливые, безглазые руины? Слышали ли вы вопли, звучащие забвеньем, которые исходят от обгорелых стен и труб?»¹². «Кровавым дождем» летят трассирующие пули, «железом и

⁸ Эффенди Капиев, стр. 458—459.

⁹ Там же, стр. 506.

¹⁰ Там же, стр. 495.

¹¹ Там же, стр. 540.

¹² Там же, стр. 472.

огнем» гудит фронтовая ночь — «о война, о ветер, о безвременье...».

Обилие риторических вопросов, метафорическая насыщенность создают волнуемую патетику повествования, что, в свою очередь, усиливает воздействие книжек на читателя.

Капиев называет советских воинов богатырями: «Разве не богатырями родились мы, пережившие столько и продолжающие молча переживать?». Герои войны — великие и святые страдалцы, с орлиной смелостью и львиной неприступностью боровшиеся с лютым врагом. Вот почему Капиев восклицал: «Все смешно перед тем, что вы делаете, друзья мои воины!»¹³.

Автор, настойчиво повторяя слова «война», «смерть», «тоска», «слезы», воспроизводит атмосферу величайшего бедствия, людского страдания. Роса в глазницах мертвеца и так кажется писателю последней слезой солдата. «Рыдающим» назван задушевный мотив баяна. Стонут от тоски даже закаленные в огне сражений мужские сердца. Выразительна реплика старого бойца: «Обуглилось сердце!» Слезы капиевских героев глубоко выстраданы. Недаром любимую боец называет в письме слезой своей.

Тяжесть военных лет искусно подчеркивается пейзажными зарисовками, обычно немногословными, но емкими по своему внутреннему смыслу. Иногда о природе говорится скупой, одной—двумя фразами («весна, война...», «И ночь, и холод, и мороз»). Но в какой бы форме ни передавались пейзажные картины, они всегда усиливают художественную выразительность авторского повествования и в большинстве случаев приносят в него элементы психологизма.

Герои Капиева преодолевают не только тяготы войны. Порой не менее суровой, чем война, выступает природа. Бойцов преследуют лютые морозы, метели, снежные бури.

Природа постоянно сопутствует человеку. Вместе с ним она живет и страдает, борется и побеждает. Ее, вечно ликующую, но в годы войны осиротевшую, автор постоянно соотносит с человеком, улавливает в ней живую человеческую тоску и человеческое страдание.

«В вырубленном саду одно деревце. Переломанная ветвь его перевязана бинтом, как рана»¹⁴. «И пустые брочки, и зеленеющие едва-едва дали, и вода в канавах, и невысохшая грязь, и мертвец, и обстрел, и гром «катюши», и сожженные машины, и трупы коней — все это уже стало пейзажем и весьма обыденным. Ну, что ж! Такова весна в этом году»¹⁵.

Нередко природа принимает непосредственное участие в человеческих судьбах. Как бы опасаясь за судьбу воинов, тре-

¹³ Эффенди Капиев, стр. 410.

¹⁴ Там же, стр. 543.

¹⁵ Там же, стр. 495.

можно шелестит на привале кукуруза; уставшим бойцам приветливо кивают колосья; нежные лепестки цветущих деревьев заносят белым цветом, словно соленым прибоем, тело убитого моряка, напоминая ему в последний раз о родной стихии.

Конкретности и зримости образов автор достигает посредством сравнений, обычно носящих предметный, вещественный характер: «раненые на крыше, как гроздь», «кровь на песке цвета обожженного кирпича», «трактор тащит подбитый самолет, как муравей дохлую стрекозу», «разбитая пушка, опустив хобот, точно в трауре, молчит, чем-то напоминая орла со сломанным крылом», «за гулом самолета поворачивается сердце, как подсолнух — чутко-чутко», «от ног идет пар, как от кипящей картошки».

Сравнениям в пейзажных зарисовках автор придает чаще всего метафорический смысл и драматическое звучание: «зая как рана», «розы, как сгустки крови», «убитый под телеграфным столбом. Провода оборваны, и столб, как вдова с распущенными волосами над телом мужа, воет в ветре».

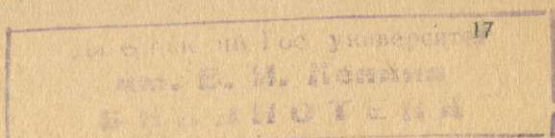
Мрачную окраску в пейзажные картины вносит также присутствующий в них мотив одиночества: «сплошь такие могучие, одинокие... деревья», «кривые вербы низко то тут, то там одиноко торчат из болот», «осталась только одна обгоревшая береза».

Из всего богатейшего многообразия цветов в природе автор выделяет два цвета — красный и черный (цвет крови и цвет израненной войной земли), действительно преобладающие на фронте. Он, правда, замечает и зеленую пшеницу, и бело-желтые цветы, и чистую, весеннюю синеву неба, и белые лепестки цветущих деревьев, и лимонный цвет заката, и лилово-сизые облака. Но красный и черный цвета остаются доминирующими, приобретая значение символа: «И преобладают две краски на войне — иных нет: красная и черная. Красным заревом пылают города, красной кровью залиты степи, черный дым стелется по земле, черны лица убитых. И иногда в эти цвета вмешивается либо синий цвет неба, либо зелень травы, если это лето, либо белый снег, если зима...»¹⁶.

Черный и красный цвета символизируют в записках злое, разрушительные силы, о которых говорят черные столбы дыма, черная сплошная тьма, черные ожоги взрывов, черные от грязи дети на пепелищах, черная тоска, кроваво-красная луна, розы в кровавых одеждах, пылающие города, красные огни пожаров.

И все-таки мажорный тон записок не заглушается. В природе Капиев слышит неумолчное биение жизни, а в людях видит веру в неминуемую победу над врагом. Жизнеутвержа-

¹⁶ Эффенди Капиев, стр. 490.

дающие мотивы превалируют в записках. Обращают на себя внимание отдельные заметки автора: он собирался «особо» написать о шоссе, живущем «самостоятельной яростной жизнью среди снежной пустыни», темой для новеллы намечал описание сверчка в разрушенной и покинутой хате.

Но не столько авторские планы, сколько общий характер записных книжек предопределяет жизнеутверждающую направленность задуманной Капиевым книги.

В природе, несмотря ни на что, жизнь идет своим чередом. «Первым в этом садике, где наши окопы, зазеленел кустик смородины... Все деревья голые и печальные, а этот кустик зеленеет себе, **наперекор смерти**»¹⁷. «Среди развалин, на фоне обгорелой, черной стены кирпичного здания, зацвела израненная верба». «Жаворонок над полем боя. Он повис между небом и тлетворной, черной от запекшейся крови, изуродованной землей, повис на серебряной нитке, а трель его, трепещущая, живая, была **торжеством жизни над смертью**». «Степь. Здесь некогда у дороги был маленький веселый хуторок. Сейчас здесь груды рыжей земли. Никаких признаков человека. Ничего от былой жизни, и только чудом уцелевший обломок абрикосового дерева вдруг зацвел розовато-белым цветом, **точно символизируя бессмертие природы**»¹⁸.

Исходная позиция самого автора во взгляде на жизнь, на окружающий мир, на происходящие события оптимистическая. Она четко определена в одном из диалогов, передающем столкновение двух точек зрения.

«— Несмотря на все — на эту бойню, разгул и пирование смерти, — все равно жизнь сильнее смерти, и жизнь побеждает.

— Неправда. Смерть в конце концов побеждает все. Она сильнее. Это вы говорите для оригинальности.

— Нет, я говорю убежденно. Жизнь исподволь, медленно, без порывов, без «нервов» и резких движений, все же торжествует. В ее медлительном и равнодушном, равномерном, неторопливом цветении — сила и несгибаемое могущество, тогда как смерть «рвет и мечет», торопливо выхватывает свои жертвы и наносит, правда, очень сильные, иногда окончательные, так сказать, генеральные поражения, но урывками, нетерпеливо и нервно. В этом ее слабость. Удивительная вещь правда и победа — они всегда на стороне настороженно спокойных и упорно-терпеливых. Такова жизнь»¹⁹.

Вполне возможно, что обе точки зрения, несмотря на их противоречивость, принадлежат автору и отражают его сложную внутреннюю борьбу. Ведь бывали случаи, когда и он, под

¹⁷ Эффенди Капиев, стр. 494. Выделено нами — Л. Г.

¹⁸ Там же, стр. 537. Выделено нами — Л. Г.

¹⁹ Там же, стр. 569—570.

влиянием тяжелой, мрачной минуты впадал в уныние и даже отчаяние.

«Хватит ли сил описать все, что видел сегодня? — тревожно спрашивал Капиев самого себя.

Перчатка, полная крови, у окопа.

Сидящий лейтенант: лицо и грудь в крови.

Раненый, закутанный в плащ-палатку.

— Егор, где ты?

— Тут, тут, возле тебя (Вина хочешь? — Давай!).

Мальчик, жалкий, худой: мертв.

В воде, затылком вверх повар.

Кони в грязи.

Мина, взорвавшаяся перед нами. Переправа на бочке...

Я не выдержал!»²⁰.

Но подобные настроения были временными, скоропреходящими. Однако немаловажна их роль в раскрытии характеров. Руководствуясь только суровой жизненной правдой, Капиев не боялся сказать о проявлении в самом себе и в героях слабости, малодушия, страха. И все же настроение бодрости, оптимизм всегда побеждали в душе автора, а герои его мужественно преодолевают и трудности войны, и собственные слабости. Живые люди предстают перед нами в «Записных книжках» Капиева.

Напряженной лирической взволнованностью и драматизмом наполняет содержание записей образ матери, самый полный и яркий из всех женских образов, намечаемых автором. Образ величественной, стойкой, любящей матери, символизирующий торжество жизни над смертью, является самым убедительным выражением жизнеутверждающей идеи фронтовых записей Капиева.

В философском осмыслении этого образа писатель переключается с Горьким. Автор изумляется силе материнской любви, побеждающей страх, усталость, голод, будто вступающей в состязание с войной и со смертью.

Однажды в полуразрушенном двухэтажном доме бойцы остановились на ночлег. Здесь им предстояло провести несколько дней. Несмотря на усталость, бойцы не могли спокойно заснуть от беспрестанных, надоедливых звуков над головой, напоминавших шум фуганка. Что это? С изумлением солдаты прислушивались к однообразным звукам и думали. «Что за неутомимый плотник? Когда он отдыхает? Днем и ночью, днем и ночью строгают и строгают, точно задался целью наперекор всему восстановить весь город, точно вступил в еди-

²⁰ Эффенди Капиев, стр. 486.

ноборство с войной: ты, мол, разрушай, а я буду восстанавливать — посмотрим, кто кого»²¹.

Но как они были поражены, когда, поднявшись наверх, увидели в полумраке худую, изможденную маленькую женщину, которая спала, прикорнув с закрытыми глазами у печки, и механически качала люльку, в которой пищал больной ребенок.

Восхищенные и покоренные любовью матери, ее выносливостью, терпением, мужеством, солдаты молча стояли у порога и потом, бесшумно закрыв за собою дверь, на цыпочках спустились вниз.

«Мать. Бессмертный богатырь наш! Сколько молитв послали мы тебе в эту ночь!»²² — пишет восторженно Капиев. Любой эпизод, рассказывающий о матери, мог составить цельную, законченную аллегорическую новеллу необычайной психологической силы.

Рождение ребенка на поле боя под огнем орудий, в гуле разрывающихся бомб, среди груды мертвых тел олицетворяет вечное дыхание жизни, никогда не угасающее ликование природы перед лицом смерти. Безудержная радость охватывает бойцов при виде новорожденного. Они воспринимают рождение ребенка в диком хаосе войны как пророчество победы.

«—... Ура! Ура! Ура-а-а! Ура-а-а!

Мы плясали возле роженицы, как дикари, а мать лежала в крови, белая, и еле слышно что-то шептала»²³.

Мать — источник жизни и потому ей трудно поверить в смерть. Она носит на руках мертвого ребенка, ожидая его исцеления. От трупа идет уже запах, а мать все не может расстаться с ребенком и все носит и носит его...

Чувство самоотверженной любви матери к детям, обостренное в обстановке постоянной угрозы смерти, изображается как основной двигатель всех ее чувств и поступков. Неисчерпаема материнская душевная щедрость. Сколько осиротевших детей нашли теплый приют в сердцах чужих матерей! Советская мать называет сыном любого бойца. Она готова каждого из них окружить присущей ей заботой, согреть своей лаской. Ее гуманизм неразделим с патриотическим, гражданским долгом перед народом и Родиной: и в сыне своем и в каждом солдате она видит прежде всего защитника Родины. Вот почему в счастливую минуту недолгой встречи с сыном-фронтовиком мать вместе с бельем и хлебом дает ему револьвер. Она убеждена, что для победы над врагом надо жертвовать всем.

²¹ Эффенди Капиев, стр. 514.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 567.

О том, что тема матери была задумана в широком плане, говорят не только многократные упоминания имени матери, частое увязывание различных событий с ее образом, но и проявленный автором интерес к этой теме в трактовке других писателей. В частности, об этом свидетельствует пометка: «Притча о камнях, которые варила мать, усыпляя детей», сделанная, видимо, по прочтении К. Хетагурова.

В задуманной книге, по авторскому признанию, ставилась задача «показать в однократном многократное».

В едином героическом порыве представлен в записках ведущий, центральный герой произведения — народ. Излюбленным эпитетом «наэлектризованный» Капиев воспроизводит готовность народа по первому зову вступить в смертельную схватку с ненавистным врагом.

Многонациональный советский народ — одна семья, спаянная неугасимым патриотическим чувством. Воины, герои записок, — представители разных национальностей: русские, украинцы, лезгины, лакцы, казахи, цыганы, азербайджанцы, грузины, армяне, осетины и др. Все они чувствуют себя сыновьями одной матери-Родины, в борьбе за которую стираются национальные различия.

«— Кто ты?

Умирающему, раненому бойцу у дороги.

— Русский, — прошептал боец, и это было его последнее слово.

Он умер. Это был, по всему видимому, азербайджанец, но он прошептал: «Русский»²⁴.

И о себе автор говорит, что в условиях войны он забыл о своем происхождении: и думает, и говорит, и пишет по-русски.

Все воины как один охвачены неумным желанием поскорее покончить с войной, вернуться в родные места, заняться любимым делом. Запах земли, парного молока, цвет чернозема, заброшенные хлебные поля тревожат солдата воспоминанием былой трудовой жизни: «Грустный, мирный комбайн среди степи, усеянной трупами. Не та жатва, не те снопы! Не тот урожай, не та страда»²⁵. Все говорит о мирных устремлениях народа: планы восстановления разрушенных городов, мечта увидеть поскорее конец войны, упоительный труд на освобожденной земле, проявленная в письмах забота о семейном быте, о родном очаге. И не о том ли свидетельствуют «скворечница из металлического футляра немецкого противогАЗа» и каски «посреди почти каждого двора», из которых куры пьют воду, штык, в который вставлена горящая свеча!..

Даже в природе, в окружающих предметах подчеркивается автором кротость и миролюбие: «Воробей на ветке. Такой

²⁴ Эффенди Капиев, 1959, стр. 507.

²⁵ Там же, стр. 487.

ласковый, милый, кроткий». «Кроткими» глазами смотрит на прохожих обломок абрикосового дерева, расцветший розовато-белым цветом в грудах рыжей земли. Благодушно «настроены» вещи, укрывающие человека от всяческих бед. Большую идейную нагрузку несет эпитет «мирный»: советский народ жаждет мира и доказательством этого является не только поведение людей, но и окружающий мир русской природы и жизни («мирная семья подснежников», «мирный трактор»).

Патриотизм советского народа проявляется в самых разнообразных формах... Партизаны, хоть и голодны, не могут резать породистого быка («привели обратно в свой колхоз живого. «...То-то была радость!»), колхозница плачет оттого, что немцы зарезали на обед роте корову-рекордсменку, женщина у переправы раздает бойцам моченые яблоки, девушка-невеста вместо калыма требует героизма.

Весь народ, от мала до велика, зажжен чувством справедливого отмщения. О монолитной сплоченности народа говорят многие авторские раздумья, его замыслы. «Надобно написать рассказ, — читаем в «Записных книжках», — о человеке, который не хотел, не верил и, увлекаемый массой, все же шел, делал, воевал и, постепенно войдя во вкус, стал ярым патриотом, стал ненавидеть и проклинать таких же, каким недавно был сам»²⁶.

Массовый героизм советского народа, неодолимость его жизнеутверждающей силы, вера в победу — вот идейная основа фронтовых записных книжек.

Солдаты понимают свою историческую миссию: «Это же мировое дело — разгром-то фашизма». Вот почему, по их предположению, на значке, который будут вручать после разгрома фашизма каждому защитнику Родины, должно быть непременно изображение земного шара.

Но на свои боевые подвиги советские люди смотрят, как на обычное, повседневное дело. Потому и становится бытом их фронтовая жизнь: женщины белят избы, развешивают на веревке белье, дети катаются на салазках, в хате демонстрируется кино, старик сажает дерево и как апофеоз миролюбивых устремлений — летающие вокруг голуби.

Обычно Капиева привлекают такие черты характера, которые свойственны рядовому советскому человеку и в совокупности создают типичный образ положительного героя нашего времени. В «Книжках» приведены яркие примеры патриотизма воинов, их неуклонной воли к победе, великой любви к человеку, неизбывного чувства протеста против всякого рабства.

²⁶ Эффенди Капиев, стр. 560.

Записки Капиева в целом создают яркий образ простого человека из народа. Сила и красота его характера раскрывается писателем, как правило, через поступки в обстановке исключительно трудных, остро драматических обстоятельств.

«Записные книжки» изобилуют эпизодами о воинской доблести, критерием которой выступает требование — быть до конца честным и преданным Родине.

... Сапер Газаров послан взорвать важный мост через горную реку, усиленно охраняемый немцами. Полную гарантию успеха могло обеспечить предельное сокращение времени для взрыва. Следовательно, надо было максимально укоротить шнур, что значило «оставить для себя ничтожный шанс на спасение».

«И Газаров укоротил шнур. Он не успел далеко отбежать: взрывной волной его подняло на воздух и бросило об острые прибрежные камни. Последнее, что он увидел, — это были звезды. Отражаясь в горной реке, они прыгали и уходили в синюю мглу...»²⁷.

Другой воин, Фарраш, своим телом прикрывает мину. По его спине проходит отряд автоматчиков, пробирающихся в тыл к немцам по узкому проходу заминированного поля. «Упершись локтями и коленями в землю, образовав над миной мост, он лежал так, прикрывая собой смерть ради жизни.

...Когда же так, в полной тишине, прошел через него весь отряд, Фарраш был уже почти без чувств. Он хотел приподняться, но тело не слушалось, его клонило на мину... Невероятным, страшным усилием, собрав воедино всю свою волю, Фарраш откинулся в сторону. Боль в руках и под лопатками была невыносима. Он повернулся на спину и лег, глядя на небо.

Товарищи исчезли в темноте. На востоке бледнело небо. Фарраш лежал, распластавшись, не в силах подняться, но облегченно и усиленно глядя на звезды.

Начался штурм... Далеко грянуло «ура!»²⁸.

Тяготение автора к сложным ситуациям вполне оправдано его стремлением раскрыть в человеке его лучшие качества. Постоянно сопутствующий описаниям героических поступков воинов авторский лиризм делает образы особенно дорогими и близкими.

Капиев прибегает довольно редко к портретной характеристике. Намеренно он отмечает неказистый вид, ничем не примечательную внешность мужественных «безумных» в своей храбрости воинов:

²⁷ Эффенди Капиев, стр. 461.

²⁸ Там же, стр. 455—456.

«Со стороны могли бы подумать: «Вот тип мокрой курицы». Но это был истинный герой, орел, это был тип доблестного героя. И все они такие»²⁹.

Из всех средств портретной характеристики автор отдает предпочтение описанию глаз: в них душевные движения отражаются более всего. «Глаза у старухи впалые, полные материнской невинности», у мальчика «глаза козлиные, глядящие прямо, смело, по-детски чистые, но в то же время по-взрослому скорбные», у девушки, пережившей немецкий плен, «немые глаза, безжизненные, полные слез...», у медицинской сестры, милостливой девушки, глаза, «крупные, голубые, озорные».

В героических подвигах солдат Капиев видит отражение народного сознания, высокого благородства и красоты. Ему как поэту-гражданину одинаково дороги и чувство ответственности перед Родиной, проявление которого он наблюдал повседневно, и поэтическое чувство, которое неиссякаемо в народе, несмотря на суровую действительность войны. Писатель с нескрываемым восхищением говорит о бойцах, самозабвенно, с душой поющих песню, о солдате-азербайджанце, бережно вырезающем из газеты стихи, о пекаре-армянине, у пылающей печки вдохновенно читающем наизусть «Давида Сасунского».

Тонкая поэтическая душа народа восторгает Капиева: «Не знаю ничего более эмоционального, могучего, чем гармонь в руках виртуоза, в деревне, при луне, при смехе девушек».

Отражение народной мудрости Капиев видел в фольклоре, который, по его признанию, «как и язык, как и все живое на земле, развивается и движется вперед, ищет и находит новые эпитеты, новые образы». Использованный в «Записных книжках» фольклорный материал усиливает их основную идейную направленность: раскрывает героическое воодушевление народа: «Герой умирает однажды, а трус сто раз (черкесская песня)», «Не беда, пусть кинжал деревянный, лишь бы сердце железное». «Записные книжки» насквозь лиричны. Нередко лиризм сочетается с мягким юмором. Разнообразие оттенков чувства, которые тонко улавливает Капиев, создавая психологические характеристики, придает «Записным книжкам» волнующую лирическую окраску.

²⁹ Эффенди Капиев, стр. 604.

Б. ФАРБЕР.

РАННИЙ ТУРГЕНЕВ И БЕЛИНСКИЙ

Природа — вечный образец искусства, а
величайший и благороднейший предмет
в природе — человек.

(В. Г. Белинский) ¹.

...Я преимущественно реалист и более все-
го интересуюсь живою правдою людской
физиономии...

(И. С. Тургенев) ².

Литературная деятельность раннего И. С. Тургенева и В. Г. Белинского неразрывно связана с антикрепостническим движением в России и развитием прогрессивной литературы, преодолевшей многочисленные и всевозможные преграды на пути к критическому реализму. В центре внимания двух выдающихся современников были интересы родины и народа, чаяния и надежды которого ими выражены правдивым и бессмертным словом в искусстве и науке. Тургеневу не удалось подняться до мировоззрения Белинского, но, как утверждает М. И. Калинин, великий писатель «искал прогрессивные явления в русском обществе и стремился их отразить. В этом отношении, — подчеркнул Михаил Иванович, — он много сделал для развития русской общественной мысли» ³.

Преодолев серьезные ошибки в определении принципов

¹ В. Г. Белинский. П. С. С., АН СССР, М., 1956, том X, стр. 300.

² И. С. Тургенев. Собр. соч., Письмо М. А. Милотиной. Т. XI, стр. 296—297.

³ М. И. Калинин. О литературе. Л., Госполитиздат, 1949, стр. 78.

материалистической эстетики, Белинский расчистил писателям, в том числе и Тургеневу, путь к осознанию противоречий русской действительности и воспроизведению ее типических явлений. Белинский привлек внимание Тургенева прежде всего тем, что он раскрыл национальное своеобразие русской литературы и потребовал от писателей самоотверженного служения интересам современности.

В своих статьях, воспоминаниях и письмах, характеризующих жизнь и деятельность Белинского, Тургенев показал, что гениальный критик был властителем дум молодежи сороковых годов и «всем существом своим стоял близко к сердцевине своего народа, воплощал его вполне...»⁴. К чести Тургенева следует отметить, что, несмотря на его некоторые необоснованные и спорные высказывания о Белинском (односторонняя трактовка его эрудиции и т. п.), общая оценка писателя сходна с оценкой русской революционной демократии шестидесятых годов, считавшей Белинского своим предшественником и учителем.

Молодой Тургенев не полагал, что будет писателем. Он готовил себя к научно-педагогической деятельности, мечтал с университетской кафедры просвещать молодежь, а через нее Русь. Как и многие его сверстники — участники философских кружков — Тургенев считал этот путь наиболее соответствующим требованиям времени. Но, как утверждает сам писатель, он, под влиянием Белинского, нашел свое призвание не в науке, а в литературе, которой посвятил всю свою жизнь. Тургенев еще в ранний период своей деятельности пришел к заключению, что истинное художественное слово должно сыграть не меньшую, а большую роль в жизни общества, чем философия, хотя бы потому, что оно по своей образности доступнее широкому кругу людей и что читатель видит в прогрессивных писателях своих наставников в борьбе с крепостничеством.

С помощью Белинского, который «шел наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников»⁵, ранний Тургенев переоценил свои взгляды на жизнь, преодолел влияние псевдоромантизма, названного им «ложновеличавым», и примкнул к натуральной школе, заложившей основы критического реализма. Он гордился тем, что был в числе учеников Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Белинского и что унаследовал их лучшие традиции в своем творчестве.

Не сразу Тургенев признал приоритет Белинского в вопросах эстетики. Как и многие его сверстники, он был возмущен статьей критика, направленной против «общего идола» Бенедиктова. Он даже готов был вступить в полемику с Белин-

⁴ И. С. Тургенев. ПСС, М., 1956, т. X, стр. 281.

⁵ Н. Г. Чернышевский. ПСС., т. VI, стр. 323.

ским, чтобы отстоять мнение значительной части читающей публики о любимом ею поэте. Аргументация критика не только охладила пыл Тургенева, но и помогла ему подойти к правильному решению вопроса об отношении искусства к действительности. Вот как писатель рассказывает о роли гениального мыслителя в формировании его эстетических взглядов: «Вот в одно утро зашел ко мне студент-товарищ и с негодованием сообщил мне, что в кондитерской Беранжэ появился номер «Телескопа» с статьей Белинского, в которой этот «критикан» осмеливался заносить руку на наш общий идол, на Бенедиктова. Я немедленно отправился к Беранжэ, прочел всю статью от доски до доски — и, разумеется, также воспылил негодованием. Но — странное дело! и во время чтения и после, к собственному моему изумлению и даже досаде, что-то во мне невольно соглашалось с «критиканом», находило его доводы убедительными... неотразимыми»⁶.

1843 год был началом тесного сближения двух выдающихся деятелей литературы. Белинский восхищался умом и талантом своего собеседника, находил в спорах с ним огромное удовлетворение. Беседы друзей, посвященные философии, социологии и искусству, были пропитаны актуальными проблемами, волновавшими современников. Из дискуссий с писателем Белинский убедился, что «предобрый и премеякий» Тургенев далек от методов борьбы, провозглашенных революционной демократией, и что вместе с тем его эстетические взгляды близки к их учению об искусстве. Белинский писал Боткину о Тургеневе: «Этот человек необыкновенно умный, да и вообще хороший человек. Беседы и споры с ним отводили мне душу. Тяжело быть среди людей, которые или во всем соглашаются с тобою, или если противоречат, то не доказательствами, а чувствами и инстинктом, — и отрадno встретить человека, самобытное и характерное мнение которого, сшибаясь с твоим, привлекает искры... Вообще Русь он понимает. Во всех его суждениях виден характер и действительность»⁷.

Как видно из письма критика, расхождение между ним и писателем по ряду принципиальных вопросов обострило его интерес к Тургеневу. Вождь революционной демократии 40-х годов был убежден в том, что его оппонент будет рядом с ним в сложные для родины дни. И действительно, когда выяснилось в 1846—48 годах резкое расхождение между демократическим и буржуазно-либеральным направлениями, симпатии писателя были на стороне лагеря, возглавляемого Белинским.

Тургенев считал Белинского неоспоримым авторитетом в вопросах искусства. Он неоднократно подчеркивал, что многим

⁶ И. С. Тургенев. Собр. соч., М., 1956, т. X, стр. 275.

⁷ В. Г. Белинский. П. С. С., М., 1956, т. XII, стр. 154.

обязан выдающемуся критику, определившему путь его творческого развития. «Белинский, — писал Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях», — бесспорно, обладал главными качествами великого критика; и если в деле науки, знания, ему приходилось заимствовать от товарищей, принимать их слова на веру — в деле критики ему не у кого было спрашиваться, напротив, другие слушались его; почин оставался постоянно за ним. Эстетическое чутье было в нем почти непогрешительно; взгляд его проникал глубоко и никогда не становился туманным. Белинский не обманывался внешностью, обстановкой — не подчинялся никаким влияниям и веяниям; он сразу узнавал прекрасное и безобразное, истинное и ложное и с бестрепетной смелостью высказывал свой приговор...»⁸. Как видно из изложенного, Тургенев и Белинский понимали друг друга, были духовно близки.

Уже в драматической поэме «Стено», сочетающей черты романтизма Жуковского и Байрона, заметно тяготение ее автора к освобождению от литературных условностей и абстракций. В поисках соответствующего его таланту литературного оружия Тургенев прошел сложный и нелегкий путь. Статьи Белинского помогли ему разобраться в действительности и высказать отношение к ней. Так, например, в думе «Вечер» уже ощутима тревога поэта за судьбу человека, опутанного пассивной романтикой, уводившей человека от насущных проблем века. Пейзаж «Вечера» контрастен размышлениям и переживаниям героя. Произведение передает настроения передовой части общества, потрясенной событиями 1837 года:

В моей душе тревожное волненье:
Напрасно вопрошал природу взором я;
Она молчит в глубоком усыпленье —
И грустно стало мне, что ни одно творенье
Не в силах знать о тайнах бытия⁹.

Стремление поэта разгадать «тайны бытия» и определить причины дисгармонии между природой и людскими отношениями вызывает в нем «тревожное волнение», не покидавшее Тургенева до его последнего вздоха. Написанное вслед за думой «Вечер» стихотворение «К Венере Медицейской» отражает стремление автора показать бессмертные красоты. Он, как и Лермонтов, напоминает соотечественникам, что прекрасное всегда сочеталось с подвигом, что еще задолго до нашей эры эти черты были свойственны людям. Античная тема стихотворения не заслоняет призыв автора к жизнедеятельным силам родины следовать лучшим традициям предков. Сопостав-

⁸ И. С. Тургенев. Собр. соч., М., 1956, т. X, стр. 282—283.

⁹ И. С. Тургенев. П. С. С., М., 1956, том. X, стр. 8.

ляя две эпохи, Тургенев осуждает современников за то, что они не выполняют своего долга перед обществом:

Но нам их бурный жар и чужд и непонятен;
Язык любви, страстей нам более не внят;
Душой ували мы.
Они ж, беспечные, три цели знали в жизни:
Пленились славою, на смерть шли за отчизну,
Все забывали для любви ¹⁰.

В этом, как и во многих других произведениях раннего Тургенева, характерно сочетание личных и общественных интересов героев. Несмотря на подражательный характер первых опытов поэта, в них уже видны искорки многообещающего таланта. В созданных Тургеневым более чем ста стихотворениях, о которых он не любил вспоминать в расцвете творческих сил, Белинский заметил не только преодоление поэтом влияния «ложновеличавой школы», но и усвоение им принципов прогрессивных направлений. Ряд поэтических произведений Тургенева критик расценивает как положительный вклад в поэзию послепушкинской поры.

Еще в сороковые годы Тургенев был убежден, что «в русском человеке таится и зреет зародыш будущих великих дел, великого народного развития». Эта мысль ярко выражена им в стихах и критических статьях, одобренных Белинским. Так, в рецензии на «Повести, сказки и рассказы казака Луганского» Тургенев, солидаризируясь с Белинским, высказал следующее суждение о национальном своеобразии и народности в искусстве: «У нас еще господствует ложное мнение, что тот-де народный писатель, кто говорит народным языком, подделывается под русские шуточки... Но мы не так понимаем слово «народный». В наших глазах, тот заслуживает это название, кто, по особому ли дару природы, вследствие ли многотревожной и разнообразной жизни, как бы вторично сделался русским, проникнулся весь сущностью своего народа, его языком, его бытом» ¹¹.

В стихотворениях «Баллада» и «Федя», переплетенных между собой тематически, уже видна тенденция автора проникнуть «в сущность своего народа» и воспроизвести «многотревожную» действительность в аспекте реализма. Скованный по рукам и ногам крестьянский сын, из ран которого сочится кровь, держит ответ перед палачом-воеводой. Всем своим поведением молодец показывает своему врагу, что смерть ему

¹⁰ И. С. Тургенев. П. С. С., М., 1956, том X, стр. 9.

¹¹ И. С. Тургенев. Собр. соч., М., т. XI, стр. 99—100.

не страшна и что жалеет он только о том, что скованы его руки. На издевательство воеводы молодец отвечает ему беспощадным сарказмом, разящим противника в самое сердце.

Федя, герой одноименного произведения, мстит господам за себя, односельчан и за захваченного воеводой молодца. Только изредка, и то тайком, Федя навещает родное село, чтобы справиться о близких его сердцу. Федя и безымянный молодец из «Баллады» подсказывают читателю, что народные мстители не переведутся до тех пор, пока не восторжествует социальная справедливость. О специфике этих и подобных произведений Белинский писал: «Художественная обработка характера в том и состоит, что если он дан поэтом в известный момент своей жизни, вы уже сами можете рассказать всю его жизнь до и после этого момента»¹².

Произведения «Баллада» и «Федя», заслужившие положительную оценку Белинского, связаны с циклом стихов Тургенева «Деревня», написанных автором через пять лет после появления его статьи «Несколько замечаний о русском хозяйстве и русском крестьянине»¹³. Под благотворным влиянием передовых идей эпохи, автор «Деревни» выступает в защиту обездоленного народа и выражает горячую заинтересованность в ликвидации его бесправия. На фоне забываемых картин природы Тургеневым дан портрет мужаика, не лишенного «хозяевами» только воздуха. Блестящее мастерство Тургенева-пейзажиста исчерпывающе охарактеризовано Белинским. «Тургенев, — по меткому определению критика, — любит природу не как дилетант, а как артист, и потому никогда не старается изображать ее только в поэтических ее видах, но берет ее, как она ему представляется. Его картины всегда верны, вы всегда узнаете в них нашу родную, русскую природу...»¹⁴.

Родной пейзаж не заслонил трудового человека; забота о нем составляет основу цикла стихов «Деревня». В подтексте названных стихов выражена мысль, что необъятная и прекрасная родина-степь, ставшая, в силу социальных условий, мачехой крестьянину, тоскует по хозяину-труженику. Заключительное стихотворение «Первый снег» намекает на то, что меняются не только времена года, но и социальные отношения. Прощаясь с деревней, автор как бы мимоходом замечает, что за преобразование родины ведется непримиримая борьба, в которой и он участвует.

Критические статьи и рецензии Тургенева, близкие Белинскому по высказанным в них взглядам, сыграли положительную роль во взаимоотношениях двух выдающихся современников.

¹² В. Г. Белинский. Собр. сочинений в трех томах, т. I, 1948, стр. 468.

¹³ И. С. Тургенев. П. С. С., М., 1956 г., т. XI, стр. 420.

¹⁴ В. Г. Белинский. П. С. С., М., 1956 г., т. X, стр. 347.

Статьи «Вильгельм Телль», «Фауст», «Смерть Ляпунова» и другие, как и художественное творчество Тургенева, были подспорьем революционной демократии сороковых годов в борьбе за формирование передового мировоззрения читателя. Как и Белинский, писатель утверждает, что источником искусства служит объективная действительность и что художник должен воспроизводить ее, не изменяя правде. Только такое отношение к действительности, по убеждению Тургенева, может способствовать появлению произведений искусства, соответствующих требованиям жизни. В рецензии на «Фауст» Гёте Тургенев, отдавая должное автору, замечает: «Как поэт Гёте не имеет себе равного, но нам теперь нужны не одни поэты... мы (и то, к сожалению, еще не совсем) стали похожи на людей, которые при виде прекрасной картины, изображающей нищего, не могут любоваться «художественностью произведения», но печально тревожатся мыслью о возможности нищих в наше время»¹⁵. Эта мысль особенно тревожила поэта в сороковые годы. Он пытается изложить ее в намечавшемся цикле физиологических очерков, в которых предполагал изобразить задворки столицы. Из найденного и опубликованного академиком А. И. Белецким автографа Тургенева видно, что художник намеревался показать трущобы Петербурга, где ютилась городская беднота, и фабрику с эксплуатируемыми рабочими. Замысел Тургенева не был осуществлен, но физиологические очерки стали составной частью его поэм, положительно оцененных В. Г. Белинским. На первую поэму Тургенева «Параша» критик неоднократно откликался в печати и письмах. В 1843 году Белинский встретил поэму восторженно. Высокая оценка критиком поэмы объясняется не столько ее достоинствами, сколько безвременьем в поэзии после гибели Пушкина и Лермонтова. Следует также учесть, что «Параша», названная автором рассказом в стихах, помогла Белинскому бороться с псевдоромантизмом. Гениальный критик предупреждал современных ему и будущих исследователей, что несмотря на влияние поэмы «Евгений Онегин» на поэму «Параша», они по пафосу несравнимы. Некоторые литературоведы упускают из поля зрения это весьма важное замечание Белинского. Многие исследователи игнорируют и мнение Белинского о поэме, высказанное им в знаменитой статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года». Белинский писал в ней: «Параша» была замечена публикой при ее появлении по бойкому стиху, веселой иронии, верным картинам русской природы, а главное — по удачным физиологическим очеркам помещичьего быта в подробностях. Но прочному успеху поэмы помешало то, что автор, пиша ее, вовсе не думал о физиологическом очерке, а хлопотал о поэме в том смысле, в каком у него нет

¹⁵ И. С. Тургенев. Собр. соч., М., 1956, т. XI, стр. 36.

самостоятельного таланта к этому роду поэзии. Оттого все лучшее в ней проблеснуло как-то случайно, невзначай»¹⁶.

Белинский, со свойственной ему прозорливостью, заметил в авторе поэмы современника, носившего в своей груди скорби эпохи. Скорби эти Тургенев показал в изображении помещичьих нравов, противоречащих естественному развитию общества. Уже по описанию барского дома, в котором томилась Параша, видно, что обитатели его мешают прогрессу и расцвету родины:

...Широкий, низкий, с крышей безобразной,
Подпертой рядом жиденьких колонн...
Свидетель буйной жизни, лени праздной
Двух или трех помещичьих племен.
За домом сад: в саду стоят рядами
Все яблони, покрытые плодами...
Известно: наши добрые отцы
Любили яблоки — да огурцы...¹⁷.

У читателя нет сомнения, что обитатели этого дома не оказали на Парашу благотворного влияния и не они воспитали свойственные ей благородные чувства и мысли. Книги, природа и подневольные люди вызвали в Параше желание как можно скорее вырваться из опостылевшего ей дома. Пошлость и никчемность окружающего ее общества были резким контрастом возвышенным мыслям, почерпнутым ею из книг. Параша, как и многие героини, ждала героя, который укажет ей путь осуществления сокровенной мечты о личном счастье, связанном со служением людям. Она была готова к страданию и к подвигу. Появление Виктора, отличавшегося от провинциального общества внешностью и светскими манерами, обнадежило Парашу. Она не сомневалась в том, что именно он поведет ее к возвышенной цели, которую, кстати, она себе представляла смутно. Тургенев подчеркивает в этом произведении, что Параша в сороковые годы не была исключением и что по устремлениям своим «она нашей Руси дочь».

Исковерканный высшим светом, Виктор не оправдал надежд Параша. Ему, знавшему игру страстей, не трудно было вскружить голову провинциальной барышне ради корыстных целей. По определению Белинского, Виктор принадлежал к молодежи, которая «улыбкой презрения и насмешками прикрывает тощее сердце, праздный ум, посредственность натуры».

¹⁶ В. Г. Белинский. П. С. С., М., 1956, т. X, стр. 344—345.

¹⁷ И. С. Тургенев. П. С. С., М., 1956, т. X, стр. 133.

Этот преждевременно состарившийся юноша, потерявший интерес к жизни, нашел удовлетворение в байбачестве, собственном его среде. Раскрыв трагедию Параши и Виктора, автор скорбит о том, что героиня поэмы не нашла своего пути, опустилась и превратилась в типичную помещицу, погрязшую в пошлости усадебного быта:

Но, боже! То ли думал я, когда,
Исполненный немого обожанья,
Ее душе я предрекал года
Святого, благодатного страданья!
С надеждами расставшись навсегда,
Свыкался я с суровым отчуждением,
Но в ней ласкал последнюю мечту
И на нее с таинственным волнением
Глядел, как на любимую звезду...
И что ж? Я был обманут...¹⁸.

Тургенев упорно искал в русской действительности ростки нового, которые должны были способствовать изменению облика родной страны. Эти поиски привели его к поэме «Разговор», опубликованной через год после появления «Параши». В этой поэме автор отошел от физиологического очерка; он старался в ней осветить философию «отцов и детей», разделявших скорби эпохи. Взгляды героев, выведенных в этой поэме, полемически и энергично изложены в диалоге Старика и Молодого человека.

Ты, как дитя, самолюбив,
Как женщина, нетерпелив,
И добродушно лишь с собой
Ты занят; нет любви прямой,
И нет возвышенных страстей
В душе мечтательной твоей.¹⁹

Эти и подобные строки из «Разговора» не могли быть обойдены Белинским, присматривавшимся к каждому литературному произведению, которое выражало отрицательное отношение к пассивности и покорности. «Всякий, кто живет и, следовательно, чувствует себя постигнутым болезнью нашего века — апатией чувства и воли при пожирающей деятельности мысли, — писал критик в 1844 году, — всякий с глубоким вниманием прочтет прекрасный, поэтический «Разговор» Тургенева и, прочтя его, глубоко, глубоко задумается»²⁰.

¹⁸ И. С. Тургенев. П. С. С., М., 1956, т. X, стр. 159—160.

¹⁹ И. С. Тургенев. П. С. С., М., 1956, т. X, стр. 176.

²⁰ В. Г. Белинский. П. С. С., М., 1956, том. VIII, стр. 599.

Белинский помог Тургеневу в издании поэмы, редактировал ее. Он, например, внимательно следил за уточнением стиля и языка произведения. Критик писал автору: «Что такое: надменная тишина? — Великодушный кисель? Насупленные, седые, густые брови — все равно, но с одним из двух последних эпитетов стих ловчее и звучнее. Стр. 12, стих 4: птица испуганная: в русском языке нет глагола испугать, а есть глагол спугнуть, поставьте: птица спугнутая...».

Когда у руля поэзии уже стоял Некрасов, а у руля прозы Тургенев, Белинский изменил свое отношение к поэме «Разговор». Он отметил в ней звучные и сильные стихи, но отказал ей в оригинальности и ясности идеи.

Считая себя до конца своей жизни человеком сороковых годов, Тургенев имел в виду выраженные им мысли и чувства, близкие Белинскому и Герцену. Вспомнив о своем «молодом времени» на юбилейном вечере, устроенном в его честь в 1879 году, Тургенев сказал: «Нет никакого сомнения, что сочувствие ваше относится ко мне не столько как к писателю, успевшему заслужить ваше одобрение, сколько к человеку, принадлежащему эпохе сороковых годов...»²¹. Он подчеркнул при этом, что выступил в эти годы против всего «темного и притеснительного». Тургенев пожелал поколению восьмидесятых годов выдвинуть из своей среды нового Белинского, который будет соответствовать духу времени.

Нет сомнения, что три черты, которые В. И. Ленин считал характерными для «просветителей», связывали духовно Белинского и Тургенева. Не случайно П. А. Вяземский писал Погодину в 1869 году: «Будьте здоровы и работайте; начните, например, с рубки Белинского и Тургенева. Порубите с плеча и откровенно. Дело должно делать начистоту»²².

После романтического «Разговора» поэт возвращается к физиологическому очерку в стихах, каким в полной мере, по определению Белинского, является произведение Тургенева «Помещик». Критик увидел в «Помещике» не только рассказ, написанный бойким и веселым стихом, но и верную картину, выхваченную из гущи русской жизни. Белинский считал это произведение самым удачным в поэзии Тургенева. Сатира на дворянство, сочетавшая в себе байбачество с произволом и ханжество с пошлостью, составляет основу «Помещика». Следуя Пушкину и Гоголю в изображении быта и нравов владельцев усадьбы, автор «Помещика» переключается с Герценом, создавшим в сороковые годы образ Негрова. Примечательно, что Тургенев рисует не только портреты обитателей дворянских гнезд, но и их идеологов. Читатель без труда

²¹ И. С. Тургенев. П. С. С., М., 1956, том. XI, стр. 469.

²² П. А. Вяземский. ПСС, 1886, т. X, стр. 266.

узнает в следующих строках известного славянофила К. С. Аксакова:

...Умница московский,
Мясистый, пухлый, с кадыком,
длинноволосый, в кучерском
Кафтани, бредит о чертогах
Князей старинных, о...
От шапки-мурмолки своей
Ждет избавленья, возрожденья —
Ест редьку — западных людей
Бранит — и пишет... донесенья ²³.

Консервативная среда не могла примириться с развенчанием ее идеологов; она называла поэму «Помещик» пасквилем и отказывала автору в таланте. Ярость профессора Шевырева, обрушившегося на поэму «Помещик», убедила Белинского в том, что Тургенев метко попадает в цель и тем самым содействует революционной демократии в ее борьбе с реакцией.

Каждая деталь портрета героя и его среды, насыщенная юмором и сатирой, помогает читателю, как в фокусе, рассмотреть процесс разложения крепостников, занятых в эпоху всеобщего горя удовлетворением своих низменных инстинктов

Любил он жирные блины,
Боялся чорта да жены;
Любил он, скушав пять арбузов,
Ругнуть и немцев и французов,
Читал лишь изредка, с трудом,
Служил в архиве казначейства,
И был как следует отцом
Необозримого семейства ²⁴.

«Благодетель» крестьян и отец необозримого семейства не прочь нарушить проповедываемые им подвластным людям правила поведения, заимствованные из «святого писания». Пользуясь отсутствием жены, уехавшей на богомолье, он отправляется к легкомысленной вдовушке-помещице, с которой «был весьма знаком». Он уже заранее рисовал в своем воображении пикантную встречу с соседкой, но сложившиеся обстоятельства помещали седовласому шалунишке безобразничать в свое удовольствие. Супруга Сергея Петровича, возвратившаяся с богомолья, расстроила его планы, проявив при этом далеко не христианские методы убеждения:

Неравный бой недолго длился:
Сергей Петрович покорился.

²³ И. С. Тургенев. П. С. С., М., 1956, т. X, стр. 198.

²⁴ И. С. Тургенев. П. С. С., М., 1956, т. X, стр. 185.

Теперь везет его домой
Она для грозного расчета...
Так ястреб ловкий и лихой
Уносит селезня с болота ²⁵.

По многочисленным картинам, показывающим поведение помещицы и ее гостей, читателю не трудно заключить, что Сергей Петрович не исключение. «Замарашки», наблюдающие из-за колонн непристойные сцены, молчат, но по выражению их глаз не трудно догадаться о значении подобного молчания.

Характеризуя целенаправленность произведения «Помещик» и отношение к нему реакционеров, Белинский едко заметил: «Дался же господам славянофилам этот «Помещик»! Вот уже скоро два года, как было напечатано (в «Петербургском сборнике» Некрасова, а не в «Отечественных записках») это стихотворение Тургенева, а они до сих пор не могут от него придти в себя. С того времени и до сей минуты все толкуют о нем. Уверяют, что это произведение ничтожное, карикатура, что оно бездарно, плохо: кажется, стоило ли обращать на него внимание? А между тем они все продолжают из-за него волноваться и выходить из себя...» ²⁶.

Белинский недооценил тургеневскую поэму «Андрей», близкую по духу к повести «Андрей Колосов», понравившейся молодому Ленину. Критик ошибочного уверял, что тема любви «не в таланте автора». В несчастливой и вместе с тем светлой любви Андрея и Дуняши Тургенев показал красоту чувства, которое нельзя приобрести за материальные блага. От письма Дуняши веет тоской исстрадавшегося сердца, но оно не омрачает читателя, а призывает его сделать все зависящее от него, чтобы любовь нашла свое естественное выражение в обществе, которое будет построено на принципах социального равенства и свободы человеческой личности.

«Записки охотника» явились завершением раннего периода творчества Тургенева и началом его триумфа в реалистической литературе. Гончаров, создавший знаменитый антикрепостнический роман «Обломов», писал Тургеневу: «Сколько Вы не пишите еще повестей и драм, вы не опередите Вашей Иллиады, ваших «Записок охотника». Автор сборника очерков о русском народе нашел наиболее соответствующий его таланту род литературного оружия, которым помог свести на нет суждения реакционеров о пути России. Белинский поставил в заслугу автору «Записок охотника» то, что он зашел к народу «с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил» ²⁷.

²⁵ И. С. Тургенев. П. С. С., М., 1956, т. X, стр. 204.

²⁶ В. Г. Белинский. П. С. С., 1956, т. X, стр. 240.

²⁷ В. Г. Белинский. ПСС, АН СССР, т. X, стр. 346.

Каждый очерк из «Записок охотника» — законченное произведение, и вместе с тем он является составной частью непревзойденной до сего времени книги о дореформенной Руси, стремившейся найти путь-дорогу к свободе и прогрессу. Пожелание Белинского, «чтобы Тургенев написал еще хоть целые томы таких рассказов»²⁸, служит лучшей рекомендацией его прозе сороковых годов. Великий критик не только отметил мастерство автора «Записок охотника», он показал и умение автора «верно и быстро понять и оценить всякое явление»²⁹.

Тургенев неоднократно напоминал читателю, что Белинский сыграл огромную роль в создании «Записок охотника», что знаменитое письмо великого критика к Гоголю стало «его религией».

Народность рассказов о закрепощенном крестьянстве соответствовала требованиям времени, передовой эстетике. Противопоставив в «Хоре и Калиныче» орловца калужанину, Тургенев раскрыл мудрость народа в оценке минувшего и современности. Устами положительных героев «Записок охотника» автор подсказал читателю, что при нормальных условиях развития русский народ проявит свое величие, встанет в авангарде человечества. Тургенев не сомневался, что в толще народных масс «кипят и рвутся наружу свежие силы». Образы выведенных Тургеневым типичных персонажей из народа импонировали русской революционной демократии. Белинский писал, что «Хорь, с его практическим смыслом и практическою натурою, с его грубым, но крепким и ясным умом, с его глубоким презрением к «бабам» и сильною нелюбовью к чистоте и опрятности — тип русского мужика, сумевшего создать себе значущее положение при обстоятельствах весьма неблагоприятных». Вождь революционной демократии сороковых годов верил, что при благоприятных условиях русский народ раскроет свои неисчерпаемые духовные силы.

В «Бурмистре» и других рассказах, написанных Тургеневым при жизни Белинского, в значительной мере сказалось влияние передовых идей времени. В охотничьих рассказах сороковых годов автором сорваны маски с Пеночкиных, прикрывавшихся либерализмом, изображена без прикрас дифференцированная деревня. Тургенев показал, что, несмотря на невыносимо тяжелое положение народа, будущее не за Пеночкиными и Софронами, а за обездоленными, которые еще стонут под игом эксплуататоров, но уже набирают силы для освободительной борьбы. Возлагая большие надежды на интеллигенцию, Тургенев вывел в «Записках охотника» положительные образы разночинцев, которые, по определению

²⁸ В. Г. Белинский. ПСС, АН СССР, т. X, стр. 346.

²⁹ Там же.

В. И. Ленина, сыграли немаловажную роль в борьбе с крепостничеством и его остатками.

Белинский отметил в «Записках охотника» духовное превосходство мужика над баринем, приговор народа обреченному историей порочному укладу жизни. Великий критик считал заслугой Тургенева прежде всего то, что он не терял связи с действительностью. Он писал, что для такого рода искусства Тургеневу даны от природы всевозможные средства: наблюдательность, проникновение в психологию человека и общества, способность верно понять всякое явление, разгадать его причины и следствия, заметить еще невидимые многим ростки будущего.

Отметив художественную неравноценность охотничьих рассказов Тургенева, Белинский считал, что в большинстве из них выражен значительный талант автора и что «Записки охотника» сыграют весьма важную роль в формировании передового мировоззрения соотечественников.

Ранний этап творчества Тургенева, составляющий важную страницу литературного наследия писателя, к сожалению, еще мало исследован. Появившиеся за последнее время труды тургеноведов (С. М. Петрова, А. Г. Цейтлина, М. Н. Зубкова и других) служат залогом того, что раннее творчество великого художника, занявшего прочное место в отечественной и мировой культуре, будет всесторонне изучено и послужит новым вкладом в советское литературоведение.

³⁰ В. Г. Белинский. ПСС, М., 1956, том X, стр. 346.

Б. ФАРБЕР

ПОЭМА «КУЛАК» И. С. НИКИТИНА

Быть-может, на другой ступени,
В ином быту, с иным отцом,
Кулак не знал бы праздной лени
И просто не был кулаком.

(И. С. Никитин).

В поэме «Кулак» — своеобразном ответе Никитина на критику его первого сборника стихов — дана яркая и правдивая картина нравов и быта середины XIX века. Поэт много-сторонне и верно отразил в этом произведении социальные конфликты в частнособственническом обществе накануне 1861 года — исторического поворотного этапа в освободительном движении России.

Состав героев поэмы и выраженные в ней симпатии и антипатии характеризуют Никитина как поэта-демократа, занятого думой о жизни и счастье народа. Н. А. Добролюбов нашёл в этом произведении «с одной стороны, обстоятельное знание того быта, который он (Никитин — Б. Ф.) описывает, а с другой — ясное понимание того характера, который сделал он героем своей поэмы»¹.

Стремясь снизить прогрессивное значение поэмы, исследователи из реакционного лагеря подчеркивали в дореволюционной критике, что Лукич не типический герой и что круг наблюдений Никитина не выходит за пределы его постоянного двора. Письмо поэта к И. И. Брюханову опровергает этот вымысел и даёт представление о широком творческом диапазоне

¹ Н. А. Добролюбов. Собр. соч., в 6-ти томах, том I-ый, М., Гослитиздат, 1934, стр. 383.

художника: «За твой рассказ о Лукичах, — пишет он другу, — очень благодарен. Собирай, пожалуйста, типические черты, привози их в Воронеж»².

Советские никитиноведы немало сделали для правильной оценки творчества Никитина, но, на наш взгляд, место поэмы в его литературном наследстве еще не определено, значение ее еще не раскрыто. Отдельные литературоведы, исходя из позиции вульгарного социологизма, утверждают, что «Кулак» произведение автобиографическое, и рассматривают выведенные в нем ситуации и героев вне историзма. Некоторые исследователи пытаются доказать, что на поэму оказали значительное влияние либералы-второвцы, что они определили характер произведения. При внимательном и объективном изучении автографов поэмы и пометок на них видно, что Никитин преимущественно прислушивался к Придорогину, которого консерваторы считали «крайне левым» и дразнили «красным». Известно, что Придорогин был по образу мыслей самым близким к Никитину человеком, что после смерти Придорогина кружок, по признанию поэта, перестал для него существовать.

Даже де-Пуле, немало потрудившийся над искажением творческого портрета Никитина, вынужден был признать, что «все, что могло быть холодным и дидактическим во влиянии Второва на И. С. Никитина, согревалось поэтической натурой Придорогина. Тонкое чувство изящного, ему свойственное, поистине было благодетельно для Никитина и особенно отразилось на «Кулаке», в котором самые патетические страницы остались не выброшенными только благодаря влиянию Придорогина»³.

Вполне понятно, что, общаясь с воронежским второвским кружком, Никитин знакомит его с различными вариантами текста поэмы. Как видно из автографов, высказываний современников, писем поэт был самостоятелен в описании событий, верен действительности в изображении характеров. Никитин решительно отверг тенденциозные советы консерваторов, стремившихся приглушить идейно-художественный смысл «Кулака». Невзирая на то, что автор поэмы, в силу тогдашних условий, был вынужден прибегнуть к помощи Александра-Дольника для ее публикации, он написал Второву, что считает критику мецената несостоятельной, что ни одного слова из его рекомендаций не принимает: «Константин Осипович пишет, что Тараканов в сцене, когда Лукич просит у него помощи, напоминает Подхалюзина. Я решительно с ним не согласен и всю сцену оставил нетронутой. Таким образом можно сказать: Лукич похож на Чичикова, Скобеев еще на

² И. С. Никитин. Избр. соч., ОГИЗ, М.-Л., 1948, стр. 206.

³ И. С. Никитин. Сочинения, изд. Сытина, М., 1914, стр. 41.

кого-нибудь, и так далее. Если бы и были черты случайного сходства, что же это доказывает? — ровно ничего!.. Надо скорее печатать...»⁴ Эти строки, как и многие другие, характеризуют борьбу вокруг этапного произведения поэта, показывают, что Никитину пришлось выдержать натиск реакционных сил, старавшихся сбить поэта с верного пути. Эти строки, как и многие другие, свидетельствуют и о зрелости взглядов поэта на искусство, и об определившихся позициях в развернувшемся споре двух идейно враждебных лагерей по вопросам эстетики.

И в самом деле, сравнивая героев различных по жанру произведений Островского и Никитина, нетрудно прийти к бесспорному выводу, что ни по замыслу, ни по художественной аргументации они не схожи меж собой, что Александров-Дольник сделал ловкий ход, объявив отдельные разделы поэмы подражательными. Малоопытного читателя, не разбирающегося в характере произведений, сравниваемых незадачливым критиком, может смутить, например, то обстоятельство, что и Большов, и Лукич губят своих дочерей, выдав их насильно замуж за прохвостов. Большовым и Лукичем руководят разные интересы. Большов говорит предавшему его Подхалюзину: «Вспомни-то, Лазарь, сколько раз я замечал, что ты на руку нечист! Что же! Я ведь не прогнал тебя, как скота какого, не ославил на весь город. Я тебя сделал главным приказчиком, тебе я все состояние отдал, да тебе же, Лазарь, я отдал и дочь-то своими руками»⁵. Большов в лице Подхалюзина видит соучастника своих мошеннических проделок, и в погоне за наживой он не остановился даже перед тем, чтобы искалечить жизнь единственной дочери. Лукич же стремится выдать замуж Сашу за Тараканова потому, что хочет оградить ее от нищеты. Он, правда, еще мечтает с помощью зятя вырваться из лап рынка и заняться честным трудом. «Он мечтает о том времени, — пишет Добролюбов, — когда зять даст ему порядочное дело и когда ему не будет надобности плутовать так бессовестно и мелко»⁶. Нет сомнения в том, что понятие о чести у Лукича своеобразное, но нет также сомнения и в том, что он хочет вырваться из омута, в котором погряз.

Резко различаются натуры Саши и Липочки. Пустая и глупенькая Липочка не знала настоящего и большого чувства. Выйти замуж ей хочется «за благородного», но и с разбогатевшим подлецом Подхалюзиным ей по пути. Жадность к деньгам, унаследованная от отца, сближает ее с супругом: она, как и Подхалюзин, готова из-за денег сгноить отца

⁴ И. С. Никитин. Избр. соч., М.-Л., 1948, стр. 215.

⁵ А. Н. Островский. Пьесы, ОГИЗ, М., 1948, стр. 78.

⁶ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 6-ти томах, том 1-ый, М., Гослитиздат, 1934, стр. 383.

в долговой яме. Саша, несмотря на крайнюю нужду в семье и грубость отца, сохранила высокие представления о любви и чести; она мечтает вместе с Василием честно трудиться и создать семью, основанную на созвучии мыслей и чувств. Саша во многом была предшественницей Катерины из пьесы «Гроза» Островского. Как и Катерина, она рвалась к красивой и вольной жизни, как и Катерина, Саша готова скорее погибнуть, чем быть безгласной рабой, над которой можно чинить произвол и расправу:

... Но грустна.
Стояла Саша: дум полна,
На воду тихую глядела
Глазами мутными она.
Лазурь небес там отражалась;
Река, свободна и светла,
Ее приветливо, казалась,
В свои объятия звала ⁷.

Вопреки советам А. Майкова и других представителей «чистого искусства», Никитин все больше и больше овладевал принципами гоголевской школы. Ему удалось создать в «Кулаке» такие типические картины дореформенного губернского города, которые до сего времени не утратили познавательного и воспитательного значения.

Никитин проследил развитие центрального героя в конкретных исторических условиях, раскрыл силы, под влиянием которых сформировалась его психология, показал его трагедию. В образе Лукича автором изображен обыватель городских трущоб, метущийся между двумя социально-контрастными лагерями — угнетателями и угнетенными, — добывающий мелким плутовством гроши на пропитание семьи. Автор подошел к герою диалектически: Лукич в борьбе за существование помогает носителям социального зла, и в то же время он жертва «нужды, невежества и разврата».

Рисуя страшную и вместе с тем обычную судьбу «кулака», Никитин скорбит о человеке, который всю жизнь обманывал, плутовал и вместе с тем испил полную чашу горя и унижений. Автор показал измученную и изуродованную душу Лукича. Уже из первых глав поэмы четко видны обстоятельства, в которых живут и действуют ее герои. Пейзаж, одушевленный мыслью художника-реалиста, вводит читателя в мир обездоленных, помогает ему понять действительность в ее противоречиях:

⁷ И. С. Никитин. Избр. соч., М.-Л., 1948, стр. 77—78.

... Одно пятно: в семье громадной
 Высоко поднятых домов,
 Как нищие в толпе нарядной,
 Торчат избенки бедняков;
 В дырявых шапках, с костылями,
 Они ползут по крутизнам
 И смотрят тусклыми очами
 На богачей по сторонам...⁸.

Радость — редкая гостья в избенках бедняков. Социально-заостренный пейзаж приводит читателя к мысли, что нужда бытует не только в семье Лукича, что она прижилась в каждой хижине. Цензура и издатели безжалостно кромсали поэму, придирались к каждому слову, к каждой детали в ней, обращая при этом особое внимание на пейзаж, в котором искали затаенный смысл. На фоне провинциального пейзажа разыгрывается трагедия в семье Лукича, трагедия, в которой все было просто и обыденно, но каждая загубленная душа свидетельствовала о ненормально устроенной жизни. Приводимые нами отрывки характеризуют не только силу Никитинского социального пейзажа, но и палачество по отношению к нему со стороны цензуры:

Первый вариант:

Зима стоит. Трещат морозы.
 Пошли с товарами обозы
 По Руси-матушке гулять,
 Следы в сугробах прокладывать!
 Ползет, скрипит дубовый полоз,
 Река, болото, — всюду мост
 За тысячу за двести верст...
 На мужичке белеет волос,
 Не весел он, идет, кряхтит
 Казну на подати копит.

(подчеркнуто мной — Б. Ф.)

Последний вариант:

Вот и зима. Трещат морозы,
 На солнце искрится снежок.
 Пошли с товарами обозы
 По Руси вдоль и поперек.
 Ползет, скрипит дубовый полоз,
 Река ли, степь ли — нет нужды;
 Везде продолжатся следы!
 На мужичке белеет волос,
 Но весел он; идет, кряхтит
 Казну на холоде копит⁹.

(подчеркнуто мной — Б. Ф.)

С главным персонажем поэмы читатель знакомится до его появления. Из беседы Арины с дочерью он узнает о безысходной нужде семьи Лукича, о трагедии Саши, лишенной, в силу материальных невзгод, права на любовь и семейное счастье. Лукич, как и его жена, знает, что любимый Сашей столяр как нельзя больше под стать дочери, но он убежден и в том, что в бедности нет супружеского благополучия:

⁸ И. С. Никитин. Избр. соч., ОГИЗ, М.-Л., 1948, стр. 62.

⁹ И. С. Никитин. Избр. соч., изд. Сытина, М., 1914, стр. 238 и 366.

Сосед наш честен — всем хорош;
Да голь большая, — вот причина!
Что честь-то? Коли нет алтына,
Далеко с нею не уйдешь¹⁰.

Арина бессильна помочь дочери в ее горе. Она боится мужа, вымещающего свои неудачи на домашних. Лукич ведет себя по-разному на рынке и дома: на рынке он приспосабливается к обстоятельствам, дома же принуждает домашних во всем ему покоряться.

Уже с детских лет Лукич был исковеркан торгашеской средой, к которой принадлежал его отец. Накопив у хозяина-купца нечестными путями капитал, Лукич завел собственную торговлю, но, не выдержав конкуренции, вскоре прогорел. Лишенный состояния, Лукич решил было изменить свою жизнь, отказаться от плутовства, заняться честным трудом, но окружающая среда не способствовала его намерениям. Не владея ремеслом и потеряв надежду найти источник существования без помощи «благодетеля», Лукич кинулся на рынок, где ловкие людишки ловили рыбу в мутной воде. Здесь Лукичу пришлось приноравливаться к требованиям рынка, диктовавшего ему нормы поведения: то поможет он цыгану или помещику продать большую лошадь, то обвесит и обмерит доверчивого мужика. За плутовство его презирают и даже иногда поколачивают бедняки; за плохо скрытый обман не жалуют его и господа, для которых он только презренный нищий. Лукич осознал свою незавидную роль в обществе, и потому он не выдерживает взгляда своей жертвы, принимает, как удар плетью, кличку «кулак». Он хотел бы вырваться из засосавшего его болота, но не знает, как это сделать. Добролюбов правильно охарактеризовал Лукича: «Он готов надуть, обвесить, обмерить, обсчитать, все, что вам угодно, потому, что вдался уже в эту грязь и почитает ее своей профессией, в которой он должен отличаться как можно лучше. Но ему все-таки тяжело это ремесло; он рад бы от него отделаться, если бы нашлась какая-нибудь возможность»¹¹. Вся надежда Лукича на замужество Саши. Он убежден, что его многолетний жизненный опыт позволяет ему не считаться с желанием дочери и действовать по своему усмотрению. Лукич видит в материальном благополучии Гараканова залог семейного счастья, и потому пытается сломить сопротивление дочери угрозами, а когда это не помогает, не останавливается перед тем, чтобы проклясть ее. Разговор с дочерью, в котором Лукич переходит от увещаний к проклятию, не уступает по мастерству ана-

¹⁰ И. С. Никитин. Избр. соч., ОГИЗ, М.-Л., 1948, стр. 65.

¹¹ Н. А. Добролюбов. Собр. соч. в 6-ти томах, том I-ый, Гослитиздат, М., 1934, стр. 383.

логичным диалогам в произведениях лучших художников слова.

С большим умением и тактом показана в «Кулаке» торгашеская среда Пучковых и Таракановых. Сваха, вобравшая в себя свойства этой среде черты, расценивает Сашу как «товар», который ей нельзя продешевить. Ее «ястребиный и лукавый взгляд» видит добычу и не упустит ее. Сваха предупреждает совершающих сделку, что если одна из сторон ее обманет, то она расстроит свадьбу. Примечательно, что сваха при этом ссылается на священное писание, рекомендуемое: «око — за око, зуб — за зуб».

Чтобы выдать Сашу замуж за Тараканова, напоминает сваха, мало красоты и нравственных качеств невесты: нужны деньги, а их у Лукича нет. Он бьет челом Скобееву, Пучкову, Зорову и другим «благодетелям», которым он неоднократно помогал в их темных делах, но они глухи к мольбе бедняка, предлагающего в залог под ссуду унаследованную им жалкую хижину. Эти матерые волки издеваются над Лукичом, не сумевшим обеспечить дочь приданым. Разбитый морально и физически после встреч с мироедами, прикрывавшимися религией, Лукич понял, что Пучковы и Скобеевы могут растоптать все, что препятствует их наживе, утопить ради нее даже родину в крови. Он собственными ушами услышал сказанное Скобеевым: «Жаль нет войны! подряды мелкие, от мира мало нам добра». Лукич уже больше не сомневался в том, что денежные люди единомышленники, что Пучков и Зоров, которые на небо поглядывают, а на земле пошаривают, прикрывают ханжеством разбойничью мораль. И когда Лукичом овладевает отчаяние, он возвышается над своими мучителями. Уничтожающим сарказмом звучит его ответ Пучкову:

Прощай! Садись опять за книги,
Копи казну, надень вериги,
Все, значит, о душе печаль...
А жаль тебя! ей-богу, жаль! ¹²

Купец Тараканов и столяр Василий, изображенные скупыми, но выразительными красками, не только дополняют образ главного героя, но и живут в поэме самостоятельной жизнью. Мать Саши убеждена, что «умный и тихий» Василий составит счастье дочери и тем самым вознаградит ее, Арину, за безотраднo прожитые годы. Она сокрушается о том, что Лукич, видя достоинства столяра, не торопится со свадьбой, а выжидает для красавицы-дочери выгодного жениха.

Сцена последнего свидания Саши и Василия раскрывает

¹² И. С. Никитин. Избр. соч., ОГИЗ, 1948, М.-Л., стр. 90.

благородный облик мастерового, которому «не в тяготу рубанки и не в кручину беднота». Он не верит тому, что отец Саши может стать ее палачом. Столяр просит любимую передать ее отцу, что он, Василий, поможет ему вырваться из сетей рынка и будет заботиться о нем всю жизнь:

В нужде, то есть... так помогу,
Мой друг, и я. Ей-ей, не лгу!
Хлеб надобен — возьми. Одежа —
Дам и одёжу: пусть лежит
Хоть на печи, все будет сят!
Скажи ему...¹³.

В отличие от Тараканова, Василий обещает лишь то, что сделает. Благородство Василия подтверждается и диалогом между ним и его матерью. Мать столяра, перенесшая много горя и лишений после смерти мужа, не ошиблась в сыне, чувствовала в нем твердую для себя опору, но она бывает недовольна Василием, когда он руководствуется движениями сердца, а не деловыми соображениями. На вопрос матери, много ли он получил за заказанный ему гроб, сын отвечает:

Да как сказать... Не в этом сила.
Ведь я покойника-то знал.
Чудак! Он жил в своем домишке,
Так — в старой мазанке! ходил
Зимой и летом в халатишке...¹⁴.

Василий следовал примеру покойного отца, который считал, что и крайняя нужда не может оправдать бесчестного поступка. Замужество Саши выбило Василия из колеи. Он готов винить в своей горе не только Лукича, но и Сашу, однако, увидев ее в день помолвки у окна, Василий убедился, что его любимая «под нож подведена». Столяр тяжело переносит разлуку с Сашей. Не видя выхода из постигшего его несчастья, Василий отправляется в кабак, предусмотренный «хозяевами» для «утешения» обездоленных. Возвращенный матерью в обычную трудовую колею, Василий постепенно приходит к выводу, что в его и Сашиной трагедии повинны социальные условия, лишające бедняка права на нормальную человеческую жизнь. Сознание этого помогло столяру протянуть в критическую минуту руку Лукичу, предложить бедняку часть сбережений, накопленных им тяжелым трудом.

Резким контрастом Василию выведен в поэме купец Тараканов, готовый ради денег на любой бесчестный поступок.

¹³ И. С. Никитин. Избр. соч., ОГИЗ, М.-Л., 1948, стр. 77.

¹⁴ И. С. Никитин. Избр. соч., ОГИЗ, М.-Л., 1948, стр. 79.

Золото — его бог. Нищий духом (это особенно ярко показано Никитиным в сцене чаепития), Тараканов весь отдан страсти накопления. Для него весь мир — товар, к которому он приценивается рублем. Сашу он рассматривает как принадлежащую ему до конца ее дней собственность, которой он распоряжается по своему усмотрению. Он и мысли не допускает, что у нее могут быть свои желания и взгляды на жизнь. Внешность Тараканова, изображенная пестрыми красками и схваченная поэтом в наиболее характерный момент его душевного состояния, выражает самодовольство, вызванное «цифрами барышей».

Румян, плечист, причесан гладко,
Тарас Петрович за тетрадкой
В рубашке розовой сидел,
На цифры барышей глядел
И улыбался...¹⁵

Поведение Тараканова в семье и обществе доказывает, что он «ловок, богат, торговый человек», что ему чуждо все то, что выходит за рамки его хищнических интересов. У купца свой моральный кодекс: он готов простить Лукичу любую подлость, но не простит бедности. Стыдясь бедности тестя, Тараканов запретил Саше встречаться с родителями, прикрыв свой дикий произвол мнимой ревностью к соседу родителей — столяру. Когда Лукич, потрясенный смертью жены, вынужден был обратиться к Тараканову за деньгами на похороны Арины, он лишний раз убеждается в том, что его зять сродни Скобеевым и Пучковым. Тараканов не только отказывает в деньгах, но в столь скорбный для Лукича и его дочери час отчитывает тестя за рваный тулуп. По своей ограниченности он не учел, что Саша после смерти матери не станет больше терпеть его деспотизм и самодурство. Тараканов никак не ожидал, что всегда покорная Саша выпрямится во весь рост и с большим достоинством заявит о своих правах. На напоминание купца, что жена принадлежит мужу по закону собственности, освященному церковью, Саша отвечает ему такой улыбкой, от которой он теряет самообладание. Всучив деньги Лукичу, Тараканов обещает поговорить с женой «наедине-с». Но читатель уже не верит в силу «языка» Тараканова: он убежден в том, что его произволу приходит конец.

Финал поэмы «Кулак» обобщает изложенные в ней судьбы героев. Их поступки жизненно мотивированы и обусловлены социальными обстоятельствами. Купец Тараканов преуспевает в торговле, Саша, не покорившаяся своей участи, постепенно угасает, Лукич, измученный нуждой и горем, окончательно опускается на дно жизни. Судьба Лукича во многом

¹⁵ И. С. Никитин. Избр. соч., ОГИЗ, М.-Л., 1948, стр. 97.

сходна с судьбой Марии Алексеевны из романа «Что делать?» Н. Чернышевского. Вожди революционной демократии правильно считали, что при иных социальных условиях («при ином быту», как метко выразился Никитин) эти персонажи не были бы отрицательными. Прощаясь с Лукичом, автор напоминает читателю о современниках, которые «упрямо цепи разбивают». Никитин, как и Некрасов, обращается к народу, в гений которого он безгранично верил, с далеко идущим призывом:

Придет ли наконец пора,
Когда блеснут лучи рассвета;
Когда зародыши добра
На почве, солнцем разогретой,
Взойдут, созреют в свой черед
И принесут сторичный плод;
Когда минет проказа века
И воцарится честный труд,
Когда увидим человека —
Добра божественный сосуд?

АЛИЕВА-МЕХТИХАНОВА Р. Р.

**ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ
В. А. СЛЕПЦОВА**

Эстетическая теория Чернышевского, созданная на основе достижений материалистической эстетики Белинского, стала в 60-х годах знаменем борьбы революционной демократии за передовое реалистическое искусство. Она нашла яркое отражение в творчестве демократических писателей 60-х годов, среди которых видное место принадлежит В. А. Слепцову.

До настоящего времени вопрос об эстетических взглядах Слепцова специально не ставился и не рассматривался в работах исследователей его жизни и творчества (К. И. Чуковского, П. Н. Михайлова, Л. Сальковой, А. Коркина и др.). Это отчасти обусловлено тем, что значительная часть литературного наследия писателя долгое время оставалась неизвестной. Сравнительно недавно М. Л. Семановой удалось обнаружить в Центральном государственном историческом архиве в Москве (ЦГИАМ) целый ряд новых документов и рукописей писателя, отобранных у него при аресте в 1866 году¹. Среди них есть черновые статьи Слепцова, его записные книжки, письма к нему разных лиц и т. д. Их обследование и анализ позволяют полнее уяснить эстетическую позицию автора, а также уточнить и дополнить характеристику его социально-политических воззрений². К числу таких неизвестных работ относятся: незаконченная статья «Что такое

¹ Большинство этих рукописей не датировано. Можно не сомневаться лишь в том, что они были написаны не позднее 1866 г., т. к. отобраны полицией в связи с арестом писателя после Каракозовского выстрела.

² На основании использования новых материалов А. Коркин написал работу об идейных взглядах Слепцова. См. «Известия Сев.-Осет. научно-иссл. ин-та», т. 22, вып. 2, 1960 г.

губернаторша?», статья «Мнение о народном образовании», незаконченная статья о познании мира, черновой набросок ответного письма Слепцова становому приставу³, статья без заглавия о положении современной автору беллетристики и др.

Кроме того, раньше недостаточно привлекался к анализу эпистолярный материал, хранящийся в рукописном отделе Государственной библиотеки им. В. И. Ленина в Москве: переписка И. З. Сурикова и Н. А. Соловьева-Несмелого. Ценные сведения о Слепцове дают документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве (ЦГАЛИ): обширная переписка писателя, ненапечатанный биографический очерк «В. А. Слепцов», написанный его женой, писательницей Л. Ф. Нелидовой, вскоре после смерти писателя, ее же неопубликованный роман «На малой земле», посвященный памяти Слепцова. Все это помогает уточнить основные факты жизни и творчества писателя, выяснить отдельные его взгляды на вопросы писательского мастерства⁴. Почти буквальное совпадение содержания приводимых в романе писем Слепцова с их оригиналами, достоверность описания Л. Ф. Нелидовой всех основных фактов и событий жизни писателя доказывается Ю. Ф. Шальновым в его диссертации «Реализм Слепцова»⁵.

Значительный интерес для прояснения эстетических взглядов Слепцова представляет его статья «Тип новейшей драмы», напечатанная в журнале «Отечественные записки» за 1868 г. (№ 2).

Знакомство с этими новыми материалами позволит полнее и глубже оценить большой вклад в развитие русской реалистической литературы этого замечательного писателя-демократа, понять существо его эстетических взглядов. Однако при решении этого вопроса остаются еще значительные трудности, объясняются они тем, что Слепцов почти не оставил работ, специально посвященных литературно-эстетическим проблемам, а отдельные его мысли, замечания, суждения по вопросам теории и практики искусства высказаны попутно и рассеяны по всем его произведениям. Немаловажное значение имеет поэтому публицистика писателя, эпистолярный матери-

³ Подробнее об ответном письме см. статью А. А. Коркина «Петербургский период жизни и деятельности В. А. Слепцова» в «Ученых записках» Пятигорского гос. пединститута (кафедра литературы и русского языка), т. 15, 1957.

⁴ Мысль написать роман о Слепцове подал Л. Ф. Нелидовой И. С. Тургенев, который считал Слепцова «выдающейся современной личностью». См. подробнее об этом в кн. «Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников», М.-Л., 1930, стр. 298—299.

⁵ Ю. Ф. Шальнов. Реализм Слепцова. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, г. Горький, 1956 г.

ал, мемуарная литература о писателе и его эпохе, воспоминания современников.

Проследить самый процесс формирования и эволюцию эстетических взглядов писателя и влияющих на них общественно-политических воззрений не представляется возможным, ибо имеются лишь крайне скудные сведения о жизни и творчестве раннего Слепцова. Сам писатель не оставил сведений о раннем периоде своей жизни.

Наиболее плодотворным был петербургский период деятельности В. А. Слепцова.

В Петербурге Слепцов сразу сближается с кругом «Современника» и активно сотрудничает в этом журнале вплоть до его запрещения в 1866 году. Здесь непосредственно воспринималась им «могучая проповедь Чернышевского», умевшего «влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»⁶, умевшего и «подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров»⁷.

В воспоминаниях А. Я. Панаевой, Е. Н. Водовозовой, В. И. Танеева, В. В. Стасова и других запечатлелась большая организаторская деятельность, «чуткое сердце и великодушный характер популярного общественного деятеля 60-х годов»⁸, каким был Слепцов. Он принадлежал к числу стойких последователей Чернышевского, истинных революционеров в ленинском понимании этого слова. «Революционер, — писал В. И. Ленин, — не тот, кто становится революционным при наступлении революции, а тот, кто при наибольшем разгуле реакции, при наибольших колебаниях либералов и демократов отстаивает лозунги и принципы революции»⁹. Слепцов сохранял неизменными свои революционно-демократические убеждения и в самые трудные для революционной демократии дни жестокой правительственной реакции. В письме к М. А. Маркович (Марко Вовчок) от 28 июня 1863 года, написанном в самый разгар правительственных репрессий, явившихся реакцией на революционное движение, писатель с горечью замечал: «Кто это так бесчеловечно посмеялся надо мной, сказав Вам, что я **жизнью тешусь** (выделено автором — Р. А.). Я не могу придумать для этого человека лучшего мщения за насмешку, как пожелать ему тешиться жизнью точно так, как я ею тешусь, особенно теперь, в России, когда можно различать людей по тому, как они себя чувствуют в настоя-

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 26.

⁷ В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 97.

⁸ Е. Н. Водовозова. На заре жизни. Спб., 1911, стр. 482.

⁹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 203.

щую минуту»¹⁰. В. А. Слепцов ощущал постоянную духовную близость к передовому лагерю революционной демократии. «До последнего года жизни Некрасова, — вспоминает Л. Ф. Нелидова, — В. А. поддерживал с ним постоянные дружеские сношения; то же можно сказать и по отношению к Щедрина, покойному Головачеву и вообще к редакции «Отечественных записок»¹¹.

В последние годы жизни у Слепцова возник замысел романа «Остров Утопия», в котором он предполагал отразить «целый ряд типов из самых разнообразных слоев общества, всю нашу бродячую и фантазирующую, нелепую и неуравновешенную Россию»¹². Героем этого романа автору представлялся человек «вроде Дон-Кихота», который озабочен «малой землей», имеет ряд проектов для разрешения вопроса. Он верит в них и полон желания действовать», преодолевать «препятствия», вступать в «столкновения»¹³.

Можно предположить, что Слепцов задумал роман о представителе революционного движения 70-х годов — деятеле народнического типа, способном на самоотверженное служение народному делу, но не знающем истинных путей борьбы и потому напоминающем Дон-Кихота. Сам же писатель отчетливо сознавал, что разрешение центральной проблемы времени — подлинное освобождение народа — возможно только в результате коренного изменения социального строя.

Задача развития народного самосознания, пробуждения народной инициативы продолжала оставаться главной для революционных демократов. Она определила тот способ объективного, всестороннего, трезвого изображения народной жизни, народного характера, который отчетливо проявился в творчестве демократических писателей 60-х годов, и прежде всего в творчестве Н. Успенского, Слепцова, Решетникова и др. Чернышевский приветствовал такой подход к изображению народной жизни в статье «Не начало ли перемены?», считая его признаком дальнейшего развития русской реалистической литературы.

Г. В. Плеханов показал, что эти требования революционно-демократической критики определяются революционно-демократическим характером идейно-политических убеждений её представителей. Передового демократа-просветителя видел Г. В. Плеханов и в В. А. Слепцове, которого он считал единомышленником Чернышевского.

¹⁰ ИРЛИ, 9526/2 VI. 6. 45.

¹¹ Л. Нелидова. Биографический очерк «В. А. Слепцов». ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 4, л. 4 (об.).

¹² Л. Нелидова. На малой земле, стр. 155, ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 16.

¹³ Там же.

Анализируя «Историю новейшей литературы 1848—1892 гг.» писателя и критика умеренно-либерального направления Скабичевского, Плеханов противопоставляет его эстетическим взглядам достижения эстетической мысли Чернышевского. Он показывает актуальность эстетики Чернышевского и ее обусловленность общественными потребностями и особенностями литературного процесса того времени. В этой связи рассматривает Плеханов и литературную деятельность Слепцова. Литературно-эстетическая позиция В. А. Слепцова представляется Плеханову близкой к позиции Чернышевского, а его художественное творчество — подтверждением истинности эстетических требований вождя революционной демократии. «Почему «насмешки» Слепцова и Н. Успенского над народом могли встретить одобрение людей, подобных Чернышевскому? — спрашивает Плеханов. — Неужели единственно потому, что у автора «Эстетических отношений искусства к действительности» было мало эстетического чутья? На самом деле причина лежит, конечно, не в этом. Демократизм Чернышевского и Слепцова относится к демократизму г. Скабичевского и всех людей его направления, как демократизм Рязанова относится к демократизму Щетинина в «Трудном времени» того же Слепцова. И если тем не менее Слепцов мог писать «смехотворные» очерки из народного быта, а Чернышевский мог одобрять еще более смехотворные рассказы Н. Успенского, то объясняется это всем мировоззрением просветителей, какими были и Слепцов и Чернышевский»¹⁴.

Революционно-демократические убеждения определили характер эстетических взглядов Слепцова. Он полностью разделял сформулированный Чернышевским взгляд революционной демократии на источник и цели искусства. «Источником и целью искусства, — считал Чернышевский, — поставляются потребности человека... Именно этим и возвышается реальное значение искусства, потому что таким объяснением дается ему неоспоримое и почетное место в числе деятельностей, служащих на благо человеку»¹⁵. Слепцов также отмечает, что человек всегда был и вечно остается неизменным предметом исследований во всех возможных отношениях»¹⁶, в разных видах деятельности. Стремление познать человека отразилось и в искусстве: и «в темных сказаниях младенческого народа, ... и в песнях, и в обычаях»¹⁷.

¹⁴ Г. В. Плеханов. П. С. С. в 24 томах, М.-Л., 1923—1927, т. X, стр. 312.

¹⁵ Н. Г. Чернышевский. П. С. С. в 15 т., ГИХЛ, 1939—1953, т. 2, стр. 116.

¹⁶ В. А. Слепцов. Неоконченная статья без заглавия. ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 72—72(об.).

¹⁷ Там же.

Единственно надежным способом истинного знания о человеке и его жизни писатель считает тщательное изучение жизни в ее многообразии и сложности. «Не аскетической сосредоточенностью, а изучением жизни и великих тайн ее на месте, на каждой данной точке, доходит человек до возможности узнавать и себя... Изучая жизнь во всех возможных ее видах и проявлениях, схватывая на лету ничтожнейший повод явления физического мира и доискиваясь их причины — находит он ответы тех вопросов, которые считались неразрешимыми»¹⁸. Эти мысли находились в полном соответствии с требованиями современной Слепцову революционно-демократической критики — создание художественного произведения основывать на конкретном фактическом материале, знание которого получено в результате пристального изучения действительности.

По мнению Слепцова, произведение реалистического искусства должно обязательно отражать действительную жизнь, «иметь основанием действительность»¹⁹. Справедливо считая необходимым условием истинно реалистического произведения отражение в нем действительной жизни, Слепцов прежде всего имел в виду современность. Так, в «Письмах об Осташкове», отзываясь об одном рукописном сочинении, рассказчик основным недостатком этого произведения считает отсутствие в нем «современной жизни»²⁰. И это — главный недостаток, лишающий произведение «живого интереса» для читателя, делающий его ненужным, неинтересным ему. «... жаль, что автор потратил столько времени на дело, не имеющее.. живого интереса... тут жизни-то, современной жизни нет!»²¹.

Слепцов считает также, что «никакие статистические данные, никакие внешние наблюдения и впечатления от явления действительной жизни не дают такого ясного, осязательного понятия о жизни какой-нибудь местности, как личное сближение с так называемым «живым материалом»²².

При этом художнику важно сохранить, по мысли Слепцова, «объективное отношение к предмету изучения»²³.

Утверждая необходимость «объективного отношения» художника к «предмету изучения», в то же время Слепцов отстаивает полное право художника на вымысел, на отступле-

¹⁸ В. А. Слепцов. Неоконченная статья без заглавия. ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 72—72(об.).

¹⁹ В. А. Слепцов. Ответ становому приставу. ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 21(об.).

²⁰ В. А. Слепцов. Сочинения в 2-х томах, М., 1957, т. 2, стр. 269. В дальнейшем все ссылки на произведения Слепцова будут даваться по этому изданию.

²¹ Там же.

²² Там же, стр. 244.

²³ Там же, стр. 245.

ние от точной достоверности факта или изображаемого явления. Он распространяет это положение даже на такой своеобразный жанр художественной прозы как очерк. В этом отношении интересным представляется черновой набросок ответного письма Слепцова становому приставу (по-видимому, Белаину), напечатанному в газете «Северная пчела» опровержение на очерк Слепцова о праздновании 1000-летия России в Новгороде в 1862 г.²⁴

«Так как статья моя (имеется в виду вышеупомянутый очерк — Р. А.), — пишет Слепцов, — относится к литературным произведениям, то я и не беру на себя ответственности за точное и буквальное подтверждение изображенного в ней события»²⁵. В том-то, по его мнению, и заключается специфика художественных произведений, их отличие от деловых документов, что изображенная в них жизнь не является буквальной, точной копией действительности, что писатель волен подходить к изображаемому с разных сторон, рассматривать факты под разными углами зрения.

Одним из основных признаков художественности писатель считает «независимость литературного произведения»²⁶, под которой он понимает право автора свободно, самостоятельно распоряжаться имеющимся у него материалом; он отстаивает свободу творческой инициативы писателя. «Основываясь на независимости литературного произведения, — пишет Слепцов, — я считаю себя вправе не давать отчета даже в преувеличениях и искажениях, если бы таковые и были найдены в моем рассказе. Я относился к изображенному в нем событию как юморист, описывал не юридический факт, а только ряд более или менее правдоподобных сцен, имевших основанием действительность»²⁷. В этом Слепцов близок к широко известному утверждению Чернышевского о специфике произведений искусства: «Произведения изящной литературы рассказывают, как всегда или обыкновенно бывает на свете», в отличие от «ученых сочинений», в которых излагается, «что именно было или есть в действительной жизни»²⁸.

Слепцов отстаивает право автора на свободный выбор

²⁴ При рассмотрении этого документа необходимо учитывать особенность позиции Слепцова, который должен был отвести от себя обвинение пристава в преднамеренном искажении фактов. И в этом смысле отдельные высказывания писателя содержат определенную попытку обосновать своевольное обращение с фактами. Однако в письме отражены и те истинные требования к произведениям искусства, исходя из которых он счел возможным создать свое произведение, те взгляды, которые определили характер отбора и осмысления фактов.

²⁵ В. А. Слепцов. Черновик ответа становому приставу. ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 21.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Чернышевский. Соч., т. III, стр. 312—313.

способа изображения действительности: «На действительность я мог смотреть, как мне угодно: с научно-философской или с нравственно-юмористической точек зрения, это мое дело»²⁹.

В одном из писем к поэту И. З. Сурикову его друг Н. А. Соловьев-Несмелов рассказывает о том, что Слепцов высоко ценил талант Помяловского и Левитова и то, что они «творили и созидали из себя и из наблюдений окружающего»³⁰. Следовательно, в понимании Слепцова, творческий процесс истинных писателей-реалистов должен включать два момента: 1) в произведении должна отразиться действительная жизнь; 2) отражение это должно быть прочувствованным, проведенным сквозь призму своеобразного ее восприятия автором. В этой связи можно привлечь отдельные высказывания Слепцова в статье «Тип новейшей драмы». Слепцов считает, что авторская идея должна пронизывать все произведение, органически вытекать из него. Он отмечает недопустимость отсутствия в произведении искусства действительной связи между авторской идеей и общим развитием действия. Необходимое условие подлинно художественного произведения писатель видел в таком изображении жизни, которое бы неизбежно, органически вытекало из определенного положения вещей и было бы пронизано авторской мыслью. Особенно важно соблюдение этого требования в драматическом произведении. Чтобы достигнуть такого единства, «нужно так сгруппировать лица и расположить действие, чтобы вопрос сам собой возник и сам же собой решался в драме»³¹.

По мнению Слепцова, для того, чтобы написать хорошее художественное произведение, «нужен: 1) очень большой талант; и 2) нужно, чтобы автор самолично весь был проникнут известной идеей и чтобы вопрос для него самого уже перестал быть вопросом, а был бы делом решенным»³². Только тогда в произведении предстанет сама жизнь в ее естественной непринужденности.

«Если писать, так писать что-нибудь настоящее, такое, что бы неизбежно, органически вызывалось бы из данного положения вещей, воспроизводило бы его и таким образом выясняло его... чтобы каждый, прочитавши, сказал: да, это так, это верно и это непременно, необходимо должно было быть написано, а иначе не стоит»³³, — так передает Л. Ф. Нелидова основное требование Слепцова к созданиям истинного искусства. «Простоту, свободу и верность действительности» осо-

²⁹ Документ тот же. ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 21 (об.).

³⁰ ГБЛ, ф. 295, № 5336, ед. 2—7.

³¹ В. А. Слепцов. Тип новейшей драмы. «Отечественные записки», 1868, № 2, стр. 322.

³² Там же.

³³ ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 4, стр. 6.

бенно ценит автор в игре талантливой артистки осташковского самодеятельного театра. «Я... ждал криков, ломания и жеманства, но... был просто поражен ее игрою. Такой простоты, свободы и верности я себе и представить не мог»³⁴.

В. А. Слепцов, сам взыскательный и требовательный художник, особенно большое значение придавал работе над отделкой языка художественных произведений. Он понимал недопустимость употребления «выражений и целых фраз, до такой степени затрепанных, что они обратились в клише»³⁵. «Ни один герой или героиня, — считал он, — не имеет права прислоняться пылающим лбом к холодному мрамору или к холодному стеклу окна. Это кончено. Нужно придумать что-нибудь другое... И красные нити, проходящие через все произведение, и весна, вступившая в свои права...»³⁶. Писатель глубоко убежден, что настоящему художнику «нужно искать и находить **свои, новые** слова, новые сочетания слов и новые предметы для наблюдений», необходимо изучать «жизнь народа, овладевать его языком»³⁷. (разрядка и выделение автора — Р. А.).

Слепцов обладал тонким эстетическим вкусом. В. В. Стасов отмечал, что «Слепцов был талантлив и потому не только отлично чувствовал и схватывал все поэтическое, даровитое, живописное, важное, но умел еще давать это чувствовать и другим»³⁸. Умение оценить все поэтически совершенное, тонкое художественное чутье, «страсть ко всему изящному» проявляет писатель на протяжении всей жизни. И это тонкое художественное чутье, «страсть ко всему изящному» тем более важно подчеркнуть в представителе демократов-разночинцев, которых особенно настойчиво пытались представить обществу как беспощадных отрицателей искусства их недруги по идеологической борьбе.

Рассматривая обломки мраморных колонн, найденных при раскопках в Крыму, в Алушке, на месте древнего храма Дианы Таврической, Слепцов поражается «необычайным изяществом, тонкостью отделки, полировкой мрамора, какую редко можно встретить у современных мастеров»³⁹. Это наводит писателя на размышления о судьбе произведений античного искусства, сохранивших непреходящую эстетическую ценность.

³⁴ В. А. Слепцов, т. 2, стр. 271.

³⁵ Л. Нелидова. На малой земле. ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 1б, стр. 179.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ В. В. Стасов. «Н. В. Стасова. Воспоминания и очерки». СПб., 1899. стр. 130.

³⁹ В. А. Слепцов. Неоконченная статья с условным названием «В Алушке». ИРЛИ, ф. РIII, оп. 1, № 1920, л. 1.

Вопрос об античном искусстве привлекал внимание многих русских мыслителей и художников в XIX веке. Интерес к нему проявляли и революционные демократы: Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов. Анализ художественных достижений древнего мира помогал им в решении современных эстетических проблем. В статье «О степени участия народности...» Добролюбов на примере «древнейших произведений греческого народа» основывает свой вывод о том, что «поэзия и вообще искусство... слагаются по жизни, а не жизнь зависит от поэзии», то есть видит в них подтверждение правильности материалистического решения основного вопроса эстетики. Большое познавательное значение и высокое художественное совершенство видел Чернышевский в гомеровском эпосе. Он связывал достижения античной поэзии, гомеровских поэм в частности, с особенностями породивших их социально-исторических условий, с высоким развитием демократического устройства общества, при котором «все члены общества»⁴⁰ относительно свободны, равноправны, принимают «непосредственное участие в делах»⁴¹, «и эта свобода порождает поэзию в том виде, как она выразилась у древних греков»⁴². Добролюбов также видел в гомеровских поэмах «высшее поэтическое выражение народного духа», «народной жизни»⁴³ своего времени, считая, что они отразили «все дивно-прекрасное, чем полон был этот младенческий период человечества, чем доселе еще дышит для нас одно воспоминание прекрасного мира Греции»⁴⁴.

В полном соответствии с достижениями революционно-демократической эстетической мысли находится и рассуждение Слепцова об античном искусстве, к сожалению, сохранившееся в отрывке. Он отмечает нестареющее эстетическое совершенство произведений античного искусства и задумывается над причинами бессмертия его: «Древние любили мрамор, — пишет он. — С ним (помимо других качеств) сообщалась драгоценному произведению прочность, граничащая с бессмертием, этим неотъемлемым свойством античных произведений в какой бы то ни было области. Отчего они так нетленно прекрасны, так полны значения и правды в различные времена и для различных народов и в разных образных формах: произведения архитектуры, статуи, литературные произведения и мифы?»⁴⁵. Рукопись на этом обрывается. Но сами эти размышления, в которых содержится признание непреходящей

⁴⁰ Добролюбов, т. I, стр. 205—206.

⁴¹ Чернышевский, т. VII, стр. 429.

⁴² Там же.

⁴³ Добролюбов, т. V, стр. 458.

⁴⁴ Там же, стр. 454.

⁴⁵ ИРЛИ, ф. РIII, оп. 1, ед. хр. 1920, л. 1(об.)—2.

ценности произведений античного искусства, созданных в период рабства, помогают нам понять другую мысль Слепцова об искусстве, более общую, но близкую к данной. Это мысль о том, что «время, особенно благоприятное для процветания всякого рода художеств, бывает двоякое: или тогда, когда человечество находится под гнетом всевозможных бедствий и страдает, или же когда оно пользуется миром и спокойствием и предается тихим наслаждениям. Как те, так и другие условия, несмотря на совершенную противоположность, равно способствуют развитию поэтического творчества»⁴⁶.

В черновике неопубликованной статьи о современной беллетристике Слепцов высказывается еще более определенно о той ведущей роли, которую играют в развитии искусства общественные отношения. «Наибольшие требования... на искусство, — пишет он, — вообще замечаются в два совершенно различные и даже противоположные друг другу момента: 1) во время сильного угнетения; и 2) в пору наибольшего нравственного и материального довольства. Таким образом, положительные крайности — рабство и свобода — производят на литературную деятельность, как видно, одинаковое влияние, то есть возбуждают ее»⁴⁷. И античная эпоха, эпоха таких контрастов, как рабство и свобода, и дала миру бессмертные творения искусства.

Слепцов убежден, что «время, благоприятное для процветания искусства, скоро должно наступить»⁴⁸, и это будет в подлинно свободном обществе, ибо «где свобода, там и успех по всем отраслям науки и искусства»⁴⁹.

Театр на протяжении всей жизни привлекал к себе внимание Слепцова. «Постоянные сношения с театром и театральным миром не пропали даром, — свидетельствует Л. Ф. Нелидова, — сделали из В. А. замечательного знатока сцены и сценических условий и режиссера замечательного, по мнению самых опытных артистов»⁵⁰. Когда же в 1868 году в обществе литераторов стало известно, что дирекция Александринского театра нуждается в опытном режиссере и «ищет такового между литераторами», то Некрасов и писатели его круга «пришли к убеждению, что это место с успехом мог бы занять В. А. Слепцов»⁵¹.

Поэтому обращению Слепцова в статье «Тип новейшей драмы» и в неоконченной статье о театре к анализу положения

⁴⁶ «Отечественные записки», 1868, № 2, стр. 317.

⁴⁷ ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 47 (об.).

⁴⁸ «Отеч. зап.», 1868, № 2, стр. 317.

⁴⁹ Ст. «Мнение о народном образовании». ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 45 (об.).

⁵⁰ Биографический очерк Л. Нелидовой «В. А. Слепцов», ЦГАЛИ, ф. 331, оп. 1, ед. хр. 4, л. 7 (об.).

⁵¹ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 112.

современной ему драматургии было вполне закономерно. Воспитанный на традициях Белинского и Гоголя, ценивших громадную силу воздействия театра на народ, видевших в нем «кафедру, с которой можно много сказать миру добра», «с которой читается разом целой толпе живой урок»⁵², Слепцов также считает, что «сцена — это кафедра, театральная зала-аудитория, театральное представление — проповедь в лицах»⁵³. Высшее достоинство драматических произведений видит он в их наглядности, образности, доступности народу, а это достоинство для писателя очень важно. «Пьеса — это тоже лекция, — отмечает он, — эта лекция имеет ту особенность, что **она доступна каждому**»⁵⁴ (выделено мною — Р. А.). Мысль, выраженная в сжатой категорической форме, недоступна толпе, она слишком суха и отвлеченна, но если эту же самую мысль облечь в живую художественную форму и представить ее так, **как она выражается в жизни**» (выделено мною — Р. А.), то та же самая мысль сейчас же станет каждому понятна»⁵⁵. Здесь налицо единомыслие с Чернышевским, который особенность искусства слова видел в «форме жизни». Слепцов особенно ценил театр за то, что свое воспитательное воздействие он оказывает как бы исподволь, незаметно для зрителей: «В том-то и заключается удивительное, почти волшебное значение театра», ... что «польза, приносимая театром, как и всякая нравственная польза, неуловима»⁵⁶.

С усилением правительственных репрессий после каракозовского выстрела «вертоград российской словесности на время пришел в запустение»⁵⁷, и русская сцена оказалась запруженной произведениями драматургов либерально-охранительного толка, тщательно обходивших в своих пьесах коренные социальные вопросы современности и подменявших их напыщенным морализированием. Таковы пьесы Дьяченко «Светские ширмы», «Семейные пороги», некоторые пьесы Потехина и др.⁵⁸.

Если постановка «Доходного места» Островского в 1863 году была большим событием русской сцены, так как в пьесе смело обличались пороки бюрократической системы самодер-

⁵² Сб. «Гоголь о литературе». М., 1952, стр. 148.

⁵³ Эта рукопись статьи о театре (отрывок) написана рукой неизвестного с правкой Слепцова и хранится в ИРЛИ, ф. РIII, оп. 1, ед. хр. 1927. л. 1—2. Она будет напечатана в ближайшем томе «Литературного наследства» в числе других произведений Слепцова. Там же обосновывается и принадлежность этого отрывка Слепцову.

⁵⁴ Там же, л. 1.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ В. А. Слепцов. Ст. «Тип новейшей драмы», «Отеч. зап.», 1863, № 2, стр. 317.

⁵⁸ Подробнее об этом см. в книге Л. М. Лотман «А. Н. Островский и русская драматургия его времени». Изд. АН СССР, М.-Л., 1961.

жавия, то эпигоны драматурга, поверхностные и большей частью бездарные писатели типа Чернышева, Дьяченко и др., подхватили лишь внешние формы обличения отдельных сторон современной им жизни. Они стремились создать в своих пьесах лишь видимость постановки «современных проблем», чтобы отдать необходимую дань времени. В них содержалась и явная полемика с революционными демократами, стремление исказить, ополнить их взгляды. Так, полемически заостренной против «Грозы» и ее оценки Добролюбовым оказалась пьеса Лескова Н. С. (Стебницкого) «Расточитель» (1867 г.). Пародию на тип передового разночинца, на идеи женской эмансипации содержали пьесы Дьяченко.

Оттого-то так взыскателен и требователен В. А. Слепцов, представлявший революционно-демократическую критику, к репертуару современного ему театра, к художественным достоинствам ставящихся пьес, оттого так беспощаден к бездарным писателям либерального толка, наводнившим русскую сцену в годы реакции.

Умело используя приемы эзоповой речи, Слепцов в статье «Тип новейшей драмы» от имени революционной демократии выдвигает перед драматическим искусством задачу — поднимать в пьесах злободневные социальные вопросы. «Я отчасти догадываюсь, — пишет Слепцов, — почему они (то есть авторы умеренно-либеральных пьес с претензией на современность — Р. А.) оставили без внимания все прочие и дружно принялись за семейный»⁵⁹ вопрос. Неопределенным словом «прочие» писатель замаскировал легко подразумеваемый главный социальный вопрос времени — несовершенство общественного устройства, влияющее и на семейные отношения.

Слепцов отмечает распространенность на сцене театра не только пьес с претензией на современность, но и исторических драм, главным образом из эпохи Ивана Грозного. «Героями нынешнего сезона, — замечает он, — были двое: царь Иван Васильевич и господин Нильский»⁶⁰. Ивану Васильевичу еще с прошлой зимы полюбилась сцена Александринского театра, и он с нее не сходит до сих пор. Он там нынче в большой моде: бегаёт, кричит, стучит палкой и всем командует, как дома; то умирает, то опять воскресает и начинает заниматься амурными делами»⁶¹.

Иронический тон критика по отношению «к историческим драмам с Иваном Васильичем» не случаен. Именно в 60-е годы обращение к исторической теме, особенно в области дра-

⁵⁹ «Отеч. зап.», 1868, № 2, стр. 322.

⁶⁰ Известный исполнитель роли Жадова в «Доходном месте» на сцене Петербургского Александринского театра. В дальнейшем Слепцов иронически употребляет это имя.

⁶¹ «Отеч. зап.», 1868, № 2, стр. 319.

матургии, становилось явлением довольно частым. Однако оно не являлось самоцелью, а вызывалось желанием глубже разобраться в явлениях современности. Насыщенность эпохи 60-х годов острыми политическими событиями привела к усилению внимания к истории, в особенности к тем ее периодам, которые также характеризовались острыми социальными столкновениями. Таким был период, связанный с царствованием Ивана Грозного. Однако в целом ряде пьес, отразивших это время (в драмах «Слобода Неволя» Аверкиева (1866 г.), «Опричник или 4-й брак Ивана Грозного» (1865 г.) Милиуса и др. пьесах), личность царя и особенности его эпохи получили исторически неверное, далекое от объективности и подлинной художественности освещение. Но среди пьес были и такие, как «Псковитянка» Мея, «Василиса Мелентьева» Островского, «Смерть Иоанна Грозного» А. К. Толстого, которые представляли значительное явление в русской драматургии 60-х годов. Их, безусловно, нельзя ставить в один ряд с «Слободой Неволей», «Опричником», где Иван Грозный «бегаёт, кричит, всеми командует... и занимается амурными делами».

Нам понятна полемическая заостренность вышеприведенного замечания Слепцова о характере исторической драмы его времени, ибо диктовалась она страстным желанием писателя видеть на сцене отражение насущных вопросов современной общественной жизни.

Не могли удовлетворить Слепцова и так называемые «современные» пьесы, так как они «оставили без внимания **все прочие** вопросы, то есть главным образом социальные, «и дружно принялись за семейный», «но и его правильно разрешить не сумели», и в результате «от всех этих драм остается какой-то сумбур в голове: домашний гнет, какие-то «ширмы», «пороги». В этом содержится намек на пьесы Дьяченко, «Светские ширмы» (1866 г.) и «Семейные пороги» (1867 г.) — «Свиньи-родители, слезы, уроды-женихи... — продолжает Слепцов, — ... и надо всей этой чепухой в гордом величии стоит Нильский и говорит, все говорит, говорит, говорит...». Нильский, в определении Слепцова, «это не частный человек... не господин Нильский и даже не актер Нильский, это Нильский — тип, Нильский — амплуа»⁶², своеобразный тип резонера, претендующего по воле автора на роль «выразителя «современных идей» — в этих так называемых «современных пьесах». Этот образ — штамп, повторяющийся в каждой такой пьесе, обнаруживает их художественную неполноценность.

Писатель считает несовместимым с принципами истинной художественности, недопустимым в реалистическом произве-

⁶² Там же, стр. 320.

дении наличие подобного персонажа, который «существенного влияния на развитие действия не имеет»⁶³, а вводится в пьесу для того, чтобы выразить определенную идею, специально предназначенную для воздействия на публику, но не отраженную в действии, а данную безотносительно к нему; речь его обращена не к действующим лицам пьесы, «а непосредственно на публику»⁶⁴.

В. Г. Белинский еще в 1841 году в статье «Разделение поэзии на роды и виды» выделил основные признаки подлинной художественности в драматическом произведении: «в драме, — писал он, — не должно быть ни одного лица, которое не было бы необходимо в механизме ее хода и развития (выделено мной — Р. А.). Простота, немногосложность и единство действия (в смысле единства основной идеи) должно быть одним из главнейших условий драмы; в ней все должно быть направлено к одной цели, к одному намерению»⁶⁵.

В разбираемых Слепцовым драмах на «современную тему» это главнейшее условие драмы не соблюдено, и «каждая такая пьеса представляется как бы составленною из двух разнородных частей: одну часть составляет картина, а другую Нильский; картина сама по себе, а Нильский сам по себе»⁶⁶. И происходит это потому, что «идея, положенная в основание драмы, вовсе не лежит в ее основании; идея для такой драмы — вещь посторонняя, взятая для виду, вещь, которую автор в свою драму никак упрятать не может»⁶⁷.

Подобное построение драмы означало, по мысли Слепцова, отступление от лучших традиций русского драматического искусства, обогащенного еще не так давно шедеврами Гоголя. В «Театральном разъезде» Гоголь указывал (и его взгляд созвучен взгляду Белинского), что «комедия должна вязаться сама собой (выделено мной — Р. А.), всей своей массой, в один большой общий узел. Завязка должна обнимать все лица, а не одно или два, коснуться того, что волнует более или менее всех действующих»⁶⁸.

Образец подлинной художественности писатели-разночинцы видели в творчестве Гоголя, у него учились писательскому мастерству, искусству воспроизведения и обличения типических явлений жизни. Глубокое влияние гоголевских тем, образов, художественных приемов испытали В. А. Слепцов, Н. Г. Помяловский, А. И. Левитов и др. Гоголь был им особенно близок потому, что «он дал... нравы» обществу, — по

⁶³ Там же, стр. 321.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Белинский. Полн. собр. соч., М., АН СССР, 1955, т. V, стр. 53.

⁶⁶ «Отеч. зап.», 1868, № 2, стр. 322.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Сб. «Гоголь о литературе», стр. 257.

признанию героя рассказа Левитова «Петербургский случай» Ивана Померанцева, — или не то, что дал, а научил нас подмечать в людях настоящие нравы. Это основатель русской литературы»⁶⁹. «Горький смех» Гоголя Левитов считал девизом его творчества, и в этом с ним перекликался В. А. Слепцов, считавший основным качеством гоголевского дарования умение видеть «невидимые сквозь видимый смех слезы»⁷⁰.

Глубокую оценку творчеству Гоголя дал Чернышевский, посвятивший ему около 20 своих статей, заметок, рецензий⁷¹. На примере идейных ошибок Гоголя он хотел показать, что «вопрос о пафосе поэта, об идеях, дающих жизнь его произведениям», является «вопросом первостепенной важности»⁷². Однако критик находил, что, несмотря на свои ошибки и заблуждения в последний период творчества, Гоголь продолжает быть «важным для России не только как гениальный писатель, но и как глава школы, которой может гордиться русская литература»⁷³. Касаясь причин идейной драмы Гоголя, Чернышевский был склонен объяснять ее, главным образом, влиянием чисто внешних обстоятельств: условиями окружения Гоголя в России и за границей. Он недостаточно учитывал при этом особенности личности самого писателя, не касался чисто субъективных, психологических причин его заблуждений.

В. А. Слепцов сделал попытку всесторонне оценить творчество Гоголя, тщательно разобраться в причинах его духовной драмы в своей неоконченной статье «Что такое губернаторша?»⁷⁴, посвященной личности и творчеству Гоголя. Статья, вероятно, была задумана Слепцовым не раньше 1860 года, ибо является откликом на выход в свет XXI главы «Выбранных мест из переписки с друзьями», впервые напечатанной после длительного цензурного запрета в газете «Современность или Экономический листок» в № 1 за 1860 год. Глава эта «представляет собой несколько переработанное письмо Гоголя к жене калужского губернатора Н. А. Смирнова, назначенного на этот пост в 1845 году, — А. О. Смирновой от 6 июня 1846 года»⁷⁵. Глава долго не допускалась к печати в связи с содержащимися в ней отдельными неугодными цензуре замечаниями Гоголя о взятках и взяточниках. Но в целом ее реакцион-

⁶⁹ Левитов. Сочинения в I т., М., 1956, стр. 435.

⁷⁰ В. А. Слепцов. Ст. «Что такое губернаторша?», ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 5 (об.).

⁷¹ См. об этом работу С. Машинского «Гоголь и революционные демократы», М., 1953.

⁷² Чернышевский, т. IV, стр. 681.

⁷³ Там же.

⁷⁴ ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 4—11 (об.).

⁷⁵ См. комментарии Л. М. Лотман к VIII тому Полн. собр. соч. Гоголя в 14 т., 1947—1952, изд. АН СССР, т. VIII, стр. 795.

ная направленность не оставляла сомнений. Она и воспринималась в демократических кругах как выражение помещичьей идеологии, и характерно, что Тургенев показывает отношение демократа Базарова к этому произведению: «С тех пор, как я здесь, я преракостно себя чувствую, точно начитался писем Гоголя к калужской губернаторше»⁷⁶.

Не случайно поэтому и Слепцов, анализируя эту главу, дает своей статье то же название: «Что такое губернаторша?». В оценке Гоголя он выражает точку зрения революционной демократии. В статье обнаруживается глубина и зрелость эстетических взглядов Слепцова. Это проявляется и в умении выявить наиболее значительное и важное свойство гоголевского дарования. «Самой сильной стороной гоголевского таланта и, конечно, самой характеристической» он считает «эти невидимые сквозь видимый смех слезы»⁷⁷.

Слепцов сознает, что творчество Гоголя качественно неоднородно, и поэтому делит его на два периода, оценивая проницательно своеобразие каждого. «К первому (периоду) — пишет он, — относятся его юношеские⁷⁸ произведения (за исключением стихов), носящие на себе все признаки огромного таланта, а именно: «Вечера на хуторе», «Миргород», «Арабески», «Мертвые души», «Ревизор» и проч. Это лучшее время его деятельности, время, доставившее Гоголю место в ряду первоклассных литераторов, породившее толпу подражателей и закончившееся так печально появлением на свет «Выбранных мест»⁷⁹. Создание этой книги Слепцов расценивает как свидетельство глубокого духовного кризиса Гоголя. «Вслед за появлением этой книги, — отмечает он, — начинается второй период» в творчестве писателя. «Тут уже начинает ярко выступать тот нравственный переворот, много лет совершавшийся в душе этого человека и невидимо подточивший в самом корне его талант. К этому времени относятся его знаменитые «Исповедь», «Выбранные места», многие письма к друзьям...»⁸⁰.

Выделив два этапа в литературной деятельности Гоголя, Слепцов стремится разобраться в причине его душевного перелома, проследить эволюцию его мировоззрения и справедливо ищет ответы на эти вопросы и в «самой личности Гоголя». Он отмечает, что в произведениях, созданных Гоголем во второй период, «тот грустный период нравственного распада, которым закончил» он свое «литературное поприще», пи-

⁷⁶ И. С. Тургенев. Соч., т. VI, Госизд., М.-Л., 1930, стр. 340.

⁷⁷ ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 5—5(об.).

⁷⁸ Нам понятна условность этого определения, ибо «Мертвые души», «Ревизор» — творения зрелого художника.

⁷⁹ Там же, стр. 4.

⁸⁰ ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 5—5(об.).

сатель выступил «как моралист, увлеченный своим собственным красноречием». Слепцов понимает, что «нечувствительно для самого себя Гоголь «разоблачает самые затаенные симптомы своей болезни, имевшей огромное влияние на внутреннее состояние духа писателя, а, следовательно, и на его произведения»⁸¹. Он четко выделяет «главные симптомы, в которых выразился страшный нравственный недуг Гоголя», во всей их противоречивости: «смиреномудрие вместе с страшнейшим самолюбием, самоунижение и сильная склонность поучать»⁸².

Слепцов показал также полную несостоятельность и наивность попыток Гоголя, проявившихся во втором периоде его деятельности, отмеченном печатью «душевного дела», — попыток «решать социальные вопросы путем умозрения», «больше рассчитывая на откровение, нежели на практическое знание дела»⁸³. Он иронически высмеивает иллюзорность и шаткость подобных попыток. «По мнению автора, — пишет Слепцов о Гоголе, — как только чиновники губернских правл(ений) будут честны — тот же час будут честны кап(итаны) — исправники... все будет честно... Такое быстрое излечение произойдет от того, что низшим чинам не нужно будет давать взятку своим начальникам. Итак, вопрос о взятках решен, как видите. Из-за чего же мы-то хлопочем и бьемся, когда стоит только в губ(ернском) прав(лении) завести честных чиновников — и взятки не существуют?»⁸⁴.

Слепцов сделал попытку выяснить своеобразие творчества Н. С. Лескова (Стебницкого), также учитывая при этом и «личные свойства» автора. «Рассуждая о г. Стебницком, нельзя оставлять личность автора без внимания, иначе ничего не поймешь», — замечает он в статье «Тип новейшей драмы»⁸⁵.

Необходимо отдать должное полной беспристрастности суждений Слепцова о Лескове. Следует учесть, что в 60-х годах литературно-политическая поэзия Лескова отличалась двойственным характером, непоследовательностью. Она проявилась в его полемическом антинигилистическом романе «Некуда», написанном в 1864 году⁸⁶. В этом романе особенно много желчи и авторского негодования выпало на долю нигилиста Белоярцева, в котором легко было узнать В. А. Слепцова. Слепцов оказался выше сведения личных счетов и писал: «Я не могу относиться к этой личности враждебно; напротив,

⁸¹ Там же, л. 8—8(об.).

⁸² Там же.

⁸³ Там же, л. 9(об.).

⁸⁴ ЦГИАМ, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 182, л. 11(об.).

⁸⁵ «Отеч. зап.», 1868, № 2, стр. 324.

⁸⁶ Ошибочность своей позиции по отношению к революционно-демократическому движению позднее, в 80-х годах, как известно, признал сам Лесков.

эта личность возбуждает во мне участие. По-моему, Стебницкий должен быть глубоко страдающий человек... это должен быть несчастный человек⁸⁷.

В. А. Слепцов на год предварил Салтыкова-Щедрина своей оценкой творчества Лескова 60-х годов, и знаменательно, что точки зрения их во многом совпадают. Так, например, и Слепцов находит, что в произведениях Лескова этого периода «кажется все есть, что нужно: и наблюдательность есть, и опытность заметна; есть, наконец, отдельные страницы, просто хорошо даже написанные»⁸⁸. И если Салтыков-Щедрин признавал, что «вся эта раздражительность и некоторая путаница в мыслях автора происходит от того, что его кто-то обидел»⁸⁹, то Слепцов еще раньше Салтыкова-Щедрина заметил, что «Стебницкий — глубоко страдающий, ... несчастный человек», личные переживания которого не могли не отразиться в его произведениях. Оттого-то они и оставляют какое-то двойственное впечатление: «на первый взгляд — каждое произведение Стебницкого представляет нечто целое, нечто вполне законченное... Но при более внимательном осмотре эта вещь оказывается вся как будто источенною молью или изъеденною купоросным маслом»⁹⁰. И причина этого несчастья должна скрываться в самом авторе, в **личных его свойствах**⁹¹ (выделено мною. — Р. А.).

В творчестве писателя Слепцов предлагает всегда различать: 1) «материал, который лег в основание произведения», то есть факты и явления социальной действительности, получившие отражение в произведениях Лескова; и 2) «порчу, причиненную автором этому материалу»⁹²; необходимо уметь видеть отступления писателя от художественной правды в силу его идейных убеждений.

Противоречивость во взглядах Тургенева проявилась, как известно, в его романе «Отцы и дети». Роман вызвал ожесточенную полемику как между реакционно-либеральным лагерем и лагерем демократическим, так и внутри демократического лагеря. Сам Слепцов не участвовал в этой полемике. Письменных свидетельств своего отношения к роману он не оставил. Но в воспоминаниях Е. Н. Водовозовой «На заре жизни» оценка писателем этого романа получила ясное отражение.

«Я совсем не очарован этим романом, — передает Е. Н. Водовозова выступление Слепцова на одном из молодежных

⁸⁷ «Отеч. зап.», 1868, № 2, стр. 324.

⁸⁸ В. А. Слепцов. Тип новейшей драмы. «Отеч. зап.», 1868, № 2, стр. 325.

⁸⁹ Салтыков-Щедрин. П. С. С., т. 8, стр. 368.

⁹⁰ «Отеч. зап.», 1868, № 2, стр. 329.

⁹¹ Там же.

⁹² Там же, стр. 325.

собраний, — нахожу в нем множество промахов и противоречий, неправильно понятых взглядов молодого поколения. Автор выставляет Базарова человеком без веры, а молодое поколение верит в очень многое, прежде всего, оно твердо верит в свои идеалы»⁹³.

В отличие от Антоновича, Слепцов все же видел в Базарове представителя поколения демократов-разночинцев, а не карикатуру на него, но он и не разделял восторженной оценки романа Писаревым, не считая Базарова, подобно Писареву, «очень ярким представителем нового типа»⁹⁴ разночинцев-демократов.

Сам типичный представитель славной когорты деятелей демократического движения 60-х годов, разделяющий передовые убеждения своего времени, хорошо знающий запросы и стремления молодого поколения⁹⁵, Слепцов тонко уловил основной недостаток авторского замысла, по которому и в самом деле Базарова, этого достойного представителя молодого поколения 60-х годов, «автор выставляет человеком без веры», обнаруживает некоторую бесперспективность своего героя.

Большую проницательность обнаружил Слепцов и в оценке таких персонажей «Отцов и детей», как Кукшина и Ситников. По свидетельству Водовозовой, Слепцов справедливо считал, что в Кукшиной «автор вовсе не изображает современной женщины: она и ее приятель Ситников представляют превосходную карикатуру на людей, заимствующих лишь внешность прогрессивных идей, примазывающихся к новому течению, чтобы щегольнуть словами и фразами, и воображающих, что этого достаточно, чтобы прослыть общественными деятелями. Что это карикатура, видно уже из того, что к обоим этим личностям с презрением относятся Аркадий и Базаров»⁹⁶.

В 1864 году Салтыков-Щедрин аналогично охарактеризовал «деятелей» типа Кукшиной и Ситникова, которые «с ухарской развязностью прикомандировывают себя к делу, делаемому молодым поколением, и, схватив одни наружные признаки этого дела, совершенно искренно исповедуют, что в них-то и вся сила»⁹⁷.

Полное единомыслие с Щедриным проявляет Слепцов и в оценке произведений А. К. Шеллер-Михайлова, выступившего в 60-х годах с романами о молодом поколении: «Гнилые боло-

⁹³ Водовозова Е. Н. На заре жизни, СПб., 1911, стр. 520.

⁹⁴ «Русское слово», 1865, № 10, стр. 6.

⁹⁵ Позднее, в 1865 году, в повести «Трудное время» Слепцов сам создал образ непреклонного деятеля революционной демократии — Алексея Ивановича Рязанова, который не только верил в грядущую победу революционного дела, но отдавал все свои силы делу его подготовки.

⁹⁶ Е. Н. Водовозова. На заре жизни, СПб., 1911, стр. 521.

⁹⁷ «Современник», 1864, № 3, стр. 56.

та», «Жизнь Щупова»... и др. Передовая критика 60—70-х годов видела в них опошление высоких идеалов истинной революционности, подмену революционного дела пустыми разглагольствованиями в духе умеренного либерализма.

Салтыков-Щедрин отмечал, что анализ и исследование окружающей жизни и ее пороков Шеллер-Михайлов подменяет благонамеренной рассудительностью; он считал, что «крайняя бедность действительного, живого содержания» придали этим произведениям «характер чего-то напускного, сочиненного с чужих слов»⁹⁸, а действительная жизнь уступила место «натяжке и выдумке».

Слепцов тонко разобрался в самом существе писательской манеры Шеллер-Михайлова. Как видно из письма Н. А. Соловьева-Несмелого И. З. Сурикову от 20 апреля 1877 года, Слепцов считал, что «Шеллер-Михайлов — не Помяловский, не Левитов, которые творили, созидали из самих себя и из наблюдений окружающего, а потому рано и сгорели, а Михайлов переживет многих, накопит массу денег и уже накопил; всегда благодушен и благодушествует; он понял время и требования его как аккуратный немецкий переродок, желает нравиться молодежи и бьет на это»⁹⁹. Слепцов отмечал также полное незнание Шеллер-Михайловым жизни народа, ибо он «далее Фонтанки, что в Питере... не видел ни одной русской рожи»¹⁰⁰. Ему Слепцов противопоставлял талантливых писателей-демократов: Левитова, Помяловского, Г. Успенского, «которые творили из самих себя и из наблюдений окружающего, а потому рано и сгорели». В письме к И. З. Сурикову от 16 января 1877 года Н. А. Соловьев-Несмелов пишет о впечатлении, произведенном на больного Слепцова известием о смерти Левитова. «В. А. Слепцов потрясен смертью Левитова... Совсем потерял сон..., он когда-то был близок и дружен с Левитовым»¹⁰¹.

Мы уже указывали, что выступления Слепцова по вопросам эстетики вызывались конкретными явлениями литературно-общественной борьбы. О них мы можем судить по отдельным замечаниям, разбросанным по его произведениям. Характер этих суждений обнаруживает в Слепцове принципиального и вдумчивого деятеля революционно-демократического лагеря 60-х годов.

⁹⁸ Салтыков-Щедрин, т. 8, стр. 312.

⁹⁹ ГБЛ, ф. 295, № 5336, ед. 2—7.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ ГБЛ, ф. 295, № 5336, ед. 2—7.

К. МЕГАЕВА

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕРОЕВ ДОСТОЕВСКОГО

Одним из наиболее распространенных мнений является утверждение о том, что Достоевский будто бы не умел в своих произведениях индивидуализировать живую речь действующих лиц. Н. А. Добролюбов, разбирая роман Достоевского «Униженные и оскорбленные», писал: «Надо быть слишком наивным и несведущим, чтобы серьезно и пространно, с доказательствами, выписками и примерами разбирать эстетическое значение романа... Во всем романе действующие лица говорят как автор, они употребляют его любимые слова, его обороты, у них такой же склад фразы»¹.

Ту же «нехудожественность», искусственность речи героев отмечал Л. Н. Толстой даже в последних больших романах Достоевского. «Как это нехудожественно... все говорят одним и тем же языком. У Достоевского отталкивают его странные манеры, странный язык...» «Разговоры же невозможны и совершенно неестественны... удивлялся на его неряшливость, искусственность, выдуманность... так нескладно»². «Нехудожественность», «композиционную рыхлость» и «неумение индивидуализировать речь героя» отмечали Н. Михайловский, П. Ткачев и другие современники Достоевского³.

Подобные суждения могли утвердиться благодаря тому, что при анализе злободневных, полемически заостренных, философски насыщенных романов Достоевского главное вни-

¹ Н. Добролюбов. Собр. соч. в 3-х томах, М., 1952, т. 3, стр. 466.

² Л. Толстой. О литературе, М., 1955, стр. 616, 712.

³ См. «Отечеств. записки», 1873, № 2, стр. 321; «Дело», 1873, № 3, стр. 161, № 4, стр. 366, 373.

мание уделялось их идейно-политическому содержанию и направлению, а изучение и выяснение специфики художественного мастерства отодвигалось на второй план. Но Достоевский вошел в русскую литературу не только как писатель, внесший новые темы, проблемы и типы своего времени, но и как новатор формы, как создатель романа-трагедии с его своеобразной композицией и новыми приемами речевой характеристики героя. Принципы речевой характеристики героев у Достоевского резко расходились с установившейся еще у писателей натуральной школы традицией индивидуализировать речь героя путем введения характерных слов и выражений, или, как говорил Достоевский, различных «словесных эссенций».

Новые принципы речевой характеристики героев Достоевского недостаточно исследовались даже теми, кто специально анализировал художественное мастерство писателя⁴. Покоренные существующим в романах Достоевского единым речевым стилем, единой напряженной речевой интонацией рассказчика и действующих лиц, они за общим выравнивающим стилем, но не уничтожающим своеобразия речи действующих лиц, не увидели ни имеющейся в романе резко индивидуализированной речи героев, ни своеобразных средств речевого раскрытия их характера. Не заметив специфики речевой характеристики героев Достоевского, исследователи заговорили о художественном бессилии писателя. Дело, конечно, не в художественном бессилии Достоевского. Он был непревзойденным мастером диалога и дал образцы своеобразных речевых стилей. Как справедливо замечает Г. Чулков, достаточно вспомнить витиеватый, но потрясающий своей трагичностью, монолог Мармеладова, сухой канцелярский слог Лужина, язык Степана Трофимовича с его барскими интонациями и галлицизмами, язык Зосимы, весь проникнутый стилистическими приемами и манерой житий, превосходные речевые карикатуры на немцев — и станет ясно, что Достоевский мог создавать блестящие, резко индивидуализированные речевые стили⁵. Но дело в том, что, создавая речевые стили героев, Достоевский далеко не всегда стремился к характерности речи героя: он ставил перед собой иные задачи и вкладывал иное понимание в термин «индивидуализация» речи героя.

⁴ Советские литературоведы Л. П. Гроссман, А. С. Долинин, Г. И. Чулков, В. В. Виноградов, А. П. Скафтымов, А. Г. Цейтлин, А. А. Белкин, Ф. И. Евнин, А. В. Чичерин внесли много нового и интересного в исследование метода Достоевского и его художественного мастерства. Но исследований, посвященных анализу поэтического языка романов Достоевского, речевых характеристик его героев, почти нет. Исключение представляют работы академика В. В. Виноградова, анализирующие язык ранних произведений Достоевского, а также статьи А. В. Чичерина и И. Я. Зунделовича о некоторых особенностях языка и стиля поздних романов писателя.

⁵ См. Г. Чулков. Как работал Достоевский, М., 1939, стр. 77.

Под индивидуализацией речи понималось и понимается соответствие речи героя его среде, времени, характеру. Эта индивидуализация речи, в основном, создавалась лексико-морфологическими средствами языка, при помощи которых автор прикреплял своего героя к той или иной социальной среде.

Начиная с романа «Преступление и наказание», Достоевский, создавая свой «психо-идеологический» реализм, вскрывающий «неисследимые глубины духа и характера человеческого» (выражение Достоевского), отталкивается от «бытового реализма» Писемского и Лескова с «обилием бытовых деталей, физиологизмом изображения персонажей, с внешними приемами рисовки поз и движений, ... с социально-дифференцированными формами разговорного просторечия...»⁶. Он все свое внимание направляет на то, чтобы как можно глубже, тоньше и выразительнее передать не общее, а особенное, отдельное, индивидуальное.

В «Дневнике писателя» за 1873 год Достоевский высмеивает писателя-типичника, который «ходит всю жизнь с карандашом и с тетрадкой, подслушивает и записывает характерные словечки», а потом «чуть заговорит у него купец или духовное лицо, — он начинает подбирать ему речь из тетрадки... Читатели хохочут и хвалят и уж кажется бы верно: дословно с натуры записано, но оказывается, что хуже лжи, именно потому, что купец али солдат в романе говорят только эссенциями, т. е. как никогда и ни один купец и ни один солдат не говорит в натуре»⁷.

Подобный метод индивидуализации языка героя Достоевский считал не только внешним и поверхностным, но даже и вредным, т. к. он мешал раскрытию индивидуальных особенностей героя, его противоречивой и сложной психологии. Для раскрытия внутреннего мира героя, особенных, только ему принадлежащих, черт характера Достоевский обращается не к речевым эссенциям, не к характерным словам и выражениям, а к разнообразным личностно-экспрессивным формам речевой характеристики с воспроизведением ритма, напряжения, интонации говорящего. Совершенно справедливо поклонник таланта Достоевского С. Цвейг говорит, что у Достоевского «символичен порядок слов, характерен строй предложений, ничто не случайно: необходим каждый отдельный слог, каждый вырвавшийся звук, существенна каждая пауза, каждое повторение, каждое дыхание, каждая обмолвка»⁸.

Имея в виду свои новые и эффективные средства речевой

⁶ В. Виноградов. Достоевский и Лесков. (70-е годы XIX века). «Русская литература», Л., 1961, № 1, стр. 67.

⁷ Ф. М. Достоевский. П. С. С., изд. Маркса, 1895, т. 9, стр. 278.

⁸ С. Цвейг. Соб. соч., Л., 1929, т. 8, стр. 331.

характеристики героев, Достоевский писал, что у него «каждое лицо говорит своим языком и своими понятиями».

Своеобразие речевой индивидуализации у Достоевского отмечал и А. М. Горький, который писал: «У него люди великоленно говорят... говорят люди его романов отлично, напряженно и всегда от себя. Нельзя смешать речь Дмитрия Карамазова с речами Алеши Карамазова»⁹. Требование, чтобы каждый персонаж говорил своим языком, соответствующим его времени, уровню его культуры, его характеру, общественному положению, стало обязательным требованием реализма, ибо без этого невозможно было бы воспроизвести социально-исторические и нравственно-психологические связи человека и среды, нельзя было бы воспроизвести колорит времени и места изображаемых событий.

Речь героя реалистического произведения всегда несет две функции: определяет общественно-социальную принадлежность героя и вскрывает (более или менее полно) его внутренний мир, его характер. Уже в творчестве А. С. Пушкина ярко обозначились эти две функции речи героя, два принципа художественного изображения действительности.

В таких реалистических произведениях, как «Евгений Онегин», «Повести Белкина», преобладает первая функция речи героя — прикрепление его при помощи речевого стиля к определенной социально-бытовой среде.

В поздних реалистических произведениях, особенно в «Пиковой даме», выдвигается на первый план вторая функция речи героя — «воспроизведение социальных характеров с помощью их собственных голосов, как в формах диалога, так и в формах чужой или не прямой речи в структуре повествования»¹⁰.

На первых этапах развития реализма преобладала функция прикрепления героя с помощью его речи к определенной социально-бытовой среде.

Писатель создавал яркую индивидуальность, воспроизводя, подчеркивая в герое и в его речи общее, типичное, характерное для его круга, класса, сословия. Индивидуализация речи героя достигалась в основном лексико-морфологическими средствами: внесением в речь героя диалектизмов (если изображалась жизнь деревни), профессионализмов, социологизмов и т. д. (если изображалась жизнь города).

Эта функция речи героя бросается в глаза в произведениях писателей натуральной школы в начале 40-х годов: у Григоровича, Даля, раннего Тургенева.

⁹ А. М. Горький. О литературе. Изд. Сов. писат., М.-Л., 1955, стр. 442.

¹⁰ В. В. Виноградов. Язык художественной литературы. М., 1959, стр. 476.

Писатели-реалисты на первых порах создавали как бы речевые типы, подчеркивая общее; это была несколько «внешняя» индивидуализация речи героя, т. к. о внутреннем мире героя, о сложных переживаниях его чаще всего говорил сам автор, собственным авторским стилем. Даже в «Евгении Онегине» сложный психологический мир героя в основном передается авторской речью, в нравственно-психологических комментариях автора.

Гоголь, уделяя главное внимание среде, воспроизводил характер человека в поступках, в отношениях к вещам; передавал внутренний мир героя (и в «Мертвых душах», и в петербургских повестях), в основном, в авторском описании, крайне редко прибегая к принципу речевого самораскрытия героя. Так, например, состояние ошеломленного Манилова, услышавшего от Чичикова предложение продать мертвых душ, Гоголь не раскрывает ни внутренней речью (как это сделал бы Достоевский), ни описанием самого психического процесса, самих мыслей, чувств и их движения (как это сделал бы Л. Н. Толстой). Он передает переживание своего героя через поступки, жесты, действия, выделяя характерную деталь (чаще всего деталь-вещь), а речевого самораскрытия героя нет¹¹.

Тот же принцип авторского комментирования, раскрытия внутреннего мира героя через вещи и поступки является ведущим и в повести «Шинель». Хотя в повести речь героя воспроизводится несколько раз (причем, дважды — это внутренний монолог), она ни разу не передает чувств, мыслей, внутреннего состояния Акакия Акакиевича, не является средством самораскрытия, она вращается вокруг обыденных тем и предметов.

Конечно, было бы неверным из сказанного делать выводы о том, что речь героев у Гоголя не служит характеристике героя. В «Мертвых душах» речевые стили Ноздрева, Коробочки являются важным средством дополнительной характеристики этих героев. Но все-таки психология героя, его внутренний мир в подавляющем большинстве передается Гоголем через вещи, поступки, или в авторских нравственно-психологических комментариях. Это не лишает гоголевских героев психологизма, ибо изображение душевного мира героя через его поступки, через отношение к вещам и анализ этих вещей тоже является одним из средств психологического анализа героя.

Можно сделать лишь один вывод, что речевое самораскрытие героя не было ведущим средством в творчестве Гоголя, и, может быть, это объясняется тем, что герои Гоголя (раз-

¹¹ См. Н. В. Гоголь. Собр. соч. в 6 томах, М., ГИХЛ., 1949, т. 5, стр. 34; т. 3, стр. 140.

личные «типы пустоты и одичалости») не могли самораскрыться, т. к. для этого нужен достаточно высокий интеллектуальный уровень, умение самоанализировать поступки, чувства, думы.

У Пушкина в «Капитанской дочке» и особенно в «Пиковой даме» большое значение начинает приобретать вторая функция речи героя — раскрытие его внутреннего мира с помощью собственного голоса. В «Пиковой даме» для раскрытия сложного внутреннего мира героя Пушкин широко пользуется всевозможными средствами самораскрытия: внутренней речью героя, письмами, исповедальными диалогами и т. д. Здесь интонационно-синтаксические приемы, авторская ремарка о тоне, манере речи вытесняют лексико-морфологические средства индивидуализации речи. Пушкин основное внимание уделяет тому, **как, в каком** состоянии говорит герой, что он переживает и как это выражается в речи.

Средства индивидуализации речи Германа в «Пиковой даме» Пушкина во многом предопределили средства речевой индивидуализации и самораскрытия характера Раскольникова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»¹².

Пушкин, как впоследствии и Достоевский, для передачи предельной эмоциональной напряженности строит внутреннюю и диалогическую речь Германа, как речь прерывающуюся от избытка чувств, спотыкающуюся, противоречивую. В ней обилие риторических восклицаний и вопросов, нагнетание однородных определений и дополнений, словесные контрасты, гиперболы, смысловой и интонационный акцент.

Однако, принцип речевого самораскрытия героя, раскрытия его характера с помощью собственного голоса не стал ведущим принципом изображения человека ни у Пушкина, ни у Гоголя, и можно согласиться с утверждением академика

¹² Вообще можно отметить идейно-художественную близость романа Достоевского и новеллы Пушкина. Здесь общая проблематика (разоблачение эгоизма и антигуманизма людей наполеоновского типа); сходство характеров центральных героев, их преступлений. Честолюбивый и скрытный Герман с его сильными страстями, не знающими никаких пределов — самый ближайший предшественник Раскольникова. Легко заметить и общность художественных средств изображения. Динамичность сюжета, глубокий психологизм героев, такие средства психологического анализа как внутренний монолог, исповедальные диалоги, письма, сны, галлюцинации и т. д. Все эти приемы, используемые Пушкиным в «Пиковой даме», стали излюбленными приемами Достоевского. Идейно-художественная близость этих двух произведений объясняется, конечно, не простым заимствованием Достоевского. Она коренится в едином объекте изображения (буржуазный город в период усиления губительной силы денег), в отрицательном отношении и Пушкина, и Достоевского к анархическим, антигуманистическим нравам капиталистического города, в реалистическом методе обоих писателей.

В. Виноградова о том, что «гоголевские типы даже бедных людей были лишены внутреннего психологического самораскрытия».

Из сказанного совершенно не следует, что реализм Достоевского, широко пользующегося принципом речевого самораскрытия героя, лучше или выше, «реальнее» реализма Пушкина или Гоголя, не пользующихся этим принципом¹³. Просто принцип речевого самораскрытия героя составляет своеобразие реализма Достоевского, особенность его идеологических романов-трагедий. Именно потому, что Достоевский делает речевую характеристику героя одним из основных принципов самораскрытия человека, становится ясным то огромное место и значение диалогов, монологов, исповедей, писем, которыми наполнены романы Достоевского. Именно потому, что у Достоевского речевое самораскрытие героя становится основным принципом изображения внутреннего мира человека, он гораздо больше внимания уделяет специфическим, личностно-экспрессивным формам речи героя, чем внешним лексико-морфологическим средствам, при помощи которых создается речевой тип определенной социально-бытовой среды.

К резкой, внешней индивидуализации Достоевский обращается тогда, когда воспроизводит среду, группу людей, резко отличающихся друг от друга и по социальной принадлежности, и по характеру. Тогда речевая характеристика делает образ и без особого авторского углубленного раскрытия более выпуклым и рельефным. Этим можно объяснить тот факт, что в художественно-несовершенном, тенденциозном романе-памфлете «Бесы» мы найдем ряд блестящих индивидуализированных стилей. Ведь в «Бесах» Достоевский пытается воспроизвести отношение к идеям революции, социализма, атеизма и веры представителей самых различных сословий, классов и общественных групп: мужика Федьки Каторжного, дворянина либерала-западника Степана Трофимовича Верховенского, разночинцев Шатова и Кириллова, безродной ясновидицы Лебядкиной и аристократа, князя Ставрогина.

Речевой стиль каждого героя в этом романе соответствует его среде, культурному уровню и раскрывает сущность характера персонажа. В качестве примера резкой, как говорил Достоевский, «внешней» индивидуализации речи героя, приведем речь Лебядкиной из романа «Бесы», своеобразие речевого стиля которой достигается в первую очередь лексико-морфологическими средствами.

Образ Марии Лебядкиной занимает особое место в романе. В нем нашли свое художественное выражение мысли Досто-

¹³ О возможности такого толкования свидетельствует статья Д. Благого «Идейность и художественность неотделимы». «Известия» от 18 марта 1960 г.

евского о вере и безверии, об отношении разума и интуиции, его взгляд на русский национальный характер.

Изверившимся, оторвавшимся от народа и родной почвы атеистам, противоречивым, беснующимся персонажам (Петру Верховенскому, Шатову, Кириллову, Ставрогину) Достоевский противопоставляет цельную натуру «хромоножки», которая вышла из народа, сохранила связь с ним и не хочет заменить «родной свой русский теремок» на чуждые «княжеские палаты». Цельность натуры Лебядкиной, ее связь с родной русской почвой раскрывается в диалогах с Шатовым и Ставрогиным. Диалогическая речь Лебядкиной очень скоро переходит в монологическую, где нет перебивающих друг друга противоречивых голосов, нет спотыкающегося течения фраз. В ее речи легко ощущается народно-песенная основа. Это превращение внешнего диалога в истинный монолог соответствует внутренней логике образа Лебядкиной, ее цельности, не знающей двойственности и противоречивости.

Основа речи Лебядкиной — разговорное просторечие деревни, усложненное фразеологией и лексикой городского и церковно-монашеского типа. Просторечные слова заполняют все монологи Лебядкиной. В ее речи мы встречаем очень частое употребление слов *то* и *это* после существительных (характерное для русской разговорной речи употребление постпозитивного члена): *гадаю-то, я-то, откуда-то, нечаянное-то, сию-то, а Лизавета-эта блаженная*; такие слова, как: *враки, откудова, али, коли, тычет, эка невидаль*. Много в ее речи чисто русских идиом и поговорок: *эка невидаль, судить-рядить, ни слуху, ни духу, одна-одиношенька, страх не любила* и т.д. На народную основу речи Лебядкиной указывает частое употребление существительных с уменьшительно-ласкательным суффиксом (характерное для фольклора): ... *ноготочки, ленточки, цветочки, корочка хлеба*. Синтаксис речи, построение фраз создают плавный, замедленный темп, напоминающий темп народной песни. Как и в народных песнях, мы найдем в речи Лебядкиной одинаковые начала, повторение одних и тех же слов и фраз с равными периодами (напоминающие анафору и синтаксический параллелизм народных песен); в ее речи легко обнаружить народную символику заговоров, гаданий с характерными постоянными эпитетами: «*Гадаю-то я, гадаю, Шатушка, да не то как-то выходит. Все одно выходит: дорога, злой человек, чье-то коварство, смертная постель, откудова-то письмо, нечаянное известие* — *враки все это, я думаю, Шатушка, как по-твоему? Коли люди врут, почему картам не врать*»¹⁴.

¹⁴ Ф. М. Достоевский. Собр. соч. в 10 томах, М., ГИХЛ, 1957, т. 7, стр. 153. В дальнейшем цитаты из произведений Достоевского приводятся по этому изданию, в скобках будут указаны том и страницы.

Напевный характер речевого стиля Лебядкиной явно ощущается в отрывке, где она говорит о своей любви к природе, вернее, о своем слиянии с ней. Начало этого отрывка воспринимается как зачин какого-нибудь народного заговора: «Взойду я на эту гору, обращусь лицом к Востоку, припаду к земле, плачу, плачу и не помню, сколько времени плачу, не помню я тогда, и не знаю я тогда ничего» (т. 7, стр. 155).

Разговорно-народная, песенная речь Лебядкиной усложнена мещанским просторечием и словами церковно-монашеского быта. Явно городскими и по синтаксису и по лексике являются слова и фразы: *большая мечтательница, довольно смешной человек, по моему мнению, аттестовать с неожиданной стороны, светское кокетство, душевные качества, смотреть с безнадёжностью*. Причем, характерно, что в разговоре со Ставрогиным, развращенным, по мнению Достоевского, западной цивилизацией, городом, Лебядкина больше употребляет «городских» слов и фраз, а с Шатовым, происшедшим от крепостных и идущим к народу и вере, Лебядкина говорит разговорным языком фольклора. Церковные, старославянские слова и выражения Лебядкина употребляет редко, только тогда, когда вспоминает эпизод из своей жизни в монастыре. Но и тогда, когда речь Лебядкиной усложняется городскими и церковнославянскими словами, она остается разговорно-народной благодаря тому, что вводятся эти слова в ограниченном количестве и не ломают народно-песенную структуру ее речевого стиля, не противоречат ей.

К внешней индивидуализации речи героев с подчеркиванием особой лексики, фразеологии прибегает Достоевский и тогда, когда хочет подчеркнуть лишь одну какую-нибудь черту характера, лишь одну деталь в нем, особенно во второстепенном персонаже, в эпизодическом лице, внутренний мир которого не отличается ни особенной глубиной, ни особенной сложностью. Таким «внешним» приемом охарактеризованы многочисленные немки-квартиродавицы, мещанин Душкин в романе «Преступление и наказание» и др.

Из приведенных примеров видно, что Достоевский, не отказываясь от достижений реалистов натуральной школы, вводя в речь диалектизмы, просторечие, профессионализмы и социологизмы, создавал речевой тип определенной социально-бытовой среды. Но для Достоевского в 60-е годы главным было не внешнее прикрепление героя к определенной социально-бытовой среде, а вскрытие его «внутренней», социально-психологической сущности. И для этого Достоевский прибегает к новым, более психологическим средствам индивидуализации речи героя. Обращение к новым приемам было необходимым и потому, что основные герои Достоевского в 60—70 годы были люди одной социальной среды, приблизительно одного и того же уровня образования, и естественно, что в лексико-мор-

фологическом отношении речь их мало чем отличалась друг от друга.

Все главные герои Достоевского — разночинцы-интеллигенты, труженики, городской люд, выброшенный за борт жизни. Героев Достоевского роднит не только принадлежность к одной общественной среде, но и особенности характера, психологии, отношение к действительности. Им присуще большое интеллектуальное и духовное родство. Недаром в литературоведении делались попытки типологизировать, классифицировать героев Достоевского, относя ряд героев к типу гордецов, других — к типу смиренников, преступников, бунтарей и т. д. Все центральные герои идеологических романов Достоевского — это герои интеллектуальные, страстные приверженцы той или иной идеи, теории. Раскольников, Аркадий Долгорукий, Ипполит, Иван Карамазов и т. д. спорят и пытаются разрешить важнейшие социально-нравственные вопросы: о будущности России, о социализме и революции, о вере и безверии. Они отличаются предельной нравственной и интеллектуальной чуткостью; все они «максималисты», не способные на компромиссы с совестью, живущие по принципу: «все или ничего». Эта предельная социально-нравственная чуткость не дает возможности героям Достоевского спрятаться в личный, спокойный семейный уголок, не дает возможности быть бесстрастным, созерцателем добра и зла; все беды и язвы, социальные и нравственные, проходят сквозь сердце героя, он страдает, мечется, ищет путей, вырабатывает теории, чаще всего (почти всегда) гибнет, но не успокаивается. Наделенные страстным темпераментом, нетерпеливые и нетерпимые, они бунтуют, проявляют своеволие, проповедуют свои часто бредовые, индивидуалистически-анархические теории, убеждают других, убеждают себя. И каждый из них, проповедуя идею, которая стала его жизнью, говорит страстно, убежденно. Принадлежность центральных героев Достоевского к одной общественной среде, духовное родство их и определяют некоторое сходство языка основных героев Достоевского, о котором с таким неудовольствием говорили Добролюбов, Толстой, Михайловский и др. Но в романах Достоевского обращает на себя внимание также отсутствие резко дифференцированной авторской речи. Для романов Достоевского характерно отсутствие отдельного спокойно комментирующего, поучающего, бесстрастного и всезнающего автора при наличии авторского голоса в каждом герое.

Общность речевого стиля героя и речевого стиля авторского повествования и создает тот общий стиль произведений Достоевского, который покоряет читателя и зачастую заставляет забыть об отсутствии внешней, броской индивидуализации речи героев. Создается впечатление, будто все герои с одинаковой страстностью, перебивая друг друга, спеша и вол-

нуясь, рассказывают нам о своих бедах и страданиях, пове­ряют нам свои тайны и думы. Мы забываем о своеобразии и особенностях речи отдельных героев и воспринимаем язык романов Достоевского как единый, страстный, напряженный речевой поток, в котором переплетаются и смешиваются речи героев и автора, манера говорить героя и рассказчика.

Стилеобразующим в произведении является авторский рече­вой стиль. Но в отличие от авторской речи Л. Н. Толстого, авторская речь в произведениях Достоевского не имеет резко очерченного характера, существенно отличающего ее от рече­вого стиля героя.

Авторская речь у Толстого более личностна; мы сразу от­личим ее не только от речи князя Курагина или Анны Павлов­ны Шерер, но и от речи близких автору героев Пьера Безухо­ва и Андрея Болконского. Историко-философские и нравствен­но-психологические рассуждения Толстого, хотя и входят в художественную ткань романа, но они стилистически резко отличны от речи героев, и, по сути дела, в романе появляется еще одно действующее лицо со своим речевым стилем — автор.

В романах Достоевского нет такого замкнутого лица с осо­бым речевым стилем; но, вкладывая в каждого героя пози­тивную или негативную часть своей души, Достоевский за­ставляет своих героев говорить одинаково страстно, убежден­но, адекватным авторской речи стилем. Герой и автор гово­рят в унисон, часто одна речь переходит в другую, авторское повествование — во внутренний монолог героя, а затем — и во внешнюю речь. Отсутствие резко очерченной, авторской речи у Достоевского подчеркивается и широко используемым писателем приемом так называемой несобственно-прямой, или пережитой речи. Этим приемом Достоевский широко поль­зуется и для раскрытия внутреннего состояния героя (причем, не только близкого Достоевскому, но и совершенно чуждому ему), и для объективного повествования. В этих случаях автор говорит как бы от лица героя.

Итак, общность социальной принадлежности и духовно-ин­теллектуальное родство героев Достоевского породили неко­торую (в лексико-морфологическом отношении) общность их языка. И перед писателем, который хотел изобразить челове­ка «изнутри» (выражение Достоевского), вскрыть его сущ­ность, встала задача более глубокой, более «психологической» индивидуализации речи героев одной социальной группы, приблизительно одного и того же уровня развития¹⁵.

¹⁵ Мы употребляем термин «индивидуализация речи» в понимании Достоевского, т. е. как использование языковых средств для наиболее полного раскрытия чувств, состояния, психологии героя.

Попытаемся определить и сформулировать эти языковые приемы, создающие яркие речевые стили. Анализируя приемы создания речевых стилей, мы не будем различать речь героя и речь автора, т. к. стиль авторского повествования в основном совпадает со стилем речи интеллектуальных героев Достоевского, и говорить об особенностях речевого стиля интеллектуальных героев Достоевского — означает в очень большой степени говорить об особенностях авторского стиля.

Как уже отмечалось, индивидуализация речевого стиля создается Достоевским не столько обильным внесением в речь героя диалектизмов, профессионализмов, социологизмов и др. лексико-морфологических форм, сколько воспроизведением тона, темпа, ритма, речи, манеры говорить. Это достигается, в основном, средствами синтаксиса и фразеологии, путем эмоционально-интонационного выделения слов и выражений, введением скобок, выражающих отношение говорящего к высказываемому, повторением одного и того же слова и выражения, нагнетанием определений, речевыми контрастами, гиперболой и др. языковыми средствами. Эффективность этих средств еще более усиливается от того, что Достоевский пользуется всеми ими одновременно.

Одним из самых широко используемых средств речевого самораскрытия героев Достоевского является словесно-эмоциональный акцент. Чуть ли не все герои Достоевского выделяют в своей речи те или иные слова, придавая им особую ударность, значимость; причем, эти слова несут идейную нагрузку, передают волнения героя и основную мысль, которая мучает его. Акцентируемые слова и фразы становятся центральными, заостренными и в смысловом отношении, эти слова и фразы поражают противника во время диалогов-поединков¹⁶.

Порфирий выбивает из рук Раскольников средства самозащиты фразой: «да вы ж и убили, Родион Романович»; Дуня побеждает Свидригайлова не револьвером, а единым только словом «никогда».

Глубокое, символическое значение получают в романе «Преступление и наказание» слова и выражения: *проба, ариин-пространства, человек-Наполеон, человек-вошь, коли идти больше некуда, надо воздуху, казенная квартира* и др. Интонационно-эмоциональный акцент создается Достоевским в первую очередь повторением одних и тех же слов с новым усиленным оттенком чувств. Чаше всего повторяются модальные и местоименно-указательные слова, которые вообще эмоционально окрашены, а от повторения еще более усиливают свою эмоциональную окрашенность.

¹⁶ См. Л. П. Гроссман. Достоевский—художник. Сб. Творчество Достоевского, М., 1959, стр. 352.

Местоимения *он, она, там, тот* наполняются глубоким значением, а герои употребляют их без предыдущей связи с существительным, и они звучат сильнее, значительнее, чем имя¹⁷. Так, например, говоря о процентщице, ни Разумихин, ни Раскольников, ни Порфирий Петрович не произносят ее имени, заменяя его местоимением, которое Достоевский выделяет курсивом. «Ваши обе вещи, кольцо и часы, были у *ней* под одну бумажку завернуты...». «Да ты разве знал, что и *он там* закладывал?» (т. 5, стр. 261). «Дойдя до поворота во вчерашнюю улицу, он с мучительной тревогой заглянул в нее, на *тот* дом... и тотчас отвел глаза». (т. 5, стр. 93). А в романе «Бесы» кружок нигилистов все время издевательски называется *наши*, и целая глава названа: «У наших». Соня на просьбу Раскольникова не покидать его отвечает фразой, в которой эмоциональная напряженность создается повторением слов: *нет, зачем, вместе. Нет, нет, никогда и нигде* (Вся фраза состоит из одних повторяющихся отрицаний, создающих усиленно-положительный ответ). «За тобой *пойду*, всюду пойду...». «*И зачем, зачем* я тебя прежде не знала, *зачем* ты прежде не приходил!...». «*Вместе, вместе* в каторгу *вместе* пойду» (т. 5, стр. 430)¹⁸.

Смысловая и эмоциональная ударность достигается повторением и обычных, нейтрально окрашенных слов, которые благодаря повторению приобретают дополнительную эмоциональность: *Надо воздуху, воздуху, воздуху; лучше так жить, только бы жить, жить, жить! Как бы ни жить, только бы жить! Сегодня! Сегодня!* повторил он про себя, да *сегодня же!* Так должно... Стало быть, если не явится никаких больше фактов (а они не должны уже более являться, *не должны, не должны*).

Иногда эмоционально-смысловой акцент достигается и без повторения слов; автор или герой вносят смысл и накал всего предыдущего в обычное слово, выделяемое Достоевским курсивом.

«Стало быть и у Порфирия тоже нет ничего, ничего, кроме этого *брёда*, никаких фактов, кроме *психологии*, которая о *двух концах*, ничего положительного», — думает Раскольников, после мучительной беседы с Порфирием Петровичем (т. 5, стр. 372).

Своеобразным приемом речевого самораскрытия героя и индивидуализации его речи является нагнетание однородных слов (определений, дополнений), которое передает предельную взволнованность, напряженность героя. В романах Достоевского, как в авторском повествовании, так и в речи ге-

¹⁷ Это отмечает А. В. Чичерин в статье «Поэтический строй языка в романах Ф. М. Достоевского». Там же, стр. 419.

¹⁸ Курсив в тексте везде Достоевского.

роев, резко бросается в глаза «неумеренное» употребление определений. Обилие эпитетов в речи героев Достоевского определяется эмоционально-напряженным состоянием героя; ведь эпитет, определение при разнообразных смысловых функциях придает всегда слову добавочную эмоциональную окраску. Еще Аристотель, говоря о необходимости меры в употреблении эпитетов, справедливо замечал, что обилие эпитетов свойственно человеку, говорящему в состоянии аффекта. Именно в таком состоянии говорят, спорят, доказывают свои мысли герои Достоевского, и употребление большого количества эпитетов вполне естественно в их устах. К множественности эпитета обращается в своих внутренних монологах и во внешней речи Раскольников, искренний и горячий Разумихин, рассудительный, но стремящийся понять дело со всех сторон, следователь Порфирий Петрович. Так, например, в беседе с Раскольниковым Разумихин, стараясь уяснить самые противоположные причины странного поведения своего друга, употребляет большое количество эпитетов, которые как бы перечисляют черты характера Раскольникова. Огромное количество определений, которые перечисляются с последовательной градацией, заменяет подробное повествование, и создается впечатление, что автор (или герой) резкими мазками, краткими назывными предложениями воспроизводит картину всей жизни Раскольникова, черты его характера. «Как: из-за того, что **бедный студент, изуродованный** нищетой и ипохондрией... **мнительный, самолюбивый, знающий** себе цену, и шесть месяцев у себя в углу никого не выдавший; ... а тут неожиданный **долг** перед носом, просроченный **вексель** с надворным советником Чебаровым, тухлая **краска**, тридцать градусов Ремюре, **спертый** воздух...» (т. 5, стр. 279).

В авторском повествовании Достоевский очень часто обращается к множественности эпитета. Так, Достоевский, стремясь не только перечислить как можно больше хороших свойств симпатичного автору героя, но и показать его с разных сторон, вводит очень большое количество определений, раскрывающих и внешнюю, и внутреннюю сторону личности Разумихина. «Понятно, что **горячий, откровенный, простоватый, честный, сильный**, как богатырь, и **пьяный** Разумихин, никогда не выдавший ничего подобного, с первого взгляда потерял голову» (т. 5, стр. 212).

Достоевский на протяжении всего романа ни разу не охарактеризовал улыбку или смех своего героя одним лишь эпитетом, а всегда — несколькими и даже сложными. Противоречивые чувства, которые выражала улыбка Раскольникова, не могли хотя бы приблизительно быть выражены одним определением, и Достоевский характеризует ее несколькими определениями. «...Да, он помнил потом, что засмеялся **нервным, мелким, неслышным, долгим смехом**». «... но когда он кончил,

оно [лицо] было бледно, искривлено судорогой, и **тяжелая, желчная, злая** улыбка змеилась по его губам» (т. 5, стр. 44) «Он стоял как бы в задумчивости, и **странная, приниженная, полубессмысленная** улыбка бродила на губах его» (т. 5, стр. 281).

В двух последних примерах эмоциональность и образность усиливается не только нарастающей градацией эпитетов, но и метафорой (злая улыбка змеилась, полубессмысленная улыбка бродила).

Контраст и гипербола занимают центральное место в поэтике Ф. М. Достоевского. Достоевский мыслит контрастами, гиперболическими понятиями и образами. Контраст и гипербола являются ведущими приемами и в композиции романов, и в структуре характера героев, и в создании речевого стиля героя.

Речевыми контрастами Достоевский создает своеобразные фразы, выражения, которые, повторяясь героями несколько раз, приобретают аллегорический, символический смысл. Эти, созданные контрастом и гиперболой (а также интонационным акцентом) понятия вместе с предельной метафоричностью языка героев и автора создают эмоциональную и ритмичную перенапряженность стиля, доводят мысль героя и автора до совершенной наглядности и осязаемости. Так, например, весь ужас и отчаяние Раскольникова, страдающего от понимания того, что он не Наполеон, а «вошь» эстетствующая, (одно из идейно-насыщенных у Достоевского понятий, образовавшихся из слияния контрастнозначимых слов: вошь и эстетика), передается в фразе, где контрастность значений настолько сильна, что звучит как парадокс. «Если бы я только **зарезал** от того, что голоден был, то я бы теперь **счастлив** был бы» (432). Словесный контраст и гипербола составляют смысловое и эмоциональное ядро следующих фраз: «Они сами **миллионами людей** изводят, да еще за **добродетель** почитают (439); «О, отрицатели и мудрецы в пятак серебра (507).

В страстных высказываниях героев, в напряженных диалогах мы встречаем большое количество фраз с ярким речевым контрастом и гиперболой, они превращаются в афоризмы, многозначительные символы. Так, фраза Раскольникова, представляющая собой развернутый речевой контраст (Наполеон, пирамиды, Ватерлоо и тощая гаденькая регистраторша, процентщица с красной укладкой под кроватью), не только передает состояние героя, его горькую иронию над собой, но несет большую идейную нагрузку. Видоизменяя эту фразу, Достоевский несколько раз повторяет ее в романе, и она, благодаря своей контрастности, особенно выпукло указывает на бессмысленность и бесчеловечность теории и поступка Раскольникова. Превратившись в понятие с глубоким значе-

нием, фраза эта окончательно разоблачает теорию Раскольникова и выражает идею автора, его взгляды.

Эмоциональное воздействие речевых контрастов еще более усиливается от внесения туда гиперболы, превосходной степени. Взвинченное состояние Раскольникова, его боязнь новых улик передается Достоевским в кричащем контрасте: «**Стотысячную черточку** просмотришь — вот и **улика в пирамиду египетскую**» (т. 5, стр. 214).

Экспрессивность фразы еще более усиливается благодаря сплаву контраста и гиперболы в выражениях: **стотысячная черточка** и **пирамида египетская**. Достоевский часто прибегает к гиперболе противоположного, уменьшительного направления, к литоте. Вообще превосходная степень и в грамматическом и в более широком смысле господствует в романах Достоевского. Так, передавая свое возмущение, Разумихин говорит: «... замечал я эту мысль, ... разумеется, в чуть-чутьошном виде, в ползучем... в какой-нибудь щелочке» (т. 5, стр. 279). Много всевозможных преувеличений и в речи Порфирия Петровича: «Нет, думаю, мне бы хоть черточку! хоть бы самую махочку черточку, только одну» (т. 5, стр. 469). «Еще хорошо, что вы старушонку только убили. А выдумай вы другую теорию, так, пожалуй, еще и в сто миллионов раз безобразнее дело бы сделали» (т. 5, стр. 480).

Своеобразным средством речевого самораскрытия героя и дополнительной психологической характеристики его являются у Достоевского скобки и интонационные ремарки. Скобками Достоевский пользуется очень широко: они придают особую тональность, напряженность речи автора и героя¹⁹. Скобки воспринимаются читателем как поправочные оговорки и оговорочки, которые заставляют читателя быть все время настороже и не дают возможности отдалиться спокойному течению мыслей.

Скобки в речи героев несут несколько функций: служат более глубокому проникновению во внутренний мир героя и заменяют авторское повествование, комментирование прошлых событий. Разрывая единую мысль героя, скобки передают расщепленность, многоголосость его сознания, передают колебания, неуверенность героя, его ежеминутную рефлексию и самоанализ. Пытаясь охватить весь психологический процесс в данный момент, желая показать, как одна мысль, одно слово речи рождает другие, Достоевский, акцентирующий в

¹⁹ О стилистической роли скобок говорит И. Я. Зунделович в своей работе «О стиле романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в сб. «Труды Узб. Гос. Университета им. Алишера Навои». Серия 72. 1957 г. В нашу работу внесено несколько новых замечаний о функции скобок и стилистической роли их.

основном все свое внимание лишь на самых крайних и контрастных явлениях, обращается к скобкам и скобочным замечаниям, чтобы, хоть вскользь, указать, намекнуть на промежуточные звенья психологического процесса. Скобки — это своеобразное средство у Достоевского передать «диалектику души», без подробного (как у Толстого) описания всего процесса, всех звеньев сложных человеческих переживаний. Краткие, лаконичные замечания в скобках помогают легко воспроизвести некоторые черты характера Раскольникова, Порфирия Петровича, Свидригайлова. Грязный сладострастник, откровенный циник прорывается в скобочных замечаниях во время разговора Свидригайлова с Раскольниковым. Серьезно и встревоженно рассказывая о своих галлюцинациях, Свидригайлов, вспомнив фразу своей жены об Аниське, вдруг плотоядно улыбнувшись, замечает в скобках: («Аниська — эта мастерица у нас в деревне, из прежних крепостных, в ученье, в Москве была, хорошенькая девчонка!») (т. 5, стр. 298). Краткая скобка заменила здесь авторское комментирование о том, что вспомнил Свидригайлов, почему у него появилась усмешка и что было между барином и его дворовой. Рассказывая Раскольникову о своем гнусном преследовании Дунечки, Свидригайлов нагло в скобках замечает: «(Сам вперед забегаю)» или: «(Про чтение письма-то слышали?...)».

Краткие скобочные замечания еще раз акцентируют внимание читателя на беспутстве и наглости Свидригайлова, который откровенно признается в скобках, что его выпустили за 30 тысяч: «(А долгу было 70000)» и что в благодарность за выкуп он лишь три раза поднял руку на жену.

Скобки в речи героя заменяют зачастую объективное авторское повествование, позволяют герою самораскрываться, вводят новые оттенки в характер героя, акцентируют те или другие стороны его. Скобки и в авторской речи выполняют две основные функции: они дают возможность проникнуть в самые глубокие и скрытые тайники души героя и делают самое повествование более динамичным, взволнованным, субъективно окрашенным, оценочным. Скобки в авторском повествовании становятся своеобразными ремарками, в которых Достоевский отмечает выражение лица, тон, внутреннее состояние героя.

Воспроизводя диалог Раскольникова с Порфирием Петровичем, Достоевский широко вводит скобочные замечания, передающие и страшное нервное напряжение Раскольникова, и хитрую игру Порфирия Петровича. Достоевский воспроизводит напряженность диалога-поединка тем, что в скобках замечает истинное состояние героев. Так, например, Порфирий Петрович вслух восхищается остроумным замечанием Раскольникова, а Достоевский в скобках указывает: «(Раскольников не замечал ничего подобного)» или: «(Раскольников и

не думал смеяться: он сидел стиснув губы, не спуская своего воспаленного взгляда с глаз Порфирия Петровича)» или: «(Отчего тот так и вздрогнул и мигом приготовился)» (стр. 361).

Той же задаче наибольшего эмоционального воздействия на читателя в целях его убеждения, с одной стороны, и более глубокого проникновения во внутренний мир героя, с другой, служат интонационные ремарки, указывающие не на жесты, передвижение или поступки героев во время диалогов, а на эмоциональный характер речи говорящего.

У Тургенева, Толстого речь героев чаще всего сопровождается авторскими ремарками, указывающими на внешнее положение героя, а не на интонацию, выражающую его внутреннее состояние. У Тургенева мы читаем: «... промолвил он, **глубже усаживаясь в кресло...**», «**произнесла она, внезапно поворачиваясь и ерзая на стуле...**» и «**...продолжала она, скрепив руки на груди и устремив глаза в сторону**». Толстой тоже чаще всего указывает на внешнее положение героя: «... продолжала Анна Павловна, **подвигаясь к князю**», «сказала она, **усаживаясь в кресло...**» и т. д. Подобные ремарки более пластично передают внешний облик и характер героя.

У Достоевского ремарок, рисующих внешнее положение и движение говорящего, немного. Он не обращает внимания на то, в каком положении находится во время речи говорящий, как он движется или как он держит свои руки. Не этими пластическими средствами передает Достоевский состояние, переживания своего героя. Так, например, напряженный диалог — поединок Раскольникова и Порфирия Петровича — не сопровождается ни одним жестом, ни одним движением, но все авторские ремарки указывают на тон, интонацию речи²⁰.

«Так... кто же... убил?..» — спросил он, не выдержав, **задышающимся голосом...** «Как кто убил?.. Вы и убили-с...» — прибавил он почти **шепотом...** «Это не я убил», — **прошептал** было Раскольников... «Нет, это вы-с... и некому больше-с» — строго и убежденно **прошептал** Порфирий». (т. 5, стр. 476).

Такой же характер носят ремарки в сцене Настасьи Филипповны с Аглаей и Свидригайлова с Дуней. Динамичной композиции романа-трагедии, в котором нет спокойного эпического повествования, а действие развивается быстро сменяющимися сценами, более соответствуют лаконичные интонационные ремарки, эмоционально насыщенные, акцентирующие чувства и состояние говорящего. Напротив, ремарки, указывающие на движение, жест, положение героя, добавочно живописуют, пластически воспроизводят образ говорящего и поэтому они не нарушают эпически спокойного повествования

²⁰ Об интонационных ремарках говорит Л. Лобов в работе «Из наблюдений над словесными приемами Достоевского». Пермь, 1927. Нами внесены некоторые новые замечания.

романов Тургенева, Гончарова, Толстого. В лучших своих произведениях Достоевский при помощи всех этих языковых средств достигает предельного речевого самораскрытия героя, создает в высшей степени выразительные речевые стили. В диалогах и монологах Мармеладова, Раскольниковова, Лукина, Свидригайлова в романе «Преступление и наказание», Ставрогина, Степана Трофимовича Верховенского в романе «Бесы», отца Карамазова, Зосимы, Ивана Карамазова в «Братьях Карамазовых» обе основные функции речи — воспроизведение внутреннего мира героя и прикрепление его к определенной социально-бытовой среде — выступают в органическом единстве.

Для иллюстрации возьмем монолог Мармеладова. Анализируя его, проследим, как средствами языка Достоевский воспроизводит то общее, типичное, что характерно для Мармеладова как представителя бедного чиновничества, и особенное, специфическое, свойственное ему как индивидууму, переживающему страшную трагедию мужа-пьяницы, трагедию отца павшей дочери, бедняка, выброшенного за борт жизни нищей.

О принадлежности героя к чиновничьему кругу свидетельствует книжно-канцелярский характер лексики, фразеологии и синтаксиса Мармеладова, слова и штампы профессионально-чиновничьего жаргона. Для Мармеладова как чиновника характерны: употребление частицы *с* (*понимаете-с, ну-с, да-с, пьяненький-с* и т. д.), канцелярские слова и штампы (*милостивый государь мой, осмелюсь ли, происходить ученую часть, изволите служить, через посредство господина, тем паче, досконально, ибо сугубо, ибо хотя* и т. д.).

Книжно-канцелярское построение фраз с налетом архаичности: *О чем мне доподлинно и по документам известно, ибо сие последнее у нее и осталось, в лоно семьи возвращу, облобызал я прах ног его, тому месяц назад.*

Рассказ Мармеладова, даже о самых трагических событиях, поражает своей витиеватостью: ...«с тех пор, по одному неблагоприятному случаю и по донесению неблагонамеренных лиц, — чему особенно способствовала Дарья Францевна, за то будто бы, что ей в надлежащем почтении манкировали, — с тех пор дочь моя, Софья Семеновна, желтый билет принуждена была получить и уже вместе с нами по случаю сему не могла оставаться». (т. 5, стр. 22).

Но чиновничий и канцелярский жаргон — это лишь форма, при помощи которой писатель-реалист относит своего героя к социально-бытовой почве. Индивидуализация же образа создается личностными, субъективно-экспрессивными формами стиля. Речь Мармеладова о себе — это потрясающая исповедь «погибшего человека, задавленного несправедливо гне-

том обстоятельств...»²¹. В ней явственно звучит отчаяние бедняка, сознание великой вины перед женой и дочерью, а также — характерное для героев Достоевского бравоирование своими пороками и своим унижением. Этим определяется индивидуальный речевой стиль Мармеладова: он экспрессивный, эмоционально-насыщенный, но в то же время он несколько витиеват, архаичен и растянут. Взволнованность Мармеладова выражается в спотыкающемся построении фраз, в отсутствии логической и грамматической связи между словами в предложениях: «Оно даже и лучше, коли дра́ть начнет, а я не того боюсь... Я... глаз ее боюсь... да... глаз... Красных пятен на щеках тоже боюсь... и еще — ее дыхания боюсь... Видал ты, как в этой болезни дышат... при взволнованных чувствах? Детского плача тоже боюсь... Потому, как если Соня не накормила, то... уж не знаю что! не знаю!» (т. 5, стр. 28), в повторении одних и тех же слов и выражений: «... но не вините, не вините, милостивый государь, не вините». «И я не осуждаю; нет, этого я не осуждаю!» (стр. 24);

В нагнетании определений, в резких контрастах и гиперболах: «Да, да; дама горячая, гордая и непреклонная» (стр. 19), «А Катерина Ивановна дама хотя и великодушная, но несправедливая». «Ну-с, пусть я свинья, а она дама!.. Пусть, пусть я подлец, она же и сердца высокого и чувств облагороженных воспитанием исполнена» (т. 5, стр. 18).

Излюбленный Достоевским прием словесного акцента, интонационного и эмоционального выделения слова оказывается очень эффективным в речи Мармеладова. Полнейшее отчаяние звучит в словах *пойти*, *идти*, которые Мармеладов, варьируя, употребляет несколько раз, акцентирует их, наполняет все большей и большей эмоциональностью.

«А коли не к кому, коли **идти** больше некуда!» «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было **пойти**». И далее в рассказе о замужестве Катерины Ивановны, вновь встречается это слово: «Но плача и рыдая, и руки ломая — **пошла**. Ибо некуда было **идти**. Понимаете ли, понимаете ли вы, милостивый государь, что значит, когда некуда больше **идти**». Повторенное несколько раз в различных формах слово **идти** принимает переносный смысл, превращается в символ и выражает последний предел отчаяния. Эмоциональная выразительность слова **идти** создается и усиливается окружающими словами: (*хоть, ведь, некуда, не к кому, уж куда-нибудь*), повторением фраз (*понимаете ли, понимаете ли вы; а коли некуда, коли не к кому*), своеобразной, в ритмическом отношении, концовкой фразы, в которой

²¹ Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. М.-Л., 1930, т. 13, стр. 526.

глагол «пошла» обрубаёт предложение и делает его более выразительным, благодаря контрастному значению всей первой части предложения: «Но плача и рыдая, и руки ломая — **пошла**» (т. 5, стр. 20). Горестное сознание своей страшной виновности перед семьёй выражается в повторении слов *пропил, лежал пьяненькой-с*.

«Знаете ли, знаете ли вы, государь мой, что я даже чулки ее пропил? Не башмаки-с, ибо это хоть сколько-нибудь походило бы на порядок вещей, а чулки, чулки ее пропил. Косыночку ее из козьего пуха тоже пропил-с, дареную, прежнюю, ее собственную, не мою» (т. 5, стр. 18, 19).

И здесь Достоевский, акцентируя слово *пропил*, усиливает его эмоциональность такими дополнительными средствами, как: резкий словесный контраст (не башмаки, а чулки пропил), убийственная гипербола (чулки пропил), нагнетание эпитетов (дареную, прежнюю, ее собственную), восклицательные и вопросительные риторические обращения. Страшным, хотя и бессильным обвинением порока является дважды повторенная фраза: «А я лежал пьяненькой-с». В этой фразе звучит страшное презрение Мармеладова к себе, т. к. лежал он «пьяненькой-с» в самых унижительных для человека обстоятельствах (когда Лебезятников избил его супругу и когда Соня в первый раз пошла на улицу, чтобы принести семье 30 целковых); и полное бессилие помочь близким, и страшная виновность перед ними.

«...А я, как и давеча, в таком же виде лежал-с, да-с... а я лежал пьяненькой-с» (т. 5, стр. 22).

Экспрессивность речи Мармеладова усиливается и употреблением церковнославянизмов в окружении просторечной лексики: «...Я хитрым обманом, как **тать в нощи**, похитил у Катерины Ивановны от сундука ее ключ». И тут же в рассказе о Соне вводится в речь просторечие: «Ну да-с, а я вот, кровный-то отец, тридцать-то эти копеек и **стацил себе** на похмелье».

Печать «архаичной чувствительности» (выражение В. В. Виноградова) носят мечты Мармеладова о том, как он будет работать, как облегчит судьбу жены, оденет ребятишек и свою «дочь единородную от бесчестья в лоно семьи возвратит».

Архаизмы в речи Мармеладова выполняют несколько функций. Во-первых, с их помощью создаётся устаревший книжно-канцелярский стиль, которым Достоевский относит Мармеладова к чиновничьему кругу. Во-вторых, архаизмы, церковнославянизмы создают возвышенно-торжественный стиль, или, как определяет Достоевский речь Мармеладова, витиеватый тон, за которым прячет герой свою боль и отчаяние. Нарочитая торжественность речи Мармеладова — это своеобразное выражение презрения к бесчувственным праздно-

любцам. Если у Девушкина гордость бедняка, его «амбиция» выражается в бесконечных оговорках и эвфемизмах («Я живу в кухне, или гораздо правильнее будет сказать вот как: тут подле кухни есть одна комнатка... уголок такой скромный.. то есть, или еще лучше сказать...»), то у Мармеладова она выражается в торжественно-архаичном речевом стиле, в том, что он нарочито громко, с достоинством, не обращая ни на кого внимания, говорит о своих несчастьях и даже бравирует ими.

«Когда **единородная дочь** моя в первый раз по желтому билету пошла, и я тогда пошел...». «Ничего-с! **Сим покиванием глав** не смущаюсь, ибо всем все известно, и все тайное становится явным...». «Ибо сообщая вам историю моей жизни, не на позорище себя хочу выставить перед сими празднолюбцами..., а чувствительного и образованного человека ищу» (т. 5, стр. 18,19). Торжественный стиль Мармеладова как бы исключает возможность насмешки над ним. Это подчеркивается и авторскими ремарками о том, что Мармеладов говорит громко, с достоинством.

Итак, ставя своей целью как можно более глубокое раскрытие психологии героя, Достоевский выдвигает основным принципом изображения человека речевое самораскрытие героя. Сохраняя реалистические завоевания Пушкина и Гоголя, Достоевский в то же время обращается к особым личностно-экспрессивным средствам индивидуализации языка героев. В речевом стиле героя Достоевский подчеркивает и то общее, типичное, что характерно для героя как представителя определенной социально-бытовой группы, и то особенное, специфическое, что характеризует его как данный индивидуум.

Принцип речевого самораскрытия усложняет проблему авторской тенденции. В романах Достоевского отсутствуют посторонние авторские нравственно-психологические комментарии, речь автора часто совпадает стилистически с речью героя, отсюда широкое использование несобственно-прямой речи.

Огромное значение диалогов, монологов, писем, исповедей, т. е. различных видов речевого самораскрытия, органически вытекает из новаторской формы романов Достоевского, романа-трагедии.

И. ЖУРАВЛЕВ

Д. ЛОНДОН В РОССИИ

Судьба литературного наследия крупного американского писателя Джека Лондона в России является одной из наиболее интересных сторон весьма важного и еще недостаточно изученного процесса взаимодействия русской и американской литератур.

Пользовавшийся необычайной популярностью в России, намного превосходившей его известность на родине, Джек Лондон на протяжении всей своей недолгой жизни, в свою очередь, с живым интересом относился к нашей стране, к русскому революционному движению и русской культуре.

Впервые он узнал русских людей в ранней молодости, в те дни, когда матросом на американском корабле «Софья Сатерленд» совершил путешествие к берегам Кореи, Японии и Сибири. Позже будущий писатель встречался с русскими зверобоями на Аляске и проникся глубоким уважением к их стойкому мужеству. «Они все как на подбор смельчаки! — говорил он впоследствии жене, вспоминая встречи с русскими. — Ведь это они на своих маленьких кораблях открыли Аляску, Алеутские острова, пересекли Тихий океан, пришли в Калифорнию, в эти места, где мы живем. Они достойны уважения!»¹.

Знакомство Д. Лондона с русской литературой тоже началось еще во время путешествия на «Софье Сатерленд», когда юноша впервые прочел русскую книгу — роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо». В 1901 году Д. Лондон, тогда начинающий писатель, проявил огромный интерес к повести

¹ В. Кучерявенко. В Окленде, на родине Джека Лондона. (Из записок советского моряка). «Звезда», 1949 г., № 7, стр. 139.

М. Горького «Фома Гордеев», в которой он увидел новые принципы искусства. В рецензии на повесть, напечатанной в этом же году, он, отмечая высокий социальный пафос творчества М. Горького, останавливался главным образом на присущих повести новаторских особенностях, на новом качестве реализма русского писателя.

Творчество М. Горького, писателя, к которому Д. Лондон испытывал и глубокую личную симпатию как к человеку, судьба которого напоминала ему собственную жизнь, оказало благотворное воздействие на дальнейшее развитие молодого американского писателя. В значительной степени под влиянием М. Горького он сознательно отходит от романтической тематики северных рассказов и обращается к важнейшим проблемам современности в новом для него жанре социального романа.

Д. Лондон хорошо знал и высоко ценил произведения Л. Толстого. Знаком он был и с творчеством Достоевского.

В своих высказываниях о русских писателях Д. Лондон неизменно подчеркивал воспитательную роль русской литературы в борьбе против социальной несправедливости. «Одни только русские, изнывающие под гнетом злейшей царской реакции, способны внести дух социального мятежа в свое литературное творчество»², — говорил он социалисту Э. Пелузо. В своих воспоминаниях о Д. Лондоне Э. Пелузо утверждает, что в предвидении грядущих социальных битв в Соединенных Штатах американский писатель находил в лучших образцах русской литературы благородный пример служения человечеству.

Большое воздействие на формирование общественно-политических взглядов писателя оказало революционное движение в России. Д. Лондон участвовал в социалистическом движении США, которое отличалось значительно меньшей революционностью по сравнению с русским освободительным движением. Большинство американских социалистов в начале XX века отрицало необходимость диктатуры пролетариата и было уверено в быстрой и мирной победе социализма в США в результате завоевания большинства на выборах в законодательные органы.

Д. Лондон, осуждавший оппортунистическую тактику лидеров социалистической партии США, видел в русской революции 1905 года образец самоотверженной борьбы народа против реакции. Он называл русских революционеров братьями, а когда в США пришли известия о декабрьском вооружен-

² Э. Пелузо. Из дней знакомства с Джеком Лондоном. «Красная новь», 1933 г., № 1, стр. 188.

ном восстании и о разногласиях в русском социал-демократическом движении, он безоговорочно встал на сторону большевиков.

Страстный пафос революционной борьбы книги «Железная пята», задуманной Д. Лондоном как предостережение американским социалистам, недооценивавшим силу и коварство американского империализма, был в значительной степени навеян событиями русской революции 1905 года.

Д. Лондон неоднократно выражал желание побывать в России и рассказать о русских людях. Незадолго до смерти в беседе с журналистом Е. Кузьминым он выражал глубокую уверенность в том, что русскому народу «принадлежит будущее»³.

I.

Незаурядная судьба молодого американского писателя, также как его произведения, вызывали горячие симпатии русских читателей.

Книги Д. Лондона приобретают широкую популярность в России: ими зачитывается молодежь, крупнейшие русские писатели М. Горький, А. Куприн и Л. Андреев высоко оценивают творчество своего американского современника.

Первые переводы произведений Д. Лондона появились в России в разгар революции 1905—1907 гг. В 1906 году в Москве была издана книга очерков Д. Лондона «Люди бездны», в первом русском переводе озаглавленная «На дне». Появление в России в период первой революции книги, проникнутой духом протеста против бесчеловечных порядков капиталистической Англии, имело весьма актуальное значение. Популярность этой книги в России объясняется прежде всего тем, что ее антикапиталистическая направленность была созвучна настроениям широких народных масс, принимавших участие в первой русской народной революции.

Одновременно с этой книгой русские читатели начинают знакомиться с произведениями Д. Лондона о жизни золотоискателей на Аляске. В 1905 году в Москве печатается лучшая из анималистических повестей Д. Лондона «Зов предков», получившая тогда название «Дикая сила», в 1906 году появляется перевод рассказа «Нам Бок, лжец», озаглавленный «Темные люди», а в 1907 году журнал «Юная Россия» опубликовал перевод повести «Белый клык». Позже, в 1909 году, в «Новом журнале для всех» печатается рассказ «Любовь к жизни».

Исключительная популярность первых переводов произве-

³ Е. Кузьмин. У Джека Лондона. «Аргус», 1916 г., № 10, стр. 61.

дений американского писателя побудила книгоиздателей более широко ознакомить читательскую публику с творчеством Д. Лондона. В 1910 году в Петербурге, в издательстве «Прометей», и одновременно в Москве, в издательстве «Атенеум», начинают выходить в разных переводах собрания сочинений Д. Лондона. И. А. Маевский, издатель выходящего в Москве двадцатидвухтомного собрания сочинений, вступает в деловую переписку с Д. Лондоном⁴.

Оба собрания сочинений были достаточно полными, в них вошли почти все художественные произведения Д. Лондона, появившиеся к этому времени в США, однако социалистические произведения писателя, его публицистические статьи и роман «Железная пята» не смогли пройти сквозь цензурные рогадки и оставались неизвестными русскому читателю того времени. В 1911 году царское правительство конфисковало перевод романа «Железная пята», который должен был выйти в издательстве «Прометей». Критик В. Кранихфельд объяснил этот акт произвола царских властей тем, что в романе американского писателя ощущалась широкая осведомленность о событиях русской революции 1905 года. «Вероятно, — писал он, — Д. Лондон заподозрен в том, что он написал свое произведение под живым впечатлением наших отечественных событий, по крайней мере, самые ужасные средства, которыми он вооружил в своей утопии олигархию крупной буржуазии против рабочих, он, действительно, как будто заимствовал из нашей практики. Он говорит в своем романе о карательных экспедициях, о массовом расстреле рабочих и даже о русской (он так и пишет: «о русской») паспортной системе, которой догадалась воспользоваться «Железная пята» в борьбе с рабочим движением. А разве допустимы такие определенные указания»⁵. Перевод романа «Железная пята» удалось напечатать отдельным изданием лишь в 1916 году, накануне Октябрьской социалистической революции. Очевидно, не рассчитывая на цензурное разрешение, издатели не включили в собрания сочинений и публицистические статьи Д. Лондона, которые становятся известными русскому читателю лишь после 1917 года.

Наряду с одновременно издающимися двумя собраниями сочинений, рассказы и повести Д. Лондона широко печатаются в различных периодических изданиях. Стремление возможно быстрее удовлетворить неуклонно растущий читательский

⁴ В Ленинграде, в архиве Пушкинского дома Академии наук СССР, хранится письмо Д. Лондона к И. А. Маевскому, датированное 25 октября 1911 года.

⁵ В. Кранихфельд. Литературные отклики. «Современный мир», 1912 г., № 4, стр. 310.

спрос на произведения Д. Лондона («его еле успевают печатать, а читатель требует еще и еще»⁶ — отмечал в 1914 году К. Чуковский) приводит к появлению неквалифицированных переводов, сделанных далекими от литературы людьми.

Русская литературная критика, высоко оценивавшая творчество Д. Лондона, вела борьбу против недобросовестных переводов его произведений, искажающих подлинник. Так, Л. Андрусон в статье «Джек Лондон», опубликованной в 1912 году в «Новом журнале для всех», выступил с критикой переводов произведений Д. Лондона, печатавшихся издательством «Прометей», указывая на недопустимость произвольных сокращений при переводе. «Редакторы и переводчики этого издательства, — писал он, — почему-то решили дать неполного, избранного Джека Лондона, — делают из его рассказов выборку, причем их выбором руководят трудно определимые, и, во всяком случае, более или менее произвольные соображения. Часто отвергаются именно наиболее сильные, привлекательные рассказы, а то, что остается, то, что избрано, часто, по совершенно неизвестным соображениям подвергается коренной переработке. Например, прекрасный рассказ «Ушелье сплошного золота» («Золотой каньон» — И. Ж.). Переводчику «Прометей» г-ну Львовскому почему-то не понравилась в этом рассказе поэзия описаний природы, и он попросту все описания выкинул. В результате из яркого, сильного произведения получилась пресная, безвкусная, малоинтересная и, самое главное, грубая переделка»⁷.

В этом же году В. Тан в статье «Джек Лондон, неистовый калифорниец» отмечал полную неспособность переводчиков, слабо владеющих английским языком, передать стилевое своеобразие творчества Д. Лондона. «Стиль этот, к сожалению, совершенно испорчен переводами, — утверждал он. — Я указывал в другом месте, как у одного переводчика слово *parooose* («индейский ребёнок») обратился в папуаса, а у другого *bushman* («лесные жители») обратились в бушменов»⁸.

Во втором десятилетии XX века Джек Лондон сделался самым популярным в России американским писателем. Его произведения горячо обсуждаются литературной критикой, неизменно отмечающей их глубокое воздействие на русских читателей. В 1915 году В. И. Ленин, находившийся в эмиграции, заинтересовался творчеством Д. Лондона. К сожалению, в библиотеке Бернского народного дома, куда обращался В. И. Ленин, произведений Д. Лондона не оказалось⁹.

⁶ К. Чуковский. Джек Лондон. Сборник «Лица и маски», СПб, 1914, стр. 144.

⁷ «Новый журнал для всех», 1912 г., № 7, стр. 82.

⁸ «Новая жизнь», ноябрь 1912 г., стр. 149.

⁹ В. И. Ленин. О литературе и искусстве. М., 1957, стр. 511.

В эти годы популярность Д. Лондона в России значительно превосходит его популярность на родине. Общий тираж переводов Д. Лондона в России, выходявших в двух собраниях сочинений (в США собрание сочинений Д. Лондона не издано до сих пор) и отдельными изданиями, намного превосходит тираж его произведений, выходявших в США. Еще более возрастает известность Д. Лондона в России в годы революционного подъема 1910—1914 гг. и первой мировой войны, которые отмечены интенсивным развитием марксистской печати, ведущей борьбу за реализм нового типа в области литературы и искусства. Новый период освоения творчества Д. Лондона в России наступил после Октябрьской социалистической революции, когда советскому читателю стали доступны лучшие произведения писателя.

Широкая популярность произведений Д. Лондона в России часто поражала и приводила в недоумение американских критиков. В январе 1917 года Л. Фридленд в статье «Джек Лондон, титан», отмечал, что «Д. Лондон, которого отвергают ценители литературы на его родине, пользуется громадным влиянием на русских читателей»¹⁰. Э. Синклер в статье, опубликованной после смерти Д. Лондона, справедливо утверждал, что значение творческого наследия американского писателя, забытого в США, можно оценить только в том случае, если прислушаться к оценке его произведений в России и других европейских странах. «Чтобы предугадать суждения потомков, мы должны отправиться за границу, — писал он. — В Германии и России, не говоря о других странах, Джек Лондон олицетворяет современную американскую литературу»¹¹.

Весьма любопытное свидетельство о популярности Д. Лондона в России приводит американский исследователь Ф. Патти в книге «Новая американская литература», сообщая о фактах, рассказанных ему американцем Р. Литтлом, побывавшим в 1918 году на русско-германском фронте. «Кроме Лондона я не знаю никакого другого писателя, который пользовался бы большей популярностью среди русских, — заявил Р. Литтл. — Вероятно, все его произведения переведены на русский язык, и я видел их всюду. Офицеры передавали его книги друг другу, и я часто наблюдал, как солдаты собирались группами в лесу и с жадностью и восхищением слушали чтение вслух его произведений кем-нибудь из более грамотных товарищей. При каждой встрече с русскими офицерами они просили рассказать им все, что я знаю о Джеке Лондоне»¹².

¹⁰ The Dial, January 25, 1917, p. 49.

¹¹ U. Sinclair. The Loss of Jack London. «Appeal to Reason», December 2, 1916, p. 4.

¹² F. L. Pattee. The New American Literature. New York & London, 1930, p. 141.

Некоторые американские критики и литературоведы, отмечавшие широкую популярность Д. Лондона в России, делали попытки объяснить ее причины.

Так, в ноябре 1916 года в журнале «Нейшен» появляется статья «Джек Лондон», в которой наблюдается стремление дать оценку творчества писателя и объяснить причины широкой популярности его произведений в России. Автор статьи (она появилась без подписи) считает Д. Лондона второстепенным художником, который не смог создать ни одного значительного художественного образа, успех же его в России объясняет тем, что русские читатели «принимали примитивную силу и энергию, бьющую из его произведений, за типически американскую черту»¹³.

Другой критик, а именно упомянутый выше В. Фридленд рассматривает американского писателя как последовательно нищего, успех же его среди русской интеллигенции, которая, как вынужден признать автор статьи, больше всего ценит в литературе борьбу за социальную справедливость, объясняет лишь «странным искажением их «идеализма», заставляющим их отождествлять действительность с внешним действием и внешними победами, со сверхчеловеком, который подчинил своей воле все, кроме своей натуры»¹⁴. Заканчивая статью, В. Фридленд выражает мнение, что популярность Д. Лондона в России носит случайный характер и не может быть долговечной. «Возможно, русская интеллигенция, и не только она, поймет, — заявляет В. Фридленд, — что для свершения великих дел человеку требуется вера в свои силы, душевное здоровье и благородство, которых нет у сверхчеловека, побеждающего с помощью кулаков»¹⁵.

Современный американский литературовед реакционного толка К. Линн в книге «Мечта об успехе» (1955 г.), в главе, посвященной творчеству Д. Лондона, был также поставлен перед необходимостью как-то объяснить чрезвычайную популярность его произведений в России и пришел к убеждению, что русского читателя привлекает в творчестве американского писателя подсознательный «культ успеха». «Как нам теперь известно, — заявляет К. Линн, — советское общество основано на культе успеха и в Д. Лондоне оно нашло писателя, который пришелся ему по сердцу»¹⁶. Так во внешне «солидном» труде американского буржуазного литературоведа клевета на Д. Лондона сливается с клеветой на социалистический строй.

Полная научная несостоятельность попыток буржуазных литературоведов и критиков понять и объяснить популярность

¹³ «Jack London». The Nation, November 30, 1916, p. 502.

¹⁴ The Dial, January 25, 1917, p. 51.

¹⁵ Там же.

¹⁶ K. Lynn. The Dream of Success. Boston, 1955, p. 176.

произведений Д. Лондона в нашей стране представляется нам вполне закономерной. Правильно поставить и разрешить этот вопрос можно только в том случае, если исследователь оценит творчество американского писателя во всей его сложности и противоречивости, а также изучит общественную и литературную обстановку России за весь весьма сложный период от революции 1905 года до Великой Октябрьской социалистической революции. Буржуазные же литературоведы обычно тенденциозно объявляют Д. Лондона последовательным нищезанцем, а попыток объяснить популярность американского писателя в России, исходя из особенностей русской действительности, не предпринимают совсем.

2.

А. М. Горький является первым деятелем русской культуры, выступившим с оценкой творчества Д. Лондона. В 1906 году, когда произведения американского писателя были еще почти неизвестны в России, М. Горький, находившийся в США, в интервью для американской печати высоко оценил творчество Д. Лондона.

В своем интервью М. Горький называет Д. Лондона основоположником пролетарской литературы, зарождающейся в Америке. М. Горький утверждает, что приход к власти буржуазии после окончания гражданской войны сопровождался в США глубоким упадком культуры. «Примечательно,—говорил он,— что в Америке, где нет умственной аристократии, средний класс совершенно не способен рождать новые идеи. Ни одной замечательной книги не создал этот класс в Америке в течение последних двадцати-двадцати пяти лет»¹⁷.

Дальнейшее развитие американской литературы М. Горький связывал с освободительной борьбой пролетариата, которая определила зарождение нового искусства. «Все достойное создано представителями рабочего класса,— продолжал он.— Идет великая пролетарская литература, и Джек Лондон будет чествоваться, потому что он указал путь»¹⁸.

В интервью М. Горького содержалась принципиально новая для американских деятелей культуры концепция современной прогрессивной литературы. Это нашло отражение в термине «пролетарская литература», который не употреблялся в то время в США.

Передовые представители американской критики, примыкавшие к социалистическому движению, предпочитали говорить о «писателях-социалистах», «социалистическом романе»

¹⁷ J. Noel. Footlose in Arkadia. New York, 1940, p. 174.

¹⁸ Там же.

и т. д. Эти, на первый взгляд, незначительные различия в терминологии отражали разный подход к современной передовой литературе.

Деятели американской культуры, примыкавшие к социалистическому движению и обычно разделявшие реформистские взгляды, характерные для идеологов социалистической партии США, причисляли к представителям новой литературы каждого писателя, заявившего о своей приверженности к социализму. Поэтому оказывалось, что большинство произведений так называемой «социалистической литературы» в США, за немногими исключениями (Д. Лондон, Э. Синклер), было лишено четкой политической тенденции и по принципам изображения действительности мало отличалось от произведений критического реализма.

Весьма показательно, что американские деятели культуры считали писателями-социалистами Г. Уэллса и Б. Шоу, а дальнейшие успехи новой литературы мыслились ими в виде постепенного проникновения социалистических идей в творчество писателей, далеких от социализма. Столь обобщенно-абстрактные представления о классовости новой литературы проявились и в том, что деятели социалистической партии США провозгласили первым «поэтом американского социализма»¹⁹ У. Уитмена.

Нетрудно заметить, что выдвигавшаяся в интервью М. Горького концепция передовой литературы носила более прогрессивный характер, хотя в настоящее время термин «пролетарская литература», подчеркивающий лишь классовую основу зарождающегося нового художественного метода, не может нас полностью удовлетворить. Эта концепция основывалась на принципе партийности литературы, выдвинутом В. И. Лениным в 1905 году в статье «Партийная организация и партийная литература». Сущность этого принципа раскрывалась в призыве сделать литературу «частью общепролетарского дела»²⁰. Руководствуясь ленинским принципом партийности литературы, М. Горький также считал, что только пролетариат может противопоставить мнимо свободной буржуазной литературе подлинно свободную литературу, вдохновляемую освободительной борьбой трудящихся.

Весьма показательно, что у М. Горького сам термин «пролетарская литература» был абсолютно лишен той сектантской узости, которая позже нашла отражение в выступлениях деятелей «Пролеткульта». Именно потому, что М. Горький понимал под пролетарской литературой новую передовую литературу, выражающую стремления пролетариата, которые явля-

¹⁹ International Socialist Review, September 1903, p. 191.

²⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 10, стр. 27.

ются в то же время стремлениями всего трудового народа, он и мог называть Д. Лондона первым пролетарским писателем в США.

К сожалению, интервью М. Горького о Д. Лондоне не было опубликовано в американской прессе и осталось неизвестным американским деятелям культуры, однако весьма показательным, что в дальнейшем они пришли к аналогичным выводам. Так, в 1929 году М. Руссак в статье о творчестве Д. Лондона назвал его основоположником пролетарской литературы в США²¹.

В России первые отклики на произведения Д. Лондона появляются через несколько лет после интервью М. Горького, когда начинают выходить одновременно два собрания сочинений американского писателя. В конце 1911 года Леонид Андреев в предисловии к собранию сочинений, выходящему в издательстве «Атенеум», оценивает Д. Лондона как одного из крупнейших художников современности. «В Джеке Лондоне я люблю его спокойную силу, твердый и ясный ум, гордую мужественность, — писал он. — Джек Лондон — удивительный писатель, прекрасный образец таланта и воли, направленной к утверждению жизни»²². Называя Д. Лондона правдивым и искренним писателем, органическим врагом бессилия и дряхлости, бесплодного стенания и нытья, Л. Андреев отмечает огромную жизнеутверждающую силу произведений американского писателя, благодаря которой в годы безвременья, наступившие после поражения русской революции, они приобретали особое звучание. «Читаешь его, — подчеркивает Л. Андреев, — и словно выходишь из какого-то тесного закоулка на широкое лоно морей, забираешь грудью соленый воздух и чувствуешь, как крепчают мускулы, как властно зовет вечно невинная жизнь к работе и борьбе»²³.

Почти одновременно с предисловием Л. Андреева в «Синем журнале» появляется заметка о Джеке Лондоне, принадлежащая перу А. Куприна. Анализируя северные рассказы, появившиеся к этому времени в русском переводе, Куприн дает высокую оценку творчеству своего американского современника, называя Д. Лондона оригинальным и чрезвычайно талантливым писателем, завоевывающим себе мировую известность. «Главные его достоинства: — пишет А. Куприн, — простота, ясность, дикая, своеобразная поэзия, мужественная красота изложения и какая-то особенная, собственная увлекательность сюжета»²⁴.

²¹ М. Russak. Jack London. New Masses, January 1929, p. 13.

²² Л. Андреев. Полное собрание сочинений, т. VI, СПб, 1913, стр. 300.

²³ Там же.

²⁴ А. Куприн. Собрание сочинений, т. VI, М., 1958, стр. 630.

Вместе с тем уже в северных рассказах А. Куприн пронизательно разглядел резкие противоречия, свойственные всему творчеству Д. Лондона. Отметив, что в северных рассказах «вся душа и все сердце Лондона на стороне вымирающих дикарей», А. Куприн наряду с этим указывал на характерное для американского писателя убеждение в превосходстве англо-саксонской расы, проявляющееся в ряде рассказов. «Тут-то Лондон начинает двоиться, — пишет он: — в нем чувствуется фальшь, исходящая не из сердца, а от европейского услужливого ума»²⁵.

Высокая оценка, данная произведениям Д. Лондона выдающимися русскими писателями, способствовала усилению интереса широких читательских кругов к его творчеству. После столь сочувственных отзывов Л. Андреева и А. Куприна переводы рассказов Д. Лондона стали часто печататься на страницах русских журналов. Это, в свою очередь, вызвало появление многочисленных статей и рецензий, в которых делались попытки объяснить растущую популярность Д. Лондона среди русских читателей.

По мере распространения в России произведения Д. Лондона начинают использоваться прогрессивной критикой в идейной и литературной борьбе между силами реакции и прогресса. Только в свете этой борьбы можно понять, почему «ни один из иностранных писателей не приобретал с такой быстротой широкой и прочной славы в России, как Джек Лондон»²⁶, а также правильно оценить общественно-политическое значение творчества американского писателя в нашей стране во втором десятилетии XX века.

Известность Д. Лондона в России начинается в годы, наступившие после поражения революции 1905 года, когда в среде русской интеллигенции получили широкое распространение настроения пораженчества, пессимизма и апатии. В литературе это нашло отражение в зарождении и развитии различных декадентских течений. В произведениях Арцыбашева, Мережковского, Винниченко и множества других декадентских писателей, быстро вошедших в моду и поднимавшихся на щит буржуазной критикой, проповедывались ренегатство и аморализм, все здоровые человеческие чувства и отношения осмеивались и оплеывались.

Передовые силы русской литературы во главе с М. Горьким в эти годы считали главной задачей борьбу с декадентскими влияниями на литературу и искусство. Выступая против настроений пессимизма и пассивности, насаждаемых писателями-декадентами, М. Горький неоднократно подчерки-

²⁵ А. Куприн. Собрание сочинений, т. VI, М., 1958, ст. 630.

²⁶ «Русское слово», 13 ноября 1916 г., стр. 4.

вал необходимость создания произведений, которые могли бы вдохнуть в читателя волю к борьбе против свинцовых мерзостей царской России. В январе 1912 года, критикуя повесть «Сашка Жегулев», проникнутую психологией жертвенности и пассивности, он писал Л. Андрееву: «Мир держится деяниями и — чем далее, тем более становится актуален, человек же, утверждающий пассивное отношение к миру, кто бы он ни был, — мне враждебен, ибо я всю жизнь утверждал необходимость отношения активного к жизни, к людям. Здесь я фанатик»²⁷.

В этих условиях реалистические произведения Д. Лондона, по выражению М. Горького, «писателя активного настроения», противостояли декадентской литературе. Большинство русских критиков рассматривали успех произведений Д. Лондона в России как здоровую реакцию читателей на засилье декадентских течений в русской литературе второго десятилетия XX века. «Если бы не особенности современных настроений в литературе, — отмечалось в журнале «Русское богатство», издававшемся В. Г. Короленко, — Д. Лондон, конечно, не имел бы того успеха, который он имеет среди русских читателей. На него ведь прямо набросились. И это понятно. Столько времени литература живет и кормит читателя исключительно пряностями, что поневоле захочется чего-нибудь простого, если хотите, здорового»²⁸.

Еще более отчетливо противопоставляет творчество Д. Лондона декадентской литературе критик «Нового журнала для всех» А. Андрусон. «В духоте и спертости уродливых крайностей модернизма и декаданса, — пишет он, — людям усталым и разочарованным в жизни, добровольно отказывающимся от нее, отживающим и отжившим — молодой, свежий и сильный голос говорит: «Живите, жизнь прекрасна!». И этот призыв к жизни, это утверждение ее исходит не откуда-нибудь, где жизнь легка и привольна среди богатых даров щедрой природы, а из мертвых снежных пустынь вечного ужасающего «Белого безмолвия», из царства вечного холода, где просто-напросто жить является уже подвигом»²⁹.

Отмечая широкий успех произведений Д. Лондона в России, являющийся в значительной степени реакцией на декадентскую литературу, русские критики одновременно подчеркивали крайнюю разнородность тех читательских кругов, которые увлекались произведениями американского писателя.

Больше всего Д. Лондон интересовал молодежь, которую привлекало в произведениях американского писателя изобра-

²⁷ А. М. Горький. Собрание сочинений М., 1954, т. 29, стр. 231.

²⁸ «Русское богатство», 1913 г., № 3, стр. 369.

²⁹ «Новый журнал для всех», 1912 г., № 7, стр. 77.

жение сильных, свободных и благородных людей, столь непохожих на слабых и неврастеничных «героев» декадентской литературы. «Некоторые вещи, — писал о произведениях Д. Лондона журнал «Русское богатство», — могут стать превосходным вкладом в литературу для юности, для того возраста, когда энтузиазм юности и благородства кажется такой простой и естественной вещью»³⁰.

Вместе с тем, книги Д. Лондона пользовались большим успехом и в среде интеллигенции, в той или иной степени затронутой декадентскими настроениями. Для этих читателей творчество Д. Лондона как бы приподнимало завесу в иной мир, в мир здоровых и сильных чувств, которых они были лишены. «Можно сказать с уверенностью, — писал критик журнала «Заветы» А. Дерман, — что значительная часть увлекающихся Лондоном читателей — если исключить учащуюся молодежь, вернее, юношество — придется на долю антиподов Лондона не только в географическом, но, так сказать, в интеллектуальном, а главное, психическом смысле. В Лондоне — усталость и апатия ищут своей противоположности, бодрости и активности, сложность — примитивности, запутанность — простоты, слабость — силы»³¹.

Передовые критики особенно подчеркивали положительную роль, которую играли произведения Д. Лондона в воспитании здорового мировоззрения в среде русской молодежи, подвергающейся глетворному влиянию декадентской литературы. «Д. Лондон — надежное и сильное орудие для борьбы с растлевающим влиянием на издерганную, неврастеническую и истерическую молодежь «великих и малых порнографов и эротоманов литературы»³², — отмечал критик газеты «Кавказ».

Передовая русская критика сознательно использовала творчество Д. Лондона в борьбе против декадентских литературных течений за реалистическую литературу нового типа. Об этом, в частности, свидетельствует эпизод, связанный с сотрудничеством М. Горького в журнале «Современный мир». Дав согласие помещать в «Современном мире» свои произведения, М. Горький одновременно пытался воздействовать на редакцию с целью последующей демократизации журнала. 16 января 1912 года он направил письмо редактору журнала В. Кранихфельду, в котором резко критиковалось руководство «Современного мира», не ведущее борьбы против декаданса, использующего некоторые реакционные стороны мировоззрения Достоевского³³. Критика М. Горького принесла

³⁰ «Русское богатство», 1913 г., № 3, стр. 371.

³¹ А. Дерман. Джек Лондон. «Заветы», октябрь 1912 г., стр. 127.

³² «Кавказ», 18 января 1913 г.

³³ Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 2, М., 1958, стр. 249.

свои плоды. В апрельском номере «Современного мира» появилась статья В. Кранихфельда «Литературные отклики», в которой содержалась критика декадентского романа Осипа Дымова «Томление духа». Характерно, что произведению русского декадента В. Кранихфельд во второй части статьи противопоставил «полнокровное, здоровое творчество Джека Лондона»³⁴.

Подавляющее большинство русских критиков в эти годы высоко оценивало творчество Д. Лондона, противопоставляя его произведения декадентской литературе, сеющей пессимизм и уныние. Из всех русских критиков безоговорочно отрицательную оценку творчеству Д. Лондона дал один К. Чуковский, который в то время относился к американскому писателю с большим предубеждением, провозгласив его «гением зуботычин и свернутых скул, виртуозом кулака и поножовщины»³⁵.

Многие русские буржуазные критики, восхищаясь волевыми качествами героев Д. Лондона, вместе с тем тенденциозно стремились представить американского писателя проповедником индивидуализма и последователем Р. Киплинга. Творчество Д. Лондона они пытались использовать применительно к своим целям, для «оздоровления» буржуазной литературы, которая, как они считали, должна была учиться у Д. Лондона изображению сильной личности, стоящей над толпой. Так, критик газеты «Русское слово» А. Измайлов считал Д. Лондона последовательным нищезанцем, а героя романа «Морской волк» воспринимал как выразителя настроений автора. «Посмотрите, пред чем он преклонился в своем казовом романе «Морской волк», — писал о Д. Лондоне этот буржуазный критик. — Он дал здесь истинный апофеоз умной и талантливой жестокости. Он пришел в восхищение от человека с сильными мускулами, здоровыми нервами и талантом тиранически владеть»³⁶.

А. Измайлову вторит критик «Вестника Европы» Е. Колтоновская, причислившая Д. Лондона к «духовным аристократам, избранникам судьбы». Если А. Измайлов отождествлял капитана Ларсена с автором романа «Морской волк», то Е. Колтоновская столь же безосновательно отождествляет Д. Лондона с героем романа «Мартин Иден», весьма произвольно трактуя это произведение для доказательства буржуазного мировоззрения писателя. «Характерно, — утверждала она, — что поднявшись из низов, герой Джека Лондона не принес с собой ни капли вражды и ненависти к образованным

³⁴ «Современный мир», 1912 г., № 4, стр. 306.

³⁵ К. Чуковский. Джек Лондон (В книге «Лица и маски», СПб, 1914, стр. 137).

³⁶ «Русское слово», 1 июля 1912 г., стр. 3.

классам. Напротив, Мартин Иден склонен к чрезмерной идеализации буржуазной интеллигенции и переполнен доверием к своей новой, «чистой» жизни»³⁷.

Однако существовал и другой взгляд на творчество Д. Лондона. Русские критики, выступавшие против тенденциозных попыток представить Д. Лондона апологетом индивидуализма, подчеркивали прогрессивные черты в творчестве американского писателя. Так, упомянутый выше В. Кранихфельд в статье «Литературные портреты», доказывая неправомочность сближения Д. Лондона с певцом империализма Р. Киплингом, подчеркивал антибуржуазный характер творчества американского писателя. «Что же касается специфически буржуазной культуры, — писал он, — с которой так тесно сплелось мировоззрение Киплинга, то с ней, собственно, Лондон находится в непримиримом антагонизме. Лондон прежде всего демократ, на собственной своей спине испытывший все прелести современного классового строя. И уже по этому одному он совершенно не способен стать тем узким джингоистом, каким не раз рекомендует себя Киплинг. В глазах Лондона, примитивная самоотверженная девушка Пассек («Стойкость женщины») в тысячу раз ценнее, чем утонченная, образованная и умная красавица мисс Руфь Морз, не умеющая и бессильная бороться с мещанскими традициями своего буржуазного мира»³⁸.

Обращаясь к анализу романа «Морской волк», который, по мнению реакционных критиков, явился апофеозом нищезнания, В. Кранихфельд убедительно доказывает, что в нем содержится изображение морального краха индивидуализма.

Выдвигая на первый план прогрессивные черты в мировоззрении и творчестве Д. Лондона, В. Кранихфельд вместе с тем не проходит мимо ощутимого в его творчестве воздействия философии Г. Спенсера. «Индивидуалистический характер общественного мирозерцания Спенсера, — отмечает критик, — наложил своеобразную печать на теоретические воззрения американского писателя, который каким-то непостижимым образом сочетал в своем сознании буржуазную систему своего учителя с пролетарской идеологией»³⁹.

В дальнейшем, по мере более серьезного ознакомления русских читателей с произведениями Д. Лондона и роста освободительного движения в России, марксистская критика углубляет оценку творчества писателя, используя его для пропаганды революционных идей. В 1916 году передовым деятелям культуры удалось обойти рогатки царской цензуры и

³⁷ Е. Колтоновская. Джек Лондон. «Вестник Европы», сентябрь 1912 г., стр. 393.

³⁸ «Современный мир», 1912 г., № 4, стр. 307.

³⁹ «Современный мир», 1912 г., № 4, стр. 309.

издать перевод романа «Железная пята», одного из лучших произведений Д. Лондона, рисующего социалистическую революцию. Роман этот был использован марксистской критикой для популяризации революционных идей в процессе борьбы за социалистические преобразования в России.

В июне 1916 года горьковская «Летопись» помещает рецензию М. Левидова на роман «Железная пята». Большая часть рецензии, в которой, очевидно, содержались революционные выводы, оказалась вымаранной царской цензурой, но и сохранившаяся часть позволяет сделать заключение, что критик использовал роман Д. Лондона для провозглашения грядущей социальной революции в России. Сопоставляя роман «Железная пята» с другими социально-утопическими произведениями, М. Левидов приходит к выводу, что «все они рождаются уверенностью, что в ближайшем будущем человечество вступит в новую эру — эру жизни под знаком социальной справедливости»⁴⁰.

Еще более отчетливо проявилось стремление использовать творчество Д. Лондона для пропаганды революционных идей в статье С. Левидовой «Джек Лондон», напечатанной в «Летописи» в декабре 1916 года, за три месяца до новой русской революции. С. Левидова считает Д. Лондона крупнейшим художником революционного пролетариата Америки. Останавливаясь на воздействии философии Г. Спенсера на писателя, критик убедительно показывает, что Д. Лондон не делал из его взглядов реакционных выводов, в отличие от большинства последователей Г. Спенсера, переносивших законы борьбы за существование на человеческое общество и тем самым оправдывавших существование капиталистической системы. «Для него мистика жизни, — говорит критик о Д. Лондоне, — в подчинении законам жизни. А они учат тому, что сильный и храбрый должен бороться, а слабый и трусливый погибать. Но в современной жизни это возможно лишь там, где человек стоит лицом к лицу с природой, куда не проникли еще законы цивилизованного общества... Но борьба людей с людьми в современном буржуазном обществе — это против законов природы, это издевательство над человеческой силой и человеческим умом. Тут победить еще не значит быть великим и сильным, и тут погибнуть еще не значит быть ничтожным и слабым»⁴¹.

Развивая далее эту мысль, С. Левидова гневно бичует господствующие в мире капиталистические порядки. «И страшнее всего, — подчеркивает критик, — что современный капиталистический строй держит и давит все самое яркое и силь-

⁴⁰ «Летопись», 1916 г., № 6, стр. 308.

⁴¹ С. Левидова. Джек Лондон. «Летопись», 1916 г., № 12, стр. 251.

ное, смелое и великое — в этой жизни задыхаются люди, умеющие дышать лишь чистым воздухом»⁴².

Роман «Железная пята» С. Левидова использовала для пропаганды необходимости революционных преобразований в мире. Полностью солидаризируясь с американским писателем, критик пишет: «И нет у Лондона ужаса перед этой борьбой; пусть льются потоки крови, пусть разрываются бомбы и разрушаются города; если этот ужас — путь к победе, да свершится этот ужас»⁴³.

В рецензиях и статьях, посвященных творчеству Д. Лондона, неоднократно рассматривались вопросы художественного мастерства американского писателя. Передовая русская критика поднимала в эти годы вопрос об особенностях художественного метода новой передовой литературы. М. Горький, призывавший к упорной борьбе за оздоровление русской литературы, неоднократно подчеркивал, что в произведениях новой литературы, основным мотивом которой является активность, должны органически сливаться реализм и романтизм⁴⁴.

Эти специфические черты, присущие образцам передового искусства, критика находила в творчестве Д. Лондона. В октябре 1912 года критик журнала «Заветы» А. Дерман отмечал: «Лондон является в качестве писателя, по самой манере своей, реалистическим романтиком. Д. Лондон — реалист и романтик одновременно»⁴⁵.

3.

Изучение отзывов о творчестве Д. Лондона, появившихся в русской прессе, не только раскрывает причины широкой популярности писателя в России, но и позволяет сделать некоторые заключения об особенностях самой русской литературной критики начала двадцатого века по сравнению с американской.

Сопоставляя отзывы русской и американской печати о произведениях Д. Лондона, мы убеждаемся в том, что передовая русская критика в целом более глубоко и правильно оценивала его творчество, чем американская. Сам Д. Лондон неоднократно заявлял, что ему часто приходилось встречаться с полным непониманием у себя на родине. За год до смерти он писал М. Остин: «Весьма часто мои книги остава-

⁴² Там же, стр. 252.

⁴³ Там же, стр. 253.

⁴⁴ См. письмо А. Н. Тихонову от 25 июля 1910 г. (Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 2, М., 1958, стр. 140).

⁴⁵ А. Дерман. Джек Лондон. «Заветы», октябрь 1912 г., стр. 127.

лись непонятыми. Очень давно, в начале моей литературной карьеры я выступил против Ницше и его сверхчеловека в романе «Морской волк». У романа была масса читателей, но никто не понял, что в нем развенчивается идея сверхчеловека. Позже, не говоря уже о более мелких произведениях, я написал еще один роман, в котором выступил против философии сверхчеловека. Это был «Мартин Иден». Никто не понял замысла романа. Затем я выступил против взглядов Р. Киплинга в книге «Сила сильных», и никто об этом не догадался... Теперь я уже не расстраиваюсь из-за этого. Я продолжаю писать, довольствуясь тем, что меня называют представителем литературы красной крови, хотя это совершенно не соответствует действительности»⁴⁶.

Действительно, если обратиться к оценке произведений Д. Лондона на страницах американской прессы, то мы убедимся, что они в большинстве случаев носили поверхностный характер и искажали творчество писателя.

Буржуазная критика, игнорировавшая социалистические произведения Д. Лондона, обычно изображала его основоположником литературы «красной крови», нищезанцем и учеником Киплинга. Основное достоинство произведений Д. Лондона усматривалось в умении писателя строить интригу и изображать сильных людей.

На страницах социалистической прессы произведения Д. Лондона получали совсем иную оценку, он был признан одним из крупнейших писателей-социалистов. Однако засилье оппортунизма в социалистической партии США и общий низкий теоретический уровень участников социалистического движения сказались в неумении критиков-социалистов разобраться в противоречиях мировоззрения раннего Д. Лондона и дать им правильную оценку, так как эти же противоречия в значительной степени были характерны для мировоззрения многих участников социалистического движения. Одно из лучших произведений Д. Лондона, роман «Железная пята», провозглашающий неизбежность революционных преобразований в мире, был встречен враждебно не только буржуазной критикой, но и американскими социалистами, опасавшимися, что радикализм этого произведения отпугнет от социалистического движения его мелкобуржуазных сторонников. Позже, когда в романах «Лунная долина» и «Время не ждет» проявились реакционные в своей основе настроения ухода от общества, социалистическая пресса не высказала своего суждения по данному вопросу.

Передовая русская литературная критика, в отличие от американской, оценивала творчество Д. Лондона более глубоко, во всей его сложности и противоречивости. Так, русская

⁴⁶ J. London. Jack London and His Times. New York, 1939, p. 357.

литература о Д. Лондоне, в отличие от американской, ясно указывала, что в романах «Морской волк» и «Мартин Иден» писатель выступил не с проповедью индивидуализма, а с его осуждением. Отмечая воздействие на Д. Лондона философии Г. Спенсера, русские критики в то же время подчеркивали, что писатель не делал из этой философии реакционных выводов, считая, в отличие от буржуазных последователей английского философа, невозможным применить ее для оправдания современного капиталистического строя.

В некоторых статьях (А. Куприн и др.) указывалось, что сочувственное изображение индейцев и туземцев колоний у Д. Лондона противоречиво уживается с убеждением в превосходстве англо-саксонской расы. Более высокий теоретический уровень русской критики проявился также в том, что на страницах русской периодической печати ставился вопрос об особенностях художественного метода писателя, о соотношении реализма и романтизма в его творчестве.

Традиции русской демократической критики сохранились к началу XX века и нашли свое отражение в оценках творчества Д. Лондона на страницах русской периодической печати. В этот период в России также начинает формироваться марксистско-ленинская эстетика, появляются работы Ленина, Луначарского, Воровского; этим также в значительной степени объясняется та объективная и правильная оценка сильных и слабых сторон творчества Д. Лондона, которая была характерна для передовой печати.

В Америке, которая отставала в культурном отношении от европейских стран, в силу особых исторических условий литературная критика никогда не играла столь значительной роли. В американской литературе XIX века мы не можем назвать ни одного критика, чьи выступления можно было бы сравнить по общественному резонансу с выступлениями русских критиков. Отсутствие богатых и прочно сложившихся национальных традиций в литературной критике США явилось одной из причин методологически неверных оценок творчества Д. Лондона, появлявшихся в американской периодической печати, в то время как в России творчество Д. Лондона получило и должное признание, и правильное осмысление.

Р. ГАЙДАРОВ

О НАЗВАНИЯХ ЛЕЗГИНСКИХ АУЛОВ
(К вопросу о топонимике лезгин)

Одним из непосредственно связанных с историей народа, с естественно-географическими условиями его жизни пластов лексики языка является топонимика. Однако, несмотря на это, по сравнению с другими разрядами слов топонимика, в основном, изменяется медленно, благодаря чему топонимические названия в ряде случаев могут сохранить такие факты языка, которые в других группах слов уже не обнаруживаются. Все это делает необходимым при исследовании лексики того или иного языка изучение топонимических наименований, встречающихся на его территории.

Особенно большое значение приобретают вопросы топонимики при изучении таких языков, как современные горские кавказские языки Дагестана, которые, как известно, являясь близкородственными, восходят к одному языку-основе, но не имеют достаточной письменной практики, которая позволила бы восстановить картину их исторического развития. Однако важность изучения топонимических названий в языках Дагестана вытекает не только из указанных двух моментов (сравнительная архаичность топонимики и бесписьменность или младописьменность горско-кавказских языков Дагестана), она вместе с тем диктуется и тем обстоятельством, что в лексике дагестанских языков, независимо от размеров занимаемой каждым из них территории, топонимические названия занимают большое место и в количественном отношении.

Горцы Дагестана, как известно, издавна проживают в условиях крайнего безземелья, на давно обжитой и богатой историческими событиями части Кавказа, характеризующейся

в высшей степени пересеченным ландшафтом. В этих обстоятельствах каждый клочок земли, каждая неровность поверхности, скала, овраг, даже незначительный ручеек и т. п. географические особенности местности, естественно, играли весьма существенную роль в различных сферах жизни населения — их производстве, быте, обороне от врагов и т. п. Все это способствовало тому, что горцы присвоили громадное количество наименований своему краю, не забывая при этом ни одного ущелья, ни одного ручейка, ни одного клочка пригодной для обработки земли.

Однако богатейшая и своеобразная топонимика дагестанских языков почти не исследована. Совершенно не изучены топонимические названия, встречающиеся на территории распространения лезгинского языка. Нам не известна ни одна работа, посвященная специально лезгинской топонимике, в частности анализу наименований лезгинских аулов.

Здесь делается попытка рассмотреть отдельные вопросы, связанные только с одной группой топонимических наименований, а именно: с названиями лезгинских аулов. При этом в той или иной степени касаемся названий почти всех населенных пунктов лезгин.

Лезгины, как известно, занимают Юго-восточную часть Дагестанской АССР — Ахтынский, Касумкентский, Курахский, Хивский (часть), Рутульский (4 аула) районы, а также прилегающую к этой территории Северную окраину Азербайджанской ССР — Кусарский, Хачмасский и Кубинский (частично) районы. Отдельные населенные пункты лезгин имеются в составе Хасавюртовского и Дербентского районов ДАССР и в Исмаиллинском, Нухинском, Куткашинском, Варташенском районах Азерб. ССР¹.

Общее число лезгинских аулов², по нашим подсчетам, равняется 280, а средняя численность населения одного аула примерно составляет 800—900 человек³.

Как и топонимики других народов, названия лезгинских аулов по своим значениям и составу обнаруживают большое многообразие. С точки зрения значения они прежде всего де-

¹ Как первые, так и вторые одиночные аулы являются переселенческими. В Хасавюртовский и Дербентский районы лезгины переселились в послевоенное время из высокогорных аулов Ахтынского и Курахского районов ДАССР. В Исмаиллинский район Азерб. ССР лезгины переселены в дореволюционное время.

² Лезгинским мы считаем тот аул, в котором основная часть жителей в настоящее время говорит на лезгинском языке.

³ По данным переписи 1959 г. всего лезгин — 223 тысяч человек, в том числе 125 тысяч в Дагестане и 98 тысяч человек в Азербайджане. См. «Уровень образования, национальный состав, возрастная структура и размещение населения СССР по краям и областям по данным Всесоюзной переписи населения 1959 года», Статиздат, Москва, 1960, стр. 10; 14.

лятся на две большие и примерно равные в количественном отношении группы:

1. названия, которые сохраняют связь с первоначальным значением и
2. названия, которые в современном лезгинском языке подобную связь утратили.

1. ПЕРВАЯ ГРУППА

В первой группе объединяются названия большинства аулов, расположенных, в основном, на равнинной и предгорной части лезгинской территории. Кроме наименований, связанных с собственно-личными именами, сюда входят еще следующие слова: названия, в которых в той или иной форме отражается географическое расположение населенного пункта; названия, имеющие отношение к животному или растительному миру местности; названия, данные по основной отрасли хозяйства или же по ремеслу, которым известен данный аул; названия, в которых отразились те или иные исторические события, этническое происхождение жителей или же особенности их быта и поведения.

Рассмотрим каждую из названных групп наименований в отдельности.

1. Названия, в состав которых входит лично-собственное имя.

Это наиболее многочисленная подгруппа наименований, в которой насчитывается около 50 названий. За редким исключением, аулы с подобными названиями расположены на территории Магарамкентского, Касумкентского районов ДАССР и упомянутых выше районов Северного Азербайджана. В составе Ахтынского и Курахского районов, а также в лезгинской части Хивского района аулов с наименованиями, образованными от собственных имен людей, очень мало.

Подавляющее большинство названий данного типа образовано по формуле: собственно-личное имя в родительном (талукъвили́н) падеже + слово-элемент *хуьр* со значением «аул, село»⁴. Например: *Нежефахуьр*, *Зугьрабахуьр*, *Алидхуьр* и др.

В приведенных формах отсутствует конечный согласный аффикса родительного падежа **-н**, который, как известно, в

⁴ Слово *хуьр*, имеющее в современном лезгинском языке значение «аул, село», первоначально, по-видимому, означало «дом, жилище» или же совмещало в себе оба значения (дом, аул) сразу. Сравните табасаранское *хул* («дом»), агульское *хал* («дом»), рутульское *хал* («дом»), цахурское *хив* («аул»), даргинское *хъали* («дом», «комната») и др.

лезгинском языке в подобных фонетических условиях обычно ослабляется⁵.

При общении с представителями других народов или же когда лезгины сами говорят на другом языке, в официальных документах, на картах отчасти и в самом литературном лезгинском языке вторая часть названия лезгинское слово — *хуьр* заменяется имеющим такое же значение (азербайджанским) элементом — *кент*, при этом собственное имя, которое входит в состав названия, как и в тюркских языках, ставится в именительном падеже. В результате каждый из аулов как бы получает второе название: *Нежефкент*, *Зухрабкент*, *Аликент* и т. д.

Одно единственное наименование *Моллакент* (Дербентский район) не имеет соответствующей формы со словом *хуьр*. Повидимому, данный населенный пункт первоначально являлся тюркоязычным, следовательно, название *Моллакент*, подобно приведенным, нельзя считать тюркским вариантом лезгинского наименования, которого в языке нет вообще. Аналогичное название (*Алимкент*) дано аулу в повести А. Агаева «Умуд» (Дагкнигоиздат, 1957).

Причиной описанной выше замены элемента *-хуьр* тюркским *-кент*, по-видимому, послужило то, что до создания собственно лезгинской национальной письменности (1928 г.) ряд функций литературного языка для лезгин выполнял тюркский (азербайджанский) язык. Азербайджанский язык в течение долгого времени был также единственным средством общения лезгин с представителями других народов, в том числе и с русскими. Этим, по нашему мнению, в основном и объясняется то обстоятельство, что и в русский язык преимущественно проникли формы с тюркским словом *кент* (*Магарамкент*, *Кошкент*, *Ходжакент*, *Ашакент* и др.).

Формы с элементом *-кент* в устно-разговорной речи имеют значительно меньшее употребление, особенно редко встречаются данные формы в косвенных падежах.

Возможность замены элемента *-хуьр* иноязычным *-кент* является важнейшей особенностью топонимических названий, образованных от лично-собственных имен. Данная особенность позволяет отличить рассматриваемую группу наименований от названий местностей, в составе которых также имеется элемент *-хуьр*, но первая часть которых не представляет собой лично-собственного имени. Например, от таких наименований, как *Хуьрехуьр*, *Шимихуьр*, *Калунхуьр*, *Зейхуьр* (*Шийихуьр*), *Кьуьчхуьр* и т. д., которые не допускают упомянутой выше замены слова — *хуьр* азербайджанским — *кент*.

⁵ Об этом см. Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка, Махачкала, 1941, стр. 24; Р. Гайдаров, Ахтынский диалект лезгинского языка, Махачкала, 1961, стр. 55—56.

В ряде случаев вместо наименования «лично-собственное имя + *хуьр* (*кент*)» употребляется форма именительного падежа множественного числа только первой части названия, т. е. собственного имени⁶. Так, например, вместо *Хакидхуьр* (*Хакикент*), *Питидхуьр* (*Питикент*), *Къансавахуьр* (*Кансавкент*) часто употребляются соответственно формы *Хакияр*, *Питияр*, *Къансавар*. Однако многие из подобных наименований указанного сокращения не допускают. Например, вместо названий *Манкъуьлудхуьр* (*Иманкуликент*), *Къасумахуьр* (*Касумкент*), *Фергъатахуьр* (*Фархаткент*) нельзя употреблять сокращенные формы *Манкъулияр*, *Къасумар*, *Фергъатар*.

Кроме *-хуьр* и *-кент*, в составе наименований аулов вместе с именем собственным встречаются слова-элементы *кӀеле* устар. — «крепость», «укрепление», *уба* «аул», «село», «хутор», *легъв* «лощина, углубление». Однако подобные названия единичны: *ХенжелакӀеле* (*Ханжалкала*), *Уружуба* (*Уружба*), *ЧатӀалегъв*⁷.

В Кубе (так лезгины называют Северную часть Азербайджана) имеется несколько аулов, названия которых образованы от собственных личных имен своеобразно: *Пигьирджал* (Кусарский район), *ДуьзтӀегъир* (*Дустаир*) (Кусарский район). Чистой формой множественного числа собственного имени являются наименования *Ашар* (Курахский район), *Демирар*, *Эсетар* (Ахтынский район) и др.

Для обозначения хуторов и выселков к названию аула прибавляется элемент *къазмаяр* (именительный множественного числа от слова *къазма* «домишко, землянка»). Например, *Хъартаскъазмаяр*, *Хутункъазмаяр*, *СтӀалкъазмаяр*.

Слово *къазмаяр* в составе приведенных здесь и других подобных им названий уже утратило свое прежнее значение. Почти все населенные пункты с аналогичными названиями в настоящее время стали полноценными и самостоятельными аулами, больше того, многие из бывших «къазмаяр» по своему культурному уровню, экономике, численности населения и т. п. далеко обогнали те аулы, откуда происходят их первые жители. Этимологически элемент *-къазма* восходит к тюркскому *газымаг* — «выкопать». Если название аула принадлежит к рассматриваемой группе наименований, состоящих из собственного имени и слова *хуьр* (*кент*), то наименование хутора обычно сокращается. Например, вместо *Бутахуьруьн* *къазмаяр*,

⁶ В лезгинском языке форму множественного числа имеют все имена существительные, независимо от предметов, которые они обозначают, независимо от фонетических особенностей самого имени существительного.

⁷ Название *ЧатӀалегъв*, по-видимому, первоначально означало только местность, на которой лишь впоследствии возник одноименный населенный пункт. Об имени *ЧатӀ* см. ниже.

Билблахуьруьн къазмаяр соответственно употребляются *Бутакъазмаяр*, *Билбилкъазмаяр* и т. д. Однако подобное сокращение не всегда допускается. Так, например, вместо *Тигьирахуьруьн къазмаяр* нельзя сказать *Тигьиракъазмаяр*. В официальных бумагах, на картах и т. п. слово *къазмаяр* заменяется формой *казмаяр* с тюркским (азербайджанским) аффиксом множественного числа *-лар* (вместо лезгинского *-яр*).

В устно-разговорной речи, особенно в устах жителей основного аула, вместо такого полного наименования хутора, которое включает в свой состав название основного аула и слово *къазмаяр*, может употребляться просто *къазмаяр*. Например: — *Яда, Балафенд, а накъ куьниз атанвайди вуьж тир?* — *Ам Къазмайраллай Къагьир тир.* «— Слушай, Балафенд, кто это приходил к вам вчера? — Это был Кахир из Казмаяра».

Все собственно-личные имена, входящие в состав названий лезгинских аулов, являются мужскими, при этом около половины их составляют имена арабского происхождения, такие, как *Али*, *Магьарам*, *Тигьир*, *Къасум*, *Фаргьад* и др.

В ряде наименований участвуют собственные имена, имеющие в языке и соответствующие нарицательные имена существительные (*Билбил*, *Чандар*, *Цар*, *Хенжел*, *Кур*, *Каиш*, *Качал* и др.).

В нескольких названиях употреблены имена, очень похожие на прозвища людей, которые в современном лезгинском языке не встречаются (*Пити*⁸, *Хаки*, *Чат*⁹, *Шихи*, *Пипер*, *Бут*¹⁰ и др.).

Определенный интерес вызывает наименование *Татархандхуьр* из *Татархандин хуьр*, в котором первую часть *Татархан* можно понимать двояко: и как словосочетание *татарский хан*, и как собственное имя *Татархан*. На наш взгляд, больше оснований допустить первое толкование, так как аффикс *-дин* (родительный падеж), который сокращенно сохранился в названии *Татархандхуьр*, характерен для слова *хан*, когда оно употреблено в нарицательном значении; когда же оно становится собственным именем или же частью имени, то в данном падеже оно получает окончание *-а*. Сравн. например, *Ханан гада Али* «сын Хана (человека по имени Хан) Али» и *Хандин гада Али* «Ханский сын Али», т. е. сын какого-то хана, а не человека по имени Хан.

⁸ Сравните со словом *Битияр* (название рода в селении Курах).

⁹ В известной детской сказке об умном и полоумном братьях последние соответственно носят имена *Чатали* и *Чатан Гаврали*; в окрестностях селения Икра Курахского района имеются местности под названием *Чатан никлер* «нивы Чата» и *Чатан лекъвер* «овраги Чата».

¹⁰ *Бут*, по нашему мнению, полуимя, соответствующее имени *Бутай* (ср. лакское *Бутта*).

2. Названия, связанные с географическим расположением населенного пункта.

В данную подгруппу входит примерно 20 наименований, так или иначе связанных с географией местности. С географией местности, несомненно, связано значительно большее число наименований лезгинских аулов. В данном случае речь идет только о тех словах, значение которых понимается совершенно определенно и бесспорно. Среди них чаще других встречаются названия, образованные от слов *кал* «равнина, долина», *хуьр* «аул, село», *Клам* «балка», «овраг»: *Калук* — местн. I падеж покоя от *кал* «равнина», «долина», *Хуьрел* — местн. II падеж покоя от *хуьр* — «аул», *Хуьруьг* — местн. III падеж покоя от *хуьр* — «аул», *Векьелар* — множественное число от *векь* — «луг», «сенокосный участок» и др.

В данную подгруппу следует включить и некоторые составные названия: *Клама крчун* — букв. «ровная площадка в овраге»; *Хуьрехуьр* — букв. «аул в ауле» (внутри аула); *Яру кьвалар* — букв. «красные обрывы»; *Галун хуьр* — букв. «равнинный аул» и др.

Отдельные названия рассматриваемой подгруппы, по-видимому, являются составными: *Сараг* из *са+раг* «одна скала» («утес»); *Къуюсун* из *къую+су* (азерб.) «колодезная вода» и др.

3. Названия, которые соотносительны со словами, обозначающими растения и животных.

В эту небольшую подгруппу мы выделили следующие наименования, соотносительные главным образом с названиями растений, и одно наименование, происходящее от названия насекомого: *Ичин* (от *ич* «яблоко»), *Хутун*, *Хутаргъ* (от *хват* «слива»), *Мегъверган* (от *мегъв* «желудь»), *Газард(ин) клам* «ушелье моркови», *Чуьхверхуьр* «аул груши», *Цицлер* (от *цицил* «стрекоза, саранча»).

Наименование *Чуьхверхуьр* по признаку допустимости замены элемента — *хуьр* тюркским — *кент* можно отнести к первой подгруппе, т. е. *Чуьхвер* здесь можно рассматривать и как собственное имя. Сравните сказочный персонаж *Чуьхвер Махсуд*, или же просто *Чуьхвер пачагъ* «царь Груша». Как бы то ни было, данное название прежде всего соотносительно со словом *чуьхвер* «груша».

4. Наименования, связанные с историей, с занятиями жителей, «достопримечательностями» аула и т. п.

В данной подгруппе объединены разнообразные по типам образования названия, которые, на наш взгляд, так или иначе связаны с происхождением и историей населенного пункта.

Во-первых, сюда вошли наименования, представляющие собой тюркские (азербайджанские) или арабские слова или же их сочетания, как, например, *Азадугълы*¹¹ из *азад*+*огълы* «сын свободного», *Аваран*¹² из *авара*—*авари* «бродяга», *Къара куьре*¹³ «черное Кюре»; *Уьчгъун* (*Ушкун*) из *уч*+*гюн* — «три дня», *Ени Хаят* — «новая жизнь». Сюда же следует отнести и *Мискинджа* — из *Мискин* — «мечеть»+элемент *-джа(л)*¹⁴, образующий названия местностей; *Алкьвадар* — из *Ал кьвадар* (араб.) «судьба».

Во-вторых, в названную подгруппу входят наименования, представляющие собой собственно лезгинские слова или же их сочетания. Такие как: *Агъа пир* — «нижний (тот) пир»¹⁵; *Къенпир* из *къве(д)*+*пир* «два пира»; *Гадазейхур* из *гада*+*цлийи*+*хур* «новый аул сына — мальчика»; *Текепиркент* — из *тек*+*пир*+*кент* «аул с одним (единственным) пиром»; *Къеган* (орфогр. *Къеан*) из *къве(д)*+*ган* «два двора (дома)», *Пирел* — местн. II падеж от *пир*; *Царухдат* из *Цару*+*Худат* — «старый Худат», букв. «пестрый Худат»; *Къуьхур* из *къве(д)*+*хур* — «два аула»; *Къанархур* из *къанар(ин)*+*хур* «аул кровной местности (возмездия)».

В данную подгруппу можно отнести и следующие пять наименований вновь появившихся населенных пунктов: *Советский*¹⁶, *Скутлар*¹⁷ (Магарамкентский район ДАССР), *Агъа сав-*

¹¹ В народе бытует ряд преданий, которые связаны с названием *Азадугълы*. Согласно наиболее популярному из них, владелец аула освободил жителей его от всяких повинностей благодаря тому, что здесь он случайно встретил женщину — силача, которая могла без особого труда перебросить через высокий забор двухгодовалого буйволена. Отсюда название *Азадугълы* «сын свободного — свободный».

¹² Сами жители аула *Аваран*, находящегося в Хачмасском районе Аз. ССР, считают себя выходцами из селения Бахцуг Курахского района ДАССР (М. Гаджиев).

¹³ Сравните с названием *Хъутур Куьре*, а также со следующими наименованиями: *Къара Ногай*, *Къара Чанах*, *Къара Навур* и др.

¹⁴ Элемент — *джал* в наиболее полной форме наличествует в приведенном выше наименовании *Тигьирджал*, в названиях же *Устаджагъ*, *Хипедж* и *Хваредж* он сохранился в усеченном виде.

¹⁵ *Пир* (*пир*) — означает место захоронения святого, памятник или другое сооружение, воздвигнутое в его честь, а также всякое место поклонения или жертвоприношения мусульман.

¹⁶ Этот аул образовался в результате переселения на территорию селения *Мамрач* Магарамкентского района нескольких высокогорных аулов Ахтынского, Курахского и Агульского районов ДАССР.

¹⁷ Так называется населенный пункт, возникший на загопункте: *СкутI* <— *скот* (русск.)

*хузар*¹⁸, *Вини савхузар*¹⁹ (Касумкентский район, ДАССР), *Седека*²⁰ (Азербайджанская ССР).

Кроме перечисленных, в данной подгруппе имеем еще следующие наименования, связанные с занятием, изделиями труда их жителей и т. п. *Кавалар* множ. числе от *кавал* «тулуп» (аул славился искусными мастерами по изготовлению шуб и тулупов из овчин), *Ругунар* множ. число от *ругун* «одна из специальных парно скрепленных молотильных досок» (находясь среди лесов, этот маленький выселок аула *Икра* (*Ктири*) Курахского района в прошлом снабжал указанным инвентарем крестьян окрестных аулов); *Хылер* (*Гиль*) — множ. число от *хьел* «стрела (лука)»; *Бигерар* — множ. число от *бигер* «барщина»; *Къучагъар* — множ. *къучагъ* «молодец, боец» (аул прежде являлся сторожевым пунктом, охранявшим Ахтыпаринское «вольное» общество от внезапного нападения врагов).

Мы в общих чертах (насколько это возможно в статье) классифицировали наименования, относящиеся к первой группе. Необходимо отметить еще и следующие две особенности этих слов:

1. Наименования, образованные с помощью слов — *хуър*, *кент*, *къазма*, *келе* (*къеле*), *легъв*, *ктам*, *уба*, а также названия *Мегъверган*, *Азадубъгли*, *Къеан*, *Седека* (СДК) имеют полную парадигму склонения в единственном и множественном числах. Во множественном числе они приобретают значение только жителей аула.

2. Названия, являющиеся застывшими формами падежей (преимущественно местных) или же формой множественного числа, как правило, образуют всего лишь несколько падежей: дательный, местный I покоя и местный I удаления. Эти слова, по сути дела, являются существительными частичного склонения. Таковы, например, *Векъелар*, *Хуъруьг* (2 подгруппа), *Ичин*, *Цицлер* (3 подгруппа), *Хылер* (4 подгруппа) и др.²¹

По структуре своей данные наименования примыкают к названиям II группы, к рассмотрению которых мы и переходим.

¹⁸ Нижняя (главная) усадьба совхоза имени Герейханова Касумкентского района.

¹⁹ Верхняя (вторая) усадьба того же совхоза.

²⁰ Населенный пункт, появившийся там, где берет свое начало канал Самур-Дивичи. Слово является графической аббревиатурой (СДК—Самур-Дивичинский канал).

²¹ Частичное склонение существительных, обозначающих названия местностей, встречается и в других дагестанских языках, в частности в даргинском языке. Об этом см. С. Абдулаев. Грамматика даргинского языка (фонетика, морфология), Махачкала, 1954, стр. 104—105.

II. ВТОРАЯ ГРУППА

Во вторую группу входит около 100 наименований, являющихся в основном названиями аулов Ахтынского, Курахского районов, а также частично Касумкентского, Магарамкентского, Хивского, Рутульского районов ДАССР. Отдельные из наименований данной группы принадлежат лезгинским селам северных районов Азербайджана.

В отличие от уже рассмотренных, наименования данной группы, как это отмечалось выше, утратили связь со своими первоначальными значениями, следовательно, и со словами, от которых они образовались²². Однако, как показывают наши наблюдения, данные названия сохраняют ряд фонетических и структурных особенностей, которые, по-видимому, были свойственны им в тот период, когда эти слова еще не утратили указанных выше связей.

Описанием отдельных особенностей рассматриваемых слов, а также некоторыми общими выводами об их происхождении мы ограничиваем свои задачи в данной статье. Вопросу о том, от какого именно слова произошло то или иное отдельно взятое наименование, следует посвятить специальную работу.

1. Прежде всего отметим, что все наименования II группы являются двухсложными: *Гъуьгъвез*, *Мацар*, *Хъымыл*, *Ахцагъ* и др.

В отдельных названиях аулов происходит редукция первого (безударного) гласного до нуля. Это нашло свое отражение и в орфографии — в литературном лезгинском языке подобные слова пишутся в один слог: *Грар*, *СтІал*, *Кркар*, *Храх* и др. Правда, в поэзии подобные слова воспринимаются как двухсложные. Например, у Стальского слово *СтІал* всегда двухсложно:

СтІал Сулейманан гевил (8 слогов).

Гъелбет, адан фикир я гъуъл (8 слогов).

КІелиз чирдай инсандин вил (8 слогов).

Алаз тамир квел, Назани (8 слогов).

(«Назани»)

Сравните также у П. К. Услара; *СитІал вацІ* «река Сталь-чай» («Кюринский язык», Тифлис, 1896, стр. 5). Указанное ослабле-

²² Благодаря этому обстоятельству вокруг наименований ряда аулов возникло множество неверных суждений, являющихся исключительно продуктом так называемой народной этимологии. Таковы, например, толкование названия аула *Ахты* (*Ахцагъар*, *Ахцегъар*, *Ахчагъар*) как образованного от арабского слова *ухт* «сестра» или же от слов *агъ* «белый» и *шегъер* «город» и т. п., а также рассуждения о наименованиях аулов *Курах* (*Къурагъ*), *Икра* (*Кірияр*), *Даркуш* (*ДаркІуш*), *Ивиг* и некоторых др. Подобные толкования порой проникают и в печать (Газ. «Коммунист»); Сборн. «Лезгийрин фольклор» (Махачкала, 1940) и др. издания.

ние или полное выпадение гласного в предударном положении обычно наблюдается в тех словах, в которых за данным звуком следует сонорный согласный (*Грагъ* вместо *Гарагъ*; *КІрар* вместо *КІрар*) или же в тех, в которых ему предшествует один из щелевых или придыхательных согласных. (*Штул* вместо *Шутул*; *Чпир* вместо *Чипир*²³). Но: *КІутІул*, *Макъар*, *Бахцугъ*, *Ярагъ* и др., в которых гласный первого слога находится в другом фонетическом окружении.

2. Ударение в названиях данной группы падает на второй слог от начала слова и не меняет своего места; если даже слово претерпевает изменения, в результате которых ударяемый слог перестает быть вторым по счету: *Хике'м* «название аула» — *Хке'май* «из аула *Хкем*» — *хке'мви* «житель, уроженец аула *Хкем*». Следовательно, по месту ударения рассматриваемые наименования напоминают обычные слова, которые приняли ударяемые аффиксы. Таковы, например, аффиксы множественного числа *-ар*, *-эр*, которые принимают на себя ударение, но не допускают перехода его на следующие за ними слоги (*Кра'рикай*—исходн. V. множ. числа от *кар* «дело, работа»: *кар* <—*кара'р* <—*к(а)ра'р* <—*кра'рикай*)²⁴.

3. В конце названий аулов II группы в современном лезгинском языке встречаются пятнадцать различных согласных звуков: б, г, гъ, гь, з, к, л, м, н, р, тІ, ф, х, хъ, ш, что примерно в шесть раз меньше количества населенных пунктов, названия которых относятся к данной группе. Следовательно, среди рассматриваемых наименований имеются такие, которые можно объединить по исходному согласному. Так, согласным тІ, например, заканчиваются пять названий (*АрхитІ*, *ЗахитІ*, *ЦинитІ*, *ХипитІ*, *ХъульуьтІ*), более десяти наименований имеют на исходе звук л (*КъванцІул*, *КІехуьл*, *КІутІул*, *СтІал*, *Тител*, *Тркал*, *Ухул*, *Хъымыл*, *Цинал*, *ЦІехуьл*, *Чепел*, *Шутул* и др.).

При сравнении названий, имеющих одинаковый исход, обнаруживается, что в отдельных словах совпадают не только конечные согласные, а целые комплексы звуков (*Бахцугъ*, *Яцугъ*, *КІахцугъ* и др.), а в других оказываются очень близкие по структуре и согласным компонентам, но отличающиеся по гласному звуку части (*Гъуьгъвез*, *Куккваз*).

Сопоставляя между собой наименования, в которых одинаковому согласному конца предшествуют неодинаковые гласные, нетрудно заметить, что в подобных словах гласные первых слогов также не совпадают. При этом гласные обоих

²³ Эти условия допускают выпадение безударного гласного, но не вызывают его в обязательном порядке. Ср., например, с приведенными следующие названия: *КІварчагъ*, *Къурагъ*, *Самур* и др.

²⁴ См. Л. И. Жирков. Законы лезгинского ударения. «Язык и мышление», т. X, 1940, стр. 107—117.

слогов в каждом из сравниваемых слов оказываются звуками одного и того же ряда — переднего или заднего.

Исключение составляют названия *АрхитI*, *ЗахитI*, которые, однако, в устно-разговорной речи имеют параллельно употребляемые и не противоречащие закону созвучия гласных формы: *ЭрехтI*, *СехитI* (*ЗехитI*). Следовательно, в изучаемых словах проявляется зависимость гласных вторых слогов от гласных первых слогов (*Тител*, *Чепел*, *Филер*, *Цицлер*, но: *Клутул*, *Ухул*, *Мацар*, *Лакар* и др.).

Наблюдаемое в данных словах сингармоническое созвучие гласных не случайное явление, оно, как известно, пронизывает весь лезгинский язык, особенно его словоизменение и словообразование²⁵. В данном случае наличие сингармонизма между первым и вторым слогами в наименованиях аулов свидетельствует о важнейшей для понимания их структуры стороне этих слов. Оно свидетельствует о том, что эти слова являются двуморфемными и состоят из основы (корня) и аффикса. Отмеченные нами до этого особенности данных слов (двухсложность, постоянное место ударения, наличие у ряда слов одинаковых или очень близких по звучанию и однотипных конечных звуковых комплексов), также говорят о том, что рассматриваемые названия являются производными словами.

Вторым звуком от начала слова, если в его составе имеет-ся не более двух согласных (*Иче*, *Ихир*, *Укуз*, *Усар*) и третьим, если в названии — три и более согласных (*Цицлигъ*, *Ялцугъ*, *Яргун*), является согласный звук. Исключениями могут быть приведенные выше (пункт 1) названия типа *Грар*, в которых гласный первого слога ослаблен, но восстанавливается в других формах (*Гири Сулейман* «Сулейман из аула Грар»).

Согласным, о котором только что шла речь, кончается первая основная часть наименования, т. е. указанный согласный находится на стыке морфем²⁶. Это можно показать на разных примерах и различными способами: а) путем выделения общей «изменяющейся» части в группе однотипных по исходному звуку наименований:

Хъуьл-уьтI;

Цин-итI;

Хип-итI;

Бах-цугъ;

Клах-цугъ;

Ял-цугъ;

²⁵ О сингармонизме в лезгинском языке см. нашу статью: «Об одном фонетическом явлении в лезгинском языке», «Ученые записки» ДГУ им. В. И. Ленина, вып. 1, Махачкала, 1957 г.

²⁶ Исключениями могут быть названия, в которых на стыке морфем находится сочетание сонанта р с каким-нибудь другим согласным (*Дар-кIуш*, *КIварчагъ*, *Миграгъ*).

б) путем изменения названия по падежам: *Чеп-ер*—*Чеп-е* «местн. I покоя» *Чеп-яй* «местн. I удаления», *чеп-ивц* «житель или уроженец аула *Чепер*».

Однако многие названия, принимая падежные аффиксы остаются неизменными: *Фуьруьгъ*—*Фуьруьгъ-а* «местн. I покоя», *Фуьруьгъ-ай* «местн. I удаления» и *фуьруьгъ-ви* «уроженец аула Фриг». В таких случаях пригоден только первый способ (выделение общей «изменяющейся» части). Например, в только что приведенном названии *Фуьруьгъ* такой частью будет уьгъ («пограничный», согласный *р*, что можно показать, если сравнить его со следующими однотипными названиями: *ЦицIигъ*, *Муругъ*, *НуьцIуьгъ* и др., в которых «пограничными» звуками соответственно будут *цI*, *р*, *цI*, а гласными, качество которых зависит от гласного основы, *-и* (2), *у* (2), *уь* (2)).

Наименования, допускающие при склонении указанные выше изменения основы именительного падежа, являются формами множественного числа от прежних названий данных аулов. Обозначая вначале только жителей аула, эти формы впоследствии стали употребляться и в значении населенного пункта. В этом смысле названия типа *Чепер*, *Макъар* и т. п. превратились в своего рода *pluralia tantum*, которые, будучи формами множественности, обозначают единичное²⁷. Этим, по-видимому, и объясняется тот факт, что некоторые из подобных наименований (в лезгинском языке их более полутора десятка) принимают вторичные аффиксы множественного числа. Таково, например, название *Макъарар* (Касумкентский район), образованное от *Макъар*, которое в сравнении с формами *Макъа* «в Мака» — предложный падеж, *Макъааз* «в Мака» — винительный падеж, *Макъай* «из Мака» само является формой множественного числа.

Используя описанные выше способы в названиях второй группы, можно выделить следующие «аффиксальные» части²⁸.

1. *-а*, *-э* ²⁹;
2. *-аг*, *-иг*, *-иф*;
3. *-агъ*, *-игъ*, *-угъ*, *-уьгъ*, *-эгъ*;
4. *-агь*, *-угь*, *-эгь*;
5. *-аз*, *-ас*, *-уз*, *-эз*;
6. *-ал*, *-ил*, *-ул*, *-уьл*, *-эл*;
7. *-ан*, *-ун*;

²⁷ Об этом см.: Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка, Махачкала, 1941, стр. 56.

²⁸ Номер объединяет фонетические варианты выделяемых «аффиксов».

²⁹ Для наименований, имеющих на исходе гласн.+*р*, за исключением двух названий—*Ихир*, *Цумур*, здесь взята форма местного первого покоя, в которой они выступают в своем первоначальном виде, без окончания множественного числа *р*.

8. -ах, -их;
9. -ахъ, -ихъ, -ухъ;
10. -ик, -ук;
11. -ир, -ур;
12. -итI, -уьтI;
13. -ум, -эм;
14. -уш³⁰.

Аффиксальные элементы № 1, 2, 3, 6, 8, 9 и 10 обнаруживают большое сходство с формативами местных падежей покоя (эссивы). При этом большинство из них встречается в парадигме склонения литературного лезгинского языка. Форманты -агъ, -игъ, -угъ, -уьгъ, -эгъ имеются в кубинском диалекте лезгинского языка. Морфемы, объединенные под № 5, в современном лезгинском языке являются показателями дательного падежа. Окончания -агъ, -угъ, -эгъ, -ан, -ун, а также варианты аффиксов: -иф (№ 2) и -ас (№ 5) имеются в близкородственных лезгинскому табасаранском и агульском языках³¹.

Элементы -итI, -уьтI, по мнению Б. Г.-К. Ханмагомедова, также бесспорно восходят к показателю местного падежа³².

Об аффиксах -ир, -ур, -ум, -эм, -уш, которые встречаются в составе всего лишь нескольких единичных названий, можно только сказать, что они характерны для наименований аулов ряда соседних народностей: рутульцев, цахур, даргинцев и др.

Согласные ц и цI в составе «аффиксальной» части наименований (*Бахцугъ, Ялцугъ, КъванцIул* и др.) следует считать детерминантами эргативного падежа, восходящими, по-видимому, к звонкому зубному д. Сравните: «Ялджугъ (Ахтынский район), агульское — *Дулдугъ*, табасаранское — *Къвандиг* и др.

Наличие среди выделенных «аффиксальных» частей -аз, -уз, -эз, -ас, являющихся формантами дательного падежа, который в современном лезгинском языке стал общеграмматическим падежом, свидетельствует о том, что в прошлом этот па-

³⁰ Только одно наименование *Ясаб* имеет на исходе аб, близкое к аварско-андийским (*Ритляб, Ретлоб, Кохоб* и др.).

³¹ Сравнительный анализ системы склонения в языках восточно-лезгинской подгруппы языков дан в работах Б. Г.-К. Ханмагомедова. «Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков». (Махачкала, 1958) и «Система местных падежей в табасаранском языке» (Махачкала, Дагучпедгиз, 1958 г.).

³² «Любопытно также, что -тI встречается в названиях ряда табасаранских, а также соседних лезгинских и азербайджанских селений, где он также, бесспорно, является показателем местного падежа эссива I серии: *ТинитI, ЧвулатI, АрхьитI, РишитI, АьрхьитI, ЦинитI* и др. (Возможно, что тI в табасаранском языке исторически выступал в качестве показателя I серии местных падежей» (Б. Г.-К. Ханмагомедов. Система местных падежей в табасаранском языке, Дагучпедгиз, Махачкала, 1958, стр. 25).

деж также был одним из местных падежей покоя или приближения³³.

5. Первые части наименований, которые остаются после выделения «аффиксальных» элементов, имеют следующую структуру:

- а) согл.+гласн.+согл. (*Макь-ар; Гъуьгъв-ез*);
- б) гласн.+согл. (*Их-ир; Ич-е*);
- в) согл.+сонорн. согл.+соглас. (*Крк-ар*);
- г) согл.+(редуц. гласн.) +согл. (*Гр-ар; Шт-ул*);
- д) гласн.+согл.+согл. (*Арх-итI*);
- е) согл.+гласн.+согл.+согл. (*КIварч-ачъ*).

По значению первые части многих наименований соотносительны с теми или иными словами современного лезгинского языка: *гар* «ветер»; *кIар* «скалка, ступенька», *макь* «жир, сало»; *чен(б)* «глина»; *цIицI* «стрекоза»; *кIах, арх* «овраг»; *ял* «воздух»; *кIур* «нога»; *рух* «самотканый грубый палас» и др. Разумеется, трудно утверждать, что соответствующие названия происходят от приведенных здесь слов.

В других наименованиях выделяются такие звуковые комплексы, которые в современном лезгинском языке определенного значения не имеют. Таковы, например, первые части наименований: *Диг-агъ, Зир-их, Их-ир, Хъым-ыл, Тиг-ел* и др.

Следует еще отметить, что первые части ряда названий могут быть одинаковыми или же очень близкими. Например, *ял* (*Ялахъ и Ялцугъ*); *цIицI* — (*ЦицIигъ и ЦицIер*); *хъуьл* — (*ХъуьлуьтI и Хъуьлер*), *хип, хуьп* — (*Хипедж, ХипитI, Хуьпукъ*) и др.

6. Название аула может отвечать на вопросы куда? где? и откуда? В соответствии с этим оно ставится в формах дательного, местн. I и I исходного падежей (*Ахцагъиз* — В Ахты; *Ахцагъа* — в Ахтах; *Ахцагъай* — из Ахтов). Некоторые наименования вместо приведенных трех форм имеют только две: местн. II покоя, когда название отвечает на вопросы куда? и где? и II исходного, когда — отвечает на вопрос откуда? (*СтIалдал*—1. «в аул Сталь»; 2. «в ауле Сталь»; *СтIалдилай* «из аула Сталь»). Отдельные названия аналогичные формы

³³ До этого в пользу данного предложения говорил лишь тот факт, что дательный падеж подобно местным падежам покоя мог служить основой для образования соответствующего направительного падежа (*Зазди, багъдизди*). Эти формы, а также аффиксы местного падежа с согласными гъ зафиксированы в материалах покойного М. М. Гаджиева. См. М. М. Гаджиев. «О некоторых особенностях аныхского говора лезгинского языка» («Уч. записки» Института ИЯЛ им. Г. Цадасы, том. II, 1957, стр. 211—222).

образуют только во множественном числе: (*Хъартасрик* — 1. «в Картас»; 2. «В Картасе», *Хъартасрикай* «из Картаса»).

Подобным же образом изменяются названия аулов и в других горских языках Дагестана.

ВЫВОДЫ

1. По значениям, структуре, а также при изменении наименования лезгинских аулов обнаруживают большие различия. Одни из них продолжают соотноситься по значению со словами, к которым они исторически восходят (*Хуьрел*, *Тигьирахуьр*, *Ичин*, *Агъапиркент* и др.), другие утратили связь со своими прежними значениями (*Ичче*, *ХъуьлуьтI*, *Ахниг*, *КIварчагъ*, *Хъартас*, *Арагъ* и др.). Одни названия представляют собой простые слова (*Кумухъ*, *Къурагъ*, *Тркал*, *Грар*, *Къуруш*, *Зизик* и др.), другие являются сложными словами (*Дустаир*, *Шими-хуьр*, *Уружба*, *КъенIир* и др.), а третьи продолжают оставаться сочетаниями двух или трех самостоятельных, не сросшихся друг с другом слов (*Яру кьвалар*, *Вини Хъартасар*, *Пипер хуьруьн къазмаяр*, *Гада Зейхуьр*, *ЦIару Худат* и др.). Одни названия, преимущественно наименования типа *Алидхуьр*, *Уружба*, *Газардин кIам* и др., имеют полную парадигму склонения, другие (их подавляющее большинство) имеют формы четырех падежей (имен., дат., местн. I покоя и исходн. I п.: *Штул*, *Штулиз*, *Штула*, *Штулай*), а третьи различают только три падежа (имен., местн. II, исходн. II: *СтIал*, *СтIалдал*, *СтIалдилай*).

2. Наименования аулов, расположенных в горной части лезгинской территории, отличаются определенной однотипностью. Почти все они являются простыми словами, вторые слоги которых напоминают окончания местных падежей. Среди них очень мало наименований, образованных от собственных имен людей, отсутствуют среди них и такие названия, в составе которых имеются элементы *-уба*, *-казмаяр*, обозначающие выселки. Все эти наименования имеют ограниченное число падежных форм.

3. Наименования лезгинских горных аулов обнаруживают большую близость, во-первых, с названиями населенных пунктов других горских народностей Дагестана, а во-вторых, с лезгинскими же названиями местностей (нив, угодий, лугов, лесов, ущелий и т. п.). Значение названий местностей обычно очень прозрачно: например, *КIамахъ* — местн. IV покоя от *кIам* «овраг, балка»; *Синяхъ* — та же форма от *син* «гребень горного хребта»; *Рагаг* — мест. III покоя от *раг* — «скала»³⁴. Расположение этих мест таково, что оно полностью соответствует значению их названий: *КIамахъ* — участок обрабатываемой земли, который от остального массива пахотных земель

³⁴ Эти названия встречаются в окрестностях с. Икра Курахского района ДАССР.

отделен глубоким оврагом, т. е. он находится за оврагом, что и выражает форма местного IV покоя от слова *Клам*; *Синяхъ* — нивы, небольшие кустарники, которые находятся на противоположной по отношению к аулу стороне горы, т. е. места, находящиеся за гребнем горы, что и выражает форма местного IV покоя от слова *син*. *Рагаг* — 1) нивы, находящиеся в районе скалы, близко примыкающие к скале; 2) вся окружающая местность. *Рагаг* значит «у скалы», это и выражает форма местного III покоя от слова *раг*³⁵.

4. Указанная близость наименований горных аулов и названий местностей свидетельствует о том, что эти слова первоначально обозначали только местности и лишь впоследствии превратились в названия населенных пунктов, образовавшихся на этих местах. Следовательно, наименования аулов, представляющие собою форму тех или иных падежей, первообразны. Они древнее не только всех наименований, образованных от лично-собственных имен с элементами *-хуьр*, *-кент*, *-уба*, *-казмаяр*, и т. д., но также даже и самых населенных пунктов, названиями которых они являются.

5. Однотипность наименований близлежащих аулов, а в ряде случаев их «рифмовка» (*Киутул-Штул*; *СехитI-АрхитI-ЦинитI*; *Цнал-Тркал-СтIал*; *КIахцугъ-Ялцугъ-Бахцугъ* и др.), а также близость названия аулов северной части лезгинской территории с табасаранскими, южной и юго-восточной частей — с тюркскими, а западной и юго-западной частей — с агульскими и рутульскими наименованиями показывает, что лезгины давно живут на теперешней их территории, и что окружение их соседними народами было примерно таким же, как и сейчас.

Здесь рассматривались лишь некоторые из вопросов, связанные с названиями лезгинских аулов. Вопросы эти, несомненно, заслуживают дальнейшего углубленного изучения. Многие, по-видимому, станут понятным, когда будут исследованы общие принципы образования названий местностей и других географических объектов в дагестанских языках, в частности в самом лезгинском языке.

Ниже приводится алфавитный список названий лезгинских населенных пунктов, наблюдения над которыми были использованы в настоящей работе.

Русская или официальная форма названия.

Аваджукат
Аваран
Аваранкъазма
Аджихюр
Агъа Арагъ

Аваджукат
Аваран
Аваран Кишлак
Аджикент
Ашага Араг

³⁵ Сравните с наименованиями *Хуьрел*, *Хуьруьг*, *Векьел*, *Калук* и др., рассмотренными нами в I группе.

Агъа АрхитIар (ЭрехтI)
 Агъа ЗахитIар (СехитI)
 Агъа Лаккар
 Агъа Пир
 Агъа СтIалар (Агъа Кранар)
 Агъа Хъартасар
 Агъа Ярагъар
 Азадугъли
 Алидхуър
 Алимамедоба
 Алкъвадар
 Аныгъ (Инигъ)
 Аныгъоба
 Асадахуър
 Асалдхуър
 Ахцегъ (Эхцегъ, Ахччагъ)
 Ашагъа келенхуър
 Ашанхуър
 Ашар
 Барзуютах
 Бахцугъ
 Берекахуър
 Бигер
 Билбилахуър
 Билбилахуъруьн къазмаяр
 Бурши Макъар
 Бутахуър (Бутар)
 Бутахуъруьн къазмаяр
 Вандам
 Векъелар
 Вини Арагъар
 Вини АрхитI (ЭрехтI)
 Вини Макъар
 Вини СтIалар
 Вини Хъартасар
 Вини Ярагъ
 Гада цIийи хуър
 ГазардкIам
 Галунхуър
 Гатумар
 Гелхен
 Гил
 Гилияр
 Гилюба
 Грагъ
 Грар
 Грар Ятах
 Гуьндюьз клеле

Ашага Архит
 Ашага Захит
 Ашага Легер
 Агапиркент
 Ашага Сталь
 Ашага Картас
 Ашага Яраг
 Азадоглы
 Аликент
 Алимамедоба
 Алкадар
 Аных
 Аныхоба
 Асакент
 Асаликент
 Ахты
 Ашата келенхюр
 Ашакент
 Аша
 Барзу-ятаг
 Бахцуг
 Береккент
 Бигер
 Билбилкент
 Билбилкент казмаляр
 Бурши Мака
 Буткент
 Бут казмаляр
 Вандам
 Векел
 Юхари Араг
 Юхари Архит
 Юхари Мака
 Юхари Сталь
 Юхари Картас
 Юхари Яраг
 Гедазейхур
 Газардкам
 Галунхюр
 Гатум
 Гельхен
 Гил
 Гиля
 Гилюба
 Граг
 Гра
 Гра Ятаг
 Гундюзкала

Гъапцагъ (Гъепцегъ)
 Гъетегъар (Уллу Гъетегъ)
 Гъуьгъвез
 Гъезерахуьр
 Дардарахуьр
 ДаркIуш
 Демирар
 Джакар
 Дигагъар
 Дурда
 ДуьзтIегъир (Дустаир)
 Ени Хаят
 Жигъжигъар
 Зейхуьроба
 Зизикар
 Зиндан Муругъ
 Зрих
 Зугърабахуьр
 Зухул
 Зухулоба
 Истису
 Ихир
 Ичинар
 Йисабар
 Кавалар
 Къаладжугъ (КIелет)
 Калджук
 Калугъ
 Калук
 Камаарахуьр
 Каратоба
 Качалахуьр
 Кашаңхуьр
 Келентероба
 Кемерван
 Кенарчай
 Кешреш
 Килам
 Кимихуьр
 Кипчал
 Кириг
 Кркар
 Кузун
 Кукваз
 Кумухъ
 Курар (Къара-куьре)
 Куркун
 КуркIуарар (КуркIуарахуьр)

Гапцаг
 Уллу-Гатаг
 Гугаз
 Гезеркент
 Дардаркент
 Даркуш
 Демирар
 Джакар
 Дигах
 Дурда
 Дустаир
 Ени хаят
 Жиг-жиг
 Зейхуроба
 Зизик
 Зиндан Муруг
 Зырых
 Зухрабкент
 Зухул
 Зухулоба
 Истису
 Ихир
 Ичин
 Йисаб
 Кавал
 Каладжух
 Калджук
 Калуг
 Калук
 Камаркент
 Каратоба
 Качалкент
 Кашкент
 Келентероба
 Кемерван
 Кенарчай
 Кешреш
 Килам
 Кимихюр
 Кипчал
 Кириг
 Кирка
 Кузун
 Куказ
 Кумух
 Кара-Кюре
 Куркун
 Куркуркент

Курхуър (Курахуър)	Куркент
Куснет	Куснет
Куснеткѣзма	Куснетказма
Кутурган	Кутурган
Кухур	Кухур
Кухуроба	Кухуроба
Куфоба	Куфоба
Кичунар (Крчунар)	Кучун
Кичунрин кѣазмаяр	Кучун Казмаляр
Кѣанархуър	Канар
Кѣансавахуър	Кансавкент
Кѣужунар	Кужун
Кѣугѣван	Куган
КѣундкІам	Кункам
Кѣурбанѣфенди	Курбан ѣфенди
Кѣуруш (Куьгъне)	Куруш (старый)
Кѣуруш (ЦІийи)	Куруш (новый)
Кѣусар (КѣІар)	Кусари
Кѣучагѣар	Кучаг
Кѣуюстан (Кѣуюснар)	Куюсун
Кѣакар	Кака
Кѣасумахуър	Касумкент
КѣванцІул	Канциль
Кѣеан	Киан
КѣенІур	Кабир
КѣенІур кѣазмаяр	Кабир Казмаляр
Кѣулан ЗахитІар (Чарху ЗахитІар)	Орта Захит
Кѣулан СтІал (Кѣуланхуър)	Орта Сталь
Кѣурагъ	Курах
Кѣуььчхуър	Качхюр
Кѣуьхуър	Кухюр
КІама крчун	Кама-крчун
КІахул (КІехуьл)	Кехюль
КІахцугъ	Кахцуг
КІварчагъ	Карчаг
КІелеяр	Келе
КІири (КІрар)	Икра
КІур (УкІур)	Укур
КІурукІнар	Курукн
КІутІул	Кутул
Лакаар	Лакар
Лацар (Лаза)	Лаза
Лечет	Лечет
Луткун	Луткун
Магъмутахуър	Махмудкент
Макъар	Мака
Макъарар	Макар

Маллакент	Моллакент
Манкѣутахуър (Манкѣуь- лубдхуър)	Имамкуликент
Мацар	Маза
Мачугѣар	Мацуг
Магъарамдхуър	Магарамкент
Миграгѣ	Микраг
Миджагѣ	Мижаг
Мискискар (Мискинджа)	Мискинджа
Мирзебейли	Мирзабейли
Муругѣар	Муруг
Муругѣоба	Муругоба
Мегѣверган	Мугерган
Нежефахуър	Нежефкент
Нуьцѣуьгѣ	Нюцуг
Пиперхуър	Пиперкент
Пиперхуъруьн кѣазмаяр	Пиперкент Казмаяр
Питидхуър	Питикент
Пирер (Цирел, Пирал)	Пирал
Ругун	Ругун
Рухун	Рухун
Саваджал	Саваджал
Сайидар (Сайидахуър)	Саидкент
Сайтарахуър	Сайтаркент
Салимоба	Салимоба
Салихоба	Салихоба
Самур	Самур
Сараг	Сараг
Сардарахуър	Сардаркент
СДК (Сэдэка)	СДК
Селенар (Салиянар)	Салиян
Скутѣар	Заготскот
Смаглы	Смаглы
Смугѣул	Смугул
Советский	Советское
Спикар (Испик)	Испик
Сутѣур	Стур
Тагъироба	Тагироба
Татархандхуър	Татарханкент
Текипиркент (Текияр)	Текикент
Тигъирахуър	Тагиркент
Тигъирахуъруьн кѣазмаяр	Тагиркент Казмаяр
Тител	Титель
Тагъиржал	Таирджал
Узунмеше	
Укур	
Урва	
Урсурар (Ушур)	Усур

Уружба
 Ухул
 Усугъ-чай
 Учгуьн (Ушкун)
 Учкункъазма
 Филер (Виля)
 Филиф (Филифар)
 Фияр
 Фригъ
 Хакидхуьр
 Хезра
 Хенжелакъеле
 Хикемар
 Хипеж
 Хипитлар
 Хирах (Храх)
 Хирахоба
 Хурай
 Хурал
 Хожадхур (Хважадхуьр)
 Хутун (Хтун)
 Хутун къазмаяр
 Хутаргъ
 Хуьлуьхъ
 Хуьпуькъ (хпуькъ)
 Хуьрел
 Хуьрехуьр
 Хуьруьг
 Хъартасар (Вини)
 Хъуьлер
 ХъуьлуьтI (Хъуьлуьд)
 Хъымыл
 Хъымыл къазма
 Хъилер
 Цилахъ (Цлахъ)
 Цинал (Цнал)
 Цилингар
 ЦицIер
 ЦицIигъ
 Цумур
 ЦIарахуьр
 ЦIару Худат (Кевне Худат)
 ЦIахул
 ЦIелегуьн
 ЦIехуьл
 ЦIийихуьр
 ЦIинитI
 Чантарахуьр

Уружба
 Ухул
 Усуг-чай
 Учгюн
 Учгюнказма
 Филя
 Филфили
 Фий
 Фриг
 Хакикент
 Хезра
 Ханжалкала
 Хкем
 Хпедж
 Хпитар
 Храх
 Хирахоба
 Хурай
 Хурал
 Хожакент
 Хтун
 Хтун Казмаяр
 Хутарг
 Хюлук
 Хпюк
 Хюрел
 Хюрехюр
 Хрюг
 Картас (Верхний)
 Кюле
 Хулюд
 Кымыл
 Кымыл кишлак
 Хиль
 Цлак
 Цнал
 Цилинг
 Цеце
 Цициг
 Цумур
 Царахюр
 Худат (Старый)
 Зухул
 Целегюн
 Цехюл
 Цийихюр
 Цинит
 Чантаркент

Чатлалегъв
Чахчар
Чепел (Чепелар)
Чепер
Четкуьн
Чипир
Чихен
Чухверхуьр
Чилихъар
Шимихуьр
Шихидхуьр
Шутул (Штул)
Эвежугъар
Экендил (экенар)
Эсетар
Эхниг (Ахниг)
Эчехуьр
Юхари Зейхуьр
Юхари Келенхуьр
Юхари Тагьирджал
Якъубоба
Ялахъ
Ялцугъ (Ялджугъ)
Ялцугъ
Яраг къазмаяр
Яргун (Ярвун)
Яру къвалар
Ясаб
Ясабоба

Чатлэг
Чахчах
Чепел
Джаба
Четкун
Чпир
Чхен
Чухеркент
Чилик
Шимихюр
Шихикент
Штул
Эвежуг
Экендил
Эсет
Ахниг
Эчехюр
Юхари Зейхуьр
Юхари Келенхуьр
Юхари Тагирджал
Якубова
Ялак
Ялжуг
Ялцуг
Яраг Казмаляр
Яргун
Яруквалар
Ясаб
Ясабоба

Б. И. СКУПСКИЙ

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СТАРОСЛАВЯНСКИМИ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫМИ, УПРАВЛЯЮЩИМИ
ДАТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ**

Конструкции с дательным падежом и значения дательного падежа в старославянском (а также в общеславянском) языке описаны в ряде общих трудов по старославянскому и общеславянскому языкам, в частности в работах В. Вондрака, А. Мейе, А. Вайана и др.¹ В этих трудах представлены наиболее типичные для старославянского языка значения дательного падежа и приведены соответствующие примеры из старославянских памятников. Дательному падежу в старославянском и общеславянском языках посвящены также специальные исследования: А. Б. Правдин. «Дательный приглагольный в старославянском и древнерусском языках». «Ученые записки Института славяноведения АН СССР», т. 13, М., 1956; он же. «К вопросу о праславянских значениях дательного падежа». «Вопросы языкознания», 1957, № 6; Н. М. Елкина. «Беспредложные конструкции приименных родительного и дательного падежей в старославянских и среднеболгарских памятниках». Автореферат канд. диссертации. М., 1954².

¹ В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис, Казань, 1915 (см. стр. 24); А. Мейе. Общеславянский язык, М., 1951 (см. стр. 375); А. Вайан. Руководство по старославянскому языку, М., 1952 (стр. 213—217). См. также другие пособия по старославянскому языку, в частности: С. Д. Никифоров. Старославянский язык. Учпедгиз, М., 1952 и 1955, стр. 89—92; Л. В. Матвеева-Исаева. Лекции по старославянскому языку. Учпедгиз, Л., 1958, стр. 180—181; Б. И. Скупский. Лекции по старославянскому языку. Раздел V. Синтаксис. Махачкала, 1960, стр. 37—40, 48, 54—56, 67—71, 78—81.

² См. также другие труды указанных авторов.

Что касается употребления дательного падежа при именах прилагательных в старославянском языке, условий, при которых имена прилагательные могут иметь при себе зависимое слово, в частности управлять дательным падежом существительных или их эквивалентов, то все эти вопросы изучены недостаточно. По крайней мере, специальных исследований по указанным вопросам пока нет.

По имеющимся у нас сведениям (а эти сведения наиболее полно представлены в общих трудах по старославянскому языку), дательный падеж в старославянских памятниках встречается со следующими прилагательными: *подобѣнъ, повинѣнъ, оугодѣнъ, достоинѣнъ, равѣнъ, тѣчѣнъ, милъ*³.

В настоящей статье приводятся все известные нам сведения об употреблении дательного падежа при именах прилагательных в важнейших евангельских текстах — Зографском, Мариинском, Ассеманиевом и Остромировом евангелиях и в Саввиной книге, а также обращается внимание на условия, в которых возможно было употребление дательного падежа при именах прилагательных в этих памятниках.

Руководствуясь стремлением представить факты в беспристрастном освещении, мы ограничиваемся лишь наиболее общей характеристикой каждого из имен прилагательных, при которых возможен дательный падеж. Описывая эти прилагательные, мы обращаем внимание и на их семантику, и на их роль в предложении. При этом в необходимых случаях учитываются определенные соответствия в греческом тексте евангелия, отношение данного прилагательного к другим — связанным с ним — лексико-грамматическим разрядам слов (напр., наличие или отсутствие соотносительных с данным прилагательным глаголов, способность или неспособность последних управлять дательным падежом и т. п.).

Само собою разумеется, что лексические значения прилагательных устанавливаются с учетом сведений, имеющихся в известных словарях старославянского языка. Главным руководством для нас в данном случае являются «Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, т. I—III, СПб, 1893—1903.

³ Наиболее полные сведения об употреблении дательного падежа при именах прилагательных содержатся в работе А. Вайана «Руководство по старославянскому языку», стр. 215. См. также: Б. И. Скупский. «Дательный приаждѣктивный в старославянских памятниках», «Вопросы изучения русского языка. Материалы четвертой научно-методической конференции Северо-Кавказского зонального объединения кафедр русского языка». Ростов-на-Дону, 1961.

Учитывая, что в вопросах словосочетания и вообще в теории синтаксиса простого предложения отсутствует единая общепринятая терминология, мы стараемся избегать употребления ряда общеизвестных терминов (напр., терминов, которыми определяются различные виды управления), содержание которых не всегда тождественно, хотя нам и приходится в связи с этим нередко испытывать известные затруднения.

В обследованных нами памятниках дательный падеж обнаружен со всеми перечисленными выше именами прилагательными⁴, кроме дательного со словом *тѣчѣнѣ*; это прилагательное в обследованных нами евангельских текстах вообще не встретилось⁵. Кроме того, в этих же памятниках были обнаружены еще сочетания дательного падежа с одним прилагательным, не отмеченным в известной нам литературе, а именно со словом *длѣжьнѣ*.

Таким образом, в обследованных нами евангельских текстах — Зографском, Марининском, Ассеманиевом, Остромировом евангелиях и Саввиной книге — дательный падеж возможен при следующих прилагательных: *подобѣнѣ*, *повинѣнѣ*, *оугодѣнѣ*, *достойнѣ*, *длѣжьнѣ*, *равѣнѣ*, *милѣ*.

Сведения об интересующих нас сочетаниях представляются ниже в той же последовательности, в которой расположены указанные имена прилагательных.

Прилагательное *подобѣнѣ* в обследованных памятниках имеет различное значение и употребляется в соответствии с различными словами греческого текста евангелия, а именно:

- а) древнегреч. *homoios*, т. е. «подобный, похожий»;
- б) древнегреч. *eukarios*, т. е. «удобный, подходящий»⁶.

Это прилагательное представлено только краткой формой.

В тех случаях, когда прилагательное *подобѣнѣ* употребляется в соответствии с древнегреческим *homoios* и имеет значение «подобный, похожий», дательный падеж при нем обязателен: *подобѣно естъ црствіе небское съкровишту* —

⁴ Т. е. со всеми прилагательными, при которых, согласно имеющимся у нас сведениям из литературы, возможен дательный падеж.

⁵ См. об этом прилагательном и о дательном падеже при нем в «Материалах для словаря древнерусского языка», т. III, СПб., 1903, стр. 1059—1060.

⁶ Кроме того, известно также предикативное наречие *подобѣно*, которое в сочетании с *і-есть* означает «следует, необходимо»: *въ нѣ же подобѣно бѣ дрѣжати пасхѣ* — Л., XXII, 7, Зогр., Мар.

⁷ Это слово в памятниках употреблено с титлом. Здесь и в ряде случаев ниже титло по причинам технического характера не употребляется. Графика старославянских примеров значительно упрощена.

Мф., XIII, 44, Зогр., Мар.⁸; подобно есть црствие небеское чкоу коупцоу. Мф., XIII, 45, Зогр., Мар., Асс., Остр.; подобно есть црствие бжие неводоу — там же, 47, Зогр., Мар., Асс., Остр.; вьсЕкъ⁹ кънижъникъ... подобнь есть чкоу домовитоу — Мф., XIII, 52, Зогр., Мар., Асс., Остр.; подобно есть црствие небесное чвкоу домовитоу — Мф., XX, 1, Мар., Остр.; вы подобни члкоу — Л., XII, 36, Зогр., Мар.; комоу подобно есть црсье бжие — Л., XIII, 18, Зогр., Мар., Остр.; подобно есть зрюноу горюшьноу — там же, 19, Зогр., Мар., Остр.; подобно есть квасоу — там же, 21, Зогр., Мар., Асс., Остр.; бУдУ подобнь вамъ — И., VIII, 55, Зогр., Мар., Асс., Остр.; подобнь емоу есть — И., IX, 9, Зогр., Мар., Асс., Остр.

Как видно из приведенного материала, прилагательное *подобнь* (*подобно*) во всех отмеченных случаях представлено только краткой формой и является именной частью составного сказуемого со связкой **быти**.

Зависящее от этого сказуемого имя в дательном падеже является дополнением, указывающим на предмет, на который распространяется признак, выраженный прилагательным *подобнь* (*подобно*).

Во всех соответствующих местах греческого текста евангелия прилагательное *подобнь* тоже входит в состав сказуемого, при котором дополнение, как и в старославянских переводах, тоже везде выражено дательным падежом¹⁰.

С прилагательным *подобнь*, соответствующим древнегреческому *homoios* и имеющим значение «подобный, похожий», соотносительны глаголы *подобити* (сА) «подражать» и *оуподобити* (сА) «равняться»; аналогичная соотносительность имеется и в древнегреческом тексте, срв. старослав. *подобити* (сА), *оуподобити* (сА) — древнегреч. *homoiwsein* или *подобнь* — древнегреч. *homoios*. Эти глаголы в старославянских текстах

⁸ Здесь и ниже указания на источник и место источника даются сокращенно в следующем порядке: имя евангелиста (у нас — Матфей), глава (у нас — XIII), фраза (здесь — 44), а затем сокращенное название памятника (здесь — соответственно: Зографское и Маринское евангелия). При незначительных расхождениях в написании (в различных текстах) нами приводится вариант по тому памятнику, который указывается первым (в данном случае, например, приведен вариант по Зографскому евангелию).

⁹ По причинам технического характера старославянские буквы «ять», «юс малый» и «юс большой» заменены следующими заглавными буквами русского алфавита (соответственно): Е, А, У. В греческих словах, набранных латинским шрифтом, буква «омега» заменена буквой w.

¹⁰ Следует учесть при этом, что дательный падеж в древнегреческом языке был распространен несколько шире, чем в старославянском. Дательным падежом, например, передаются в древнегреческом почти все те отношения, которые и в старославянском выражаются дательным падежом. Кроме того, древнегреческий дательный падеж мог иметь и такие значения, которые в старославянском соответствуют другим падежам (главным образом — творительному, винительному).

тоже постоянно управляют только дательным падежом, например (приводится не весь материал); не подобите сА оубо імъ — Мф., VI, 8, Зогр., Мар., Асс., Савв., Остр.; оуподобл-У и мУж-У мУдроу — Мф., VII, 21 и 24, Зогр., Мар., Асс., Остр.; оуподобитъ сА мУжю боую — там же, 26, Зогр., Мар., Савв. (его мУжеви), Остр.; оуподоби сА црствие нбское чкоу — Мф., XIII, 24, Зогр., Мар.; оуподоби сА црсие нское і¹¹ дЕвъ — Мф., XXV, 1, Зогр., Мар. (десАти), Асс. (і¹¹-ти), Савв. и т. п.¹².

Евангельские тексты представляют также отдельные случаи употребления прилагательного *подобьнѣ* в соответствии с древнегреческим аористом *homoiwte*, и это может служить достаточным доказательством соотносительности прилагательного *подобьнѣ* (*подобьно*) и глаголов *подобити* (*сА*), *оуподобити* (*сА*): *подобьно естѣ црствие нбское. чкоу* — Мф., XIII, 24, Асс., Остр.; *подобьно естѣ црстви-е небесьн-е десАти дЕвъ* — Мф., XXV, 1, Остр. В других памятниках в точном соответствии с греческим текстом евангелия находим *оуподоби* (*сА*) (а не прилагательное *подобьнѣ*, *подобьно*), см. выше: Мф., XIII, 24, Зогр., Мар.; Мф., XXV, 1, Зогр., Мар.

Замечательно при этом, что старославянские памятники не представляют случаев обратной замены — прилагательного на глагол — ни по отношению к *подобьнѣ*, ни по отношению ко всем последующим прилагательным. Это наводит нас на мысль о том, что способность прилагательных иметь при себе зависимое слово в славянских языках выражена лучше, чем в древнегреческом.

Если же прилагательное *подобьнѣ* соответствует древнегреческому *eukairios* и имеет значение «удобный, подходящий», то оно употребляется в наших памятниках только в качестве согласованного определения и не имеет при себе никакого зависимого слова: *искаше подобьна врЕмене* — Мф., XXVI, 16, Зогр., Мар., Асс., Остр.¹².

Прилагательное *повиньнѣ* в обследованных памятниках встретилось всего три раза, притом только в одном значении — «подлежащий (суду, наказанию)». Оно во всех случаях употреблено в соответствии с прилагательным *enochos* греческого текста евангелия. В обследованных нами старославянских памятниках *повиньнѣ*, как и *подобьнѣ*, представлено только крат-

¹¹ В этом месте буква «і» написана с титулом, то есть она здесь имеет значение «10».

¹² Другие примеры (из евангельских текстов) см. в «Материалах для словаря древнерусского языка», т. 2, стр. 1041—1042.

кой формой. Зависимое слово при этом прилагательном тоже выражается только дательным падежом: *повиньнѣ естѣ сУдоу* — Мф., V, 21, Зогр., Мар.; *повиннѣ (sic!) естѣ сѣмрѣти* — Мф., XXVI, 66, Зогр., Мар., Асс., Савв., Остр.; *осУдишА и повинна быти сѣмрѣти* — Мрк., XIV, 44, Зогр. (*повинноу*), Мар., Асс., Савв., Остр.

Как показывает приведенный материал, в двух первых случаях прилагательное *повиньнѣ* является именной частью составного сказуемого, которое управляет дательным падежом, выступающим в качестве дополнения. В последнем (третьем) случае дательный падеж является зависимым членом (дополнением) при сочетании винительного падежа прилагательного *подобьнѣ* (этот винительный связан со вторым винительным) + инфинитив *быти*. Полагают, что конструкция «винительный падеж+инфинитив» не была свойственна старославянскому языку и является следствием подражания древнегреческому. В связи с этим дательный падеж в указанном употреблении учитывать и принимать во внимание не следует.

Соотносительного с прилагательным *повиньнѣ* глагола в обследованных памятниках не обнаружено. Однако, по-видимому, конструкции типа «*повиньнѣ естѣ* + дательный падеж» в определенной степени могли поддерживаться сочетанием глагола *повиновати(сА)* и зависимого от него слова в дательном падеже. При глаголе *повиновати(сА)* дополнение в дательном падеже так же обязательно, как и при имени прилагательном *повиньнѣ*, срв: *і Бѣси повиноуІ-Уть сА намъ* — Л., X, 17, Зогр., Мар., Асс., Савв., Остр.; *бѣси вамъ повиноуІ-Уть сА* — Л., X, 20, Зогр.; также (*доуси*): Мар., Асс. (*дси*), Савв. (*дси*), Остр.

Однако прямой связи между этими двумя словами не было. В греческом тексте евангелия никакой соотносительности в данном случае вообще не было: здесь в соответствии со старославянским *повиновати(сА)* мы постоянно находим только личные формы глагола *protopsesein*, в то время как старославянскому прилагательному *повиньнѣ* в греческом тексте, как мы уже отмечали выше, везде соответствует прилагательное *epochos*. Принимая во внимание сказанное, полагаем, что старослав. прилагательное *повиньнѣ* и глагол *повиновати(сА)* не были соотносительными (см. указанные выше места греческого текста евангелия).

Отметим также, что встретившееся в наших памятниках существительное *вина* (древнегреч. *aitia*) тоже управляет дательным падежом: *тако естѣ вина члвкоу с женоІ-У* — Мф., XIX, 10, Мар., Асс., Савв., Остр. Это существительное тоже никак нельзя считать соотносительным с прилагательным *повиньнѣ* (срв. соответствующее ему в греч. тексте *aitia* при *epochos*—*повиньнѣ*); однако же можно думать, что сочетания «*повиньнѣ*+дат. падеж» могли в некоторой степени поддержи-

ваться и сочетаниями дательного падежа с существительным *вина*.

* *

*

Прилагательное *оугодѣнѣ* употребляется в евангельских текстах в соответствии с древнегреч. *agesos* — «приятный, желательный, угодный». В обследованных текстах оно обнаружено лишь в одном месте, по которому трудно что-то решительно утверждать о способности этого прилагательного управлять дательным падежом или о том, насколько обязательно наличие зависимого слова в дательном падеже при этом существительном. Вот это место: *азѣ оугодѣна твор'І-У емоу* — И., VIII, 29, Зогр., Мар., Асс., Савв., Остр. (на странице 222а). Как видно из этого примера, прилагательное *оугодѣна* употреблено здесь — в отличие от рассмотренных выше прилагательных *подобѣнѣ* и *повинѣнѣ* — в качестве дополнения. Что касается зависимого от этого слова дательного падежа *емоу*, то этот дательный падеж в данном конкретном случае трудно совершенно бесспорно отнести к прилагательному *оугодѣна*; принимая во внимание порядок слов, больше, по-видимому, оснований считать дательный *емоу* зависимым членом при сказуемом *твор'І-У*. В другом же месте Остромирова евангелия (на стр. 28 г.) порядок слов иной, и здесь уже дательный падеж *емоу*, как нам кажется, относится к прилагательному *оугодѣна*, а не к сказуемому *творУ*, срв.: *азѣ оугодѣна І-емоу творУ* — там же, стр. 28 г. Греческий текст евангелия не оставляет сомнения в том, что первоначально имела в виду зависимость дательного *І-емоу* от прилагательного-дополнения *оугодѣна*, а не от глагола-сказуемого *твор'І-У*, срв.: *ta aresa autou poiw*, что в точности соответствует последнему варианту из Остромирова евангелия, стр. 28 г. Это могло бы свидетельствовать о том, что прилагательное *оугодѣнѣ* в качестве дополнения в эпоху старославянских памятников еще не могло иметь при себе зависимого слова; однако то обстоятельство, что указанная конструкция представлена лишь одним случаем, не дает основания для какого-нибудь определенного вывода.

При сказуемости же употреблении это прилагательное обычно управляет дательным падежом¹³. Способность прилагательного *оугодѣнѣ* (в качестве именной части составного сказуемого) управлять дательным падежом связана была, по-видимому, с тем, что соотносительный с этим прилагательным глагол *оугодити* тоже постоянно управляет этим же падежом, например: *и оугождыши иродови* — Мрк., VI, 22, Зогр., Мар.,

¹³ См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, стр. 1137 (в обследованных нами памятниках прилагательное *оугодѣнѣ* в сказуемости употреблении не обнаружено).

Асс., Савв., Остр. Аналогичная соотносительность между соответствующими прилагательным и глаголом была и в древнегреческом языке, где рядом с прилагательным **aresos** (старослав. *оугоднѣ*) известен был глагол **aresasein** (старослав. *оугодити*). При этом соответствующий древнегреческий глагол тоже, как и в старославянском языке, управлял дательным падежом; срв., напр., греч. текст евангелия, где при глаголе **aresases** (соответствует старославянскому *оугождѣши*) находим дательный падеж **Irwde** (соответств. старослав. *иродови*). Однако при прилагательном **aresa** в греческом тексте евангелия находим не дательный падеж, как в старославянском, а родительный **autou**.

* *

*

Прилагательное *достойнѣ* употребляется в обследованных памятниках в соответствии со следующими прилагательными греческого текста:

- а) ***aksios** = «достойный, заслуживающий (чего-то)».
- б) **ikános** = «принадлежащий».

В наших памятниках прилагательное *достойнѣ* может иметь при себе зависимое слово лишь в том случае, если оно соответствует по значению прилагательному **aksios** (= «достойный, заслуживающий чего-то») греческого текста евангелия, в связи с чем о прилагательном *достойнѣ*, соответствующем древнегреческому **ikános** ниже речи не будет¹⁴.

Прилагательное *достойнѣ* в значении «достойный, заслуживающий» может управлять двумя падежами: дательным и родительным.

Приводим все известные нам данные об употреблении дательного падежа при указанном прилагательном: **сѣтворите плодѣ достойнѣ покаанию** — Мф., III, 8, Асс., Остр.; **сѣтвори́те оубо плодѣ достойнѣ покаанию** — Л., III, 8, Зогр., Мар., Савв., Остр. (в Остр. — **плоды достойны**); **і вЕ оубо въ правѣду достойнаа бо дЕломъ наю въсприем'левЕ** — Л., XXIII, 41, Зогр., Мар., Асс., Остр.

Как показывает приведенный материал, прилагательное *достойнѣ*, управляющее дательным падежом, может выступать то в качестве определения (**плодѣ достойнѣ покаанию**), то в качестве дополнения (**достойнаа бо дЕломъ наю въсприем'левЕ**). Этим оно существенно отличается от всех рассмотренных выше прилагательных, способных управлять дательным падежом, которые везде в рассмотренных выше случаях зарегистрированы только в качестве предикативного члена.

¹⁴ Прилагательное *достойнѣ* в соответствии с древнегреческим **ikános** засвидетельствовано в евангелии от Луки, XV, 20, куда и отсылаем интересующихся.

Это свидетельствует о том, что в эпоху старославянских памятников прилагательные уже, по-видимому, могли управлять и в том случае, если они употреблялись не в качестве сказуемого.

Не является, видимо, случайным то обстоятельство, что зависимый член в форме дательного падежа при имени прилагательном *достойнѣ* во всех приведенных выше случаях представлен отглагольным существительным *покаати-е* (соотносит. с инфинитивом *покаати сА*), а также существительным *дЕло*, соотносительным с глаголом *дЕлати*. В евангельских текстах часто встречается глагол *достойтъ*, соответ. древнегреческому *eksesi* = «можно»¹⁵. Этот глагол соотносителен с прилагательным *достойнѣ* в старославянском; то же наблюдается и в древнегреческом: *aksios* — *достойнѣ*, *eksesi* — *достойтъ* («можно»). Так вот показательно, что этот глагол во всех известных нам случаях обязательно управляет инфинитивом: *аще достойтъ въ сУботы добро творити* — Л., VI, 2, Зогр., Мар., Асс., Остр.; см также: Мрк., II, 24, Л., VI, 2; Л., XIV, 3; Мф., XIX, 3; И., V, 10; И., XVIII, 28; Мрк., VI, 8. Вероятно, то обстоятельство, что прилагательное *достойнѣ* управляет только существительными, соотносительными с глаголами, в какой-то степени связано с тем, что соотносительный с этим прилагательным глагол *достойтъ* постоянно имеет при себе зависимый член — инфинитив.

Единственный случай наличия зависимого слова *дЕломѣ* при полном прилагательном *достойнаа* дает основание думать, что в тех случаях, когда старославянское прилагательное может употребляться то в краткой, то в полной форме (а это, как известно, возможно, если оно не является сказуемым), то каждая из этих форм может иметь при себе зависимое слово. Форма прилагательного, по-видимому, не являлась в старославянском языке решающим фактором, от которого зависела способность прилагательного к управлению.

В греческом тексте евангелия во всех тех случаях, где в старославянских памятниках прилагательное *достойнѣ* управляет дательным падежом, при соответствующем ему имени прилагательном *aksios* тоже находим зависимое слово, но не в дательном, а только в родительном падеже (см.: Мф., III, 3; Л., III, 8; Л., XXIII, 41). Очевидно, д а т е л ь н ы й падеж при *достойнѣ* есть черта с л а в я н с к а я.

¹⁵ Этот же глагол может иметь также значение «нужно, должно, следует»: *дохомъ и истиноу-у достойтъ клані-ати сА* — И., IV, 24, Зогр., Мар., Асс., Остр.; см. также: Л., II, 24; Л., XIII, 14. Глагол *достойтъ* в этом именно значении не является соотносительным с прилагательным *достойнѣ* = «достойный, заслуживающий», срв. греческий текст евангелия, где во всех указанных местах в соответствии с *достойтъ* = «нужно, должно, следует» находим *dei*, но не *eksesi*.

Выше говорилось, что прилагательное *достоинъ* может управлять также родительным падежом (а не только дательным). Вот относящийся сюда материал: *нЕсть мене достоинъ* — Мф., X, 37 (bis), 38, Зогр., Мар., Асс., Остр. (в Саввиной книге — *нестъ ми на подобУ*); *сътворите оубо плоды достойны покааниЕ* — Л., III, 8, Асс.; *сътворите оубо плодъ достоинъ покаания* — там же, Мар.

Последний пример особенно привлекает наше внимание, так как в других памятниках (см. выше) во всех соответствующих случаях мы находили не родительный, а дательный. По-видимому, родительный *покааниЕ* (*покаания*) при имени прилагательном *достоинъ* в Ассеманиевом и Маринском евангелиях следует объяснить подражанием греческому.

Прилагательное *длъжнь* в евангельских текстах имеет значения «должен (деньги)» и «обязан». И в том и в другом случае оно везде употребляется в соответствии с глаголом (а не прилагательным) *ofeilo* («я должен») греческого текста.

Прилагательное *длъжнь* по-разному себя ведет в зависимости от того, в каком из указанных выше двух значений оно употреблено.

Прилагательное *длъжнь* может управлять дательным падежом лишь в том случае, если оно имеет значение «должен (деньги)»: *іже бЕ длъжнь емоу* — Мф., XVIII, 28, Мар., Асс., Савв., Остр.; *колицЕмъ длъжнь гноу своему* — Л., XVI, 5, Зогр., Мар., Остр. (господиноу моему).

В других местах при указанном прилагательном в том же значении может быть зависимое слово в творительном падеже (значение этого творительного не связано с значением дательного): *въздаждь ми имъ же еси длъжнь* — Мф., XVIII, 28, Мар., Асс., Савв., Остр.; *длъжень тьмоІ-У талантъ* — там же, Асс., Остр. (в Саввиной книге — *длъжникъ тьмЕ талантъ*); *дъва длъжника бЕашета заімодавъцю етероу* (вариант: *нЕкоІ-емоу*) (и) *единъ бЕ длъжнь пАтъІ-У сътъ динарь* — Л., VII, 41, Зогр., Мар., Асс., Остр. Не исключена при этом возможность, что прилагательное *длъжнь* управляет здесь, кроме творительного, также дательным падежом, который был уже ранее упомянут при глаголе *въздаждь* (а именно — местоимение *ми*) и существительном *длъжникъ* (а именно — *заімодавъцю*); то есть в более полном виде указанные отрывки могли бы выглядеть так: *въздаждь ми имъ же еси ми длъжнь*; *дъва длъжника бЕашета заімодавъцю етероу (и) единъ бЕ длъжнь заімодавъцю пАтъІ-У сътъ динарь*.

Таким образом, дательный падеж в отмеченных случаях является дополнением при составном сказуемом, именной частью которого является *длъжьнѣ*.

В греческом тексте евангелия зависимое слово при глаголе *ofeilo* во всех отмеченных случаях тоже оформлено дательным падежом.

Обязательность дательного падежа при сказуемом, в состав которого входит прилагательное *длъжьнѣ*, связана была, по-видимому, с тем, что в тех же памятниках известны многочисленные случаи дательного при *въздати длъгѣ*. Кроме того, дательный падеж нередко употребляется также при существительном *длъжьникъ*: *единѣ длъжьникъ тѣмЕ талантъ* — Мф., XVIII, 24, Савв.; *дѣва длъжьника бѣашете заімодавъцю етероу* — Л., VII, 41; однако при этом существительном возможен был и родительный: *длъжьникъ господи своего* — Л., XVI, 5, Мар. (в Зогр. — *господЕ*). Вероятно, сочетания «именное сказуемое с прилагательным *длъжьнѣ* + дательный падеж» могли в определенной степени поддерживаться также сочетаниями «*длъжьникъ* + дат. падеж»¹⁶.

Прилагательное *равьнѣ* употребляется в наших памятниках в соответствии с двумя различными прилагательными греческого текста евангелия: *isos* и *pedinos*.

Прилагательное *равьнѣ*, соответствующее древнегреч. *pedinos*, имеет значение «ровный, плоский, гладкий». Оно засвидетельствовано только в качестве определения, при котором нет никакого зависимого слова: *ста на мѣстЕ равьнЕ* — Л., VI, 17, Зогр., Мар., Асс., Савв., Остр.

Прилагательное же *равьнѣ*, соответствующее древнегреч. *isos*, может иметь два значения: а) «сходный, подобный, равный (по значению)» и б) «достаточный». Это прилагательное в последнем из указанных значений тоже не имеет при себе зависимого существительного: *не бѣ равьно съвѣдѣтельство ихъ* — Мрк., XIV, 59, Зогр., Мар., Остр.; *мънози бо лъжи съвѣдѣтельствоваахУ на нѣ і не бѣахУ равьна съвѣдѣтельство* — там же, 56, Зогр. Мар., Остр.; *такое же не бѣ равьно съвѣдѣтельство ихъ* — там же, Зогр., Мар., Остр.

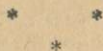
Прилагательное *равьнѣ* имеет при себе зависимое слово, притом обязательно в дательном падеже, только в

¹⁶ Следует учитывать при этом, правда, что значения дательного падежа при *длъжьникъ* не тождественны и не могут быть тождественны значению дательного при сказуемом с *длъжьнѣ*.

том случае, если оно соответствует древнегреческому *isos* и имеет значение «сходный, подобный, равный»: **равнь сА творА б(о)у** — И., V, 18, Зогр., Мф., Асс., Остр.; **і равньи намъ сътвориь І-А еси** — Мф., XX, 12, Мар., Асс. (и **равньи І-А намъ сътвориь есі**), Остр.

Таким образом, прилагательное *равнь*, управляющее дательным падежом, засвидетельствовано лишь в краткой форме, а в предложении является предикативным членом — вторым винительным — при переходных глаголах.

В обследованных памятниках не обнаружено никаких соотносительных с прилагательным *равнь* (в любом значении) слов (глаголов, существительных и др.).

Прилагательное *милъ* в обследованных памятниках, подобно прилагательному *длѣжьнь*, тоже употребляется только в соответствии с глаголом (а не с прилагательным) греческого текста евангелия: в греческом тексте евангелия везде там, где в старославянских переводах употребляется прилагательное *милъ*, мы находим личные формы глагола страдательного залога: **splahchniksomai** (что может соответствовать примерно: «меня разжалобил (народ)», «я разжалоблен (народом)» — Мрк., VIII, 2; **esplahchniste** (= «он разжалоблен им») — Л., XV, 20.

Прилагательное *милъ* (= буквально «жалкий») во всех известных нам случаях обязательно имеет при себе дательный падеж: **милъ ми естъ народъ съ** — Мрк., VIII, 2, Зогр., Мар. (народось); и **мили емоу бышА** — Мрк., VI, 34, Зогр., Мар.; и **милъ емоу быс(тъ)** — Л., XV, 20, Зогр., Мар., Асс., Савв., Остр.

Нам кажется не случайным, что прилагательное *милъ*, управляющее дательным падежом, употребляется в славянских переводах евангелия в соответствии с глаголом (а не с прилагательным) греческого текста. Это еще раз свидетельствует о том, что способность прилагательных к управлению больше в IX—XI вв. была развита в славянских языках, чем, скажем, в греческом.

Как видно из приведенного выше материала, прилагательное *милъ*, управляющее дательным падежом, везде является именной частью составного сказуемого и, естественно, представлено только краткой формой.

В греческом тексте евангелия при соответствующих этому прилагательному личных формах глагола тоже везде находим только дательный падеж.

Это прилагательное, как и прилагательное *равнь*, не имеет соотносительных с собою глаголов или существительных.

ИТОГИ

1. Итак, в Зографском, Маринском, Ассеманиевом и Остромировом евангелиях и в Саввиной книге дательный падеж может употребляться со следующими именами прилагательными: *подобьнъ, повиньнъ, оугодьнъ, достоинъ, длъжьнъ, равньнъ и милъ*.

2. Каждое из этих прилагательных обладает различной способностью к управлению, в частности различными способностями иметь при себе зависимое слово в дательном падеже. Способность отдельных прилагательных управлять дательным падежом может быть ограничена лишь определенными (отдельными) значениями данного слова.

3. В большей части случаев старославянские прилагательные, управляющие дательным падежом, находились в определенной словообразовательной или лексической связи с другими словами, которые тоже обычно управляют дательным падежом. Однако отдельные прилагательные, управляющие дательным падежом (*равньнъ, милъ*) являются изолированными.

4. В большей части случаев старославянские имена прилагательные, управляющие дательным падежом, являются именной частью составного сказуемого; способность этих прилагательных иметь при себе зависимое слово связана с их предикативным употреблением, обусловлена их сказуемостью. Дательным падежом могли также (но реже) управлять имена прилагательные, выступающие в функции второстепенных членов предложения.

6. Как правило, лишь краткие прилагательные могут в старославянском языке управлять дательным падежом, однако известен один случай управления и при полном прилагательном.

Такая относительная редкость управления при полных прилагательных в старославянском языке была, по-видимому, связана не столько с различиями в значениях полных и кратких прилагательных, сколько с их функцией в предложении. Ибо, согласно сказанному выше, в большей части случаев прилагательные, управляющие дательным падежом, являются именной частью составного сказуемого; а в этой функции, как известно, в старославянском языке употреблялись только краткие прилагательные¹⁸.

¹⁸ О том, как зависит способность прилагательных к управлению от их синтаксической роли в предложении в современном русском языке, см. опубликованную в настоящем выпуске «Ученых записок» статью Л. Р. Евсеевой. «О влиянии синтаксических функций имени прилагательного на его способность к управлению».

7. Управление при именах прилагательных в эпоху старославянских памятников было более свойственно старославянскому языку, чем древнегреческому.

ИСТОЧНИКИ

1. Зографское евангелие (Зорг.): *Quattor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitani*. Берлин, 1879 (Изд. И. В. Ягича).

2. Мариинское евангелие. (Мар.): И. В. Ягич. Памятник глаголической письменности. Мариинское четвероевангелие с приложениями и примечаниями. Спб., 1883.

3. Ассеманиево евангелие (Асс.): *Evangelium Assemani. Codex Vaticanus...* Vydal J. Kurz. Том I, II, Изд. Чехословацкой АН, Прага, 1955.

4. Саввина книга (Савв.): Памятники старославянского языка, I, вып. 2, Спб., 1903 (Изд. В. П. Щепкина).

5. Остромирово евангелие (Остр.): А. Востоков [издатель]. Остромирово евангелие 1056—57 года. Спб., 1843.

М. ШЕРШНЕВА

**ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ
ЛИЦА В ГЛАГОЛАХ ВТОРОГО ПРОДУКТИВНОГО
КЛАССА**

Категории лица, времени и наклонения являются формообразующими. Однако ни формы времени, ни наклонения не образуются без форм лица.

В сложной системе спряжения глаголов изменение по лицам является основным изменением, так называемым фундаментом глагольного спряжения, потому что указывает на отношение действия и его субъекта к говорящему лицу и является тем признаком, который отличает глагол от других частей речи.

Формообразующие глагольные категории лица, времени, наклонения проявляются в любом словообразовательном классе глагола. Это, однако, не исключает того, что в каждом глагольном разряде имеются свои особенности, которые в отдельных случаях могут оказывать влияние не на существо категорий, а на конкретные формы ее проявления. Так, в глаголах второго продуктивного класса значительное большинство глаголов обладает всей системой лиц, но в некоторых случаях лексическое значение обуславливает наличие или отсутствие личных форм, и это приводит к тому, что ряд глаголов, обозначающих различного рода процессы, которые осуществляются только в сфере неодушевленных предметов, не употребляется в формах 1 и 2 лица.

Все глаголы второго продуктивного класса, которые не употребляются в 1 и 2 лице, можно разделить на две разновидности: 1. глаголы, которые в необходимом случае могут быть использованы в форме 1 и 2 лица (например: тускнеть, пустеть, темнеть, тлеть и другие), и 2. глаголы, которые, хотя

и образуют 1 и 2 лицо, в таких формах не могут быть использованы в силу своего лексического значения (например: **вызвездеть**, **заштилить** (спец.) и другие).

Всего глаголов на -еть, не употребляющихся в формах 1 и 2 лица, более семидесяти. По значению их можно разделить на следующие группы:

1. Слова, обозначающие явления природы: **вызвездеть** (К ночи стало морозней, темное небо густо вызвездело. Б. Полевой), **заштилить** (спец.) (Совсем заштило Японское море... Алымов), **травенеть** (Залежи стали травенеть. Даль).

2. Слова со значением приобретения свойства: **посвежить** (Ветер посвежел, покрепчал. Даль), **твердеть** (Опухоль твердеет), **червиветь** (Яблоки червивеют), **тускнеть** (— Вам говорю, Максим Корнеевич, какое оказывается средство, чтоб первый орден не тускнел, второго надо добиваться. В. Овечкин), **густеть** (Запах густел, наливался силой... Б. Горбатов), **мелеть** (Каспий, это гигантское озеро, самое крупное на земном шаре, мелет, что особенно заметно в северной его части... «Литер. газета»), **пустеть** (Вечер. Залы Дрезденской картинной галереи пустеют. Воцаряется глубокая торжественная тишина...), **стекленеть**, **темнеть**, **трухляветь**, **тяготеть**, **ржаветь**, **влажнеть**, **редеть**, **теплеть**, **перезреть** (о плодах), **спеть** (о плодах), **тлеть**, **подопреть**, **шершаветь**, **яснеть**, **псоветь**, **студенеть**, **типунеть**, **яловеть** и др.

3. Слова со значением «виднеться в определенном цвете»: **белеться**, **чернеться**, **желтеться**, **алеться**, **багрянеть**, **темнеться**, **сереться**.

Некоторые глаголы второго продуктивного класса не употребляются в первом и втором лице в отдельных своих значениях: глаголы типа **белеть**, **чернеть**, **желтеть**, **синеть** в значении: «виднеться в определенном цвете». На вазах **зеленели** огурцы, **краснели** помидоры, громоздились решета с ягодами. (Вдали **темнеет** лес); **потеть** в значении: покрываться влажным налетом, каплями осевшего пара (разг.). (Окна **потеют**); **светлеть** в значении: 1. виднеться (о чем-то светлом) и 2. делаться светлее. (На улице **светлеет**); **леденеть** в значении: превращаться в лед. (Вода начинает **леденеть**); **разопреть** в значении: прея, разбухнуть, размякнуть. (Каша **разопрела**); **попреть** в значении: покипеть, попечься, попариться в своем соку (о кушаньях). (Щи **попрели**, к обеду поспели).

Приведенный материал показывает, что целый ряд глаголов второго продуктивного класса употребляется только в форме 3 лица.

Наряду с семантическими причинами отсутствия тех или иных форм лица, могут быть указаны и грамматические. В частности, в академической «Грамматике русского языка» (§ 740) указывается: преимущественно в третьем лице употребляются формы страдательного и некоторых глаголов воз-

вратно-среднего залога; нам кажется возможным дополнить эти данные указанием на группу глаголов второго продуктивного класса везалоговых с аффиксом -ся в значении «виднеться в определенном цвете»: **алеться, белеться, чернеться, краснеться, синеться, желтеться** и под. Сюда следует отнести и глаголы **тлеться, иметься, отпечатлеться, разуметься, виднеться**, которые употребляются в современном языке только в третьем лице (В полумраке виднелись разбросанные повсюду альбомы, связки чертежей, фотоснимки. «Московская правда»).

Значительное число глаголов второго продуктивного класса в определенных синтаксических конструкциях выступает в безличном значении: **завиднеться, заголубеть, светлеть, посвежеть, болеть, теплеть, темнеть, зеленеть, заштителъ, вызвездеть, похолодеть** и другие. Причем употребление личных глаголов в безличной форме в одних случаях не влечет за собой изменения лексического значения слов (**болеть, завиднеться, заголубеть** и под.), в других же—значения далеко отходят друг от друга (ср.: глаза **потеплели** и на дворе **потеплело**; лицо **посвежело** и сразу **посвежело**).

Безличных глаголов второго продуктивного класса в языке мало: **вечереет (вечерело), холоднеет (холоднело)** и другие.

Наряду с указанными особенностями рассматриваемых глаголов заметим, что во втором продуктивном классе нет безличных форм с аффиксом -ся (типа **нездоровится, не спится**), хотя у акад. А. Шахматова сказано, что в современном русском языке от всех глаголов, не имеющих аффикса -ся, могут быть образованы глаголы безличного значения с аффиксом -ся.

Исследование грамматических помет, отражающих образование личных форм глаголов в толковых словарях русского языка, показало, что в этом вопросе составители последних стоят на разных точках зрения.

В Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова категория лица указывается не только на основании реальных, но и потенциальных возможностей глагола образовать формы лица, иначе: там указываются не только те формы, которые употребляются в современной живой речи, но и те, которые глагол способен образовать (хотя они и не функционируют в языке). Например: при глаголах **густеть, тускнеть, перезреть, чуметь, яловеть, тигунеть** есть грамматические пометы: -ею, -ешь. В живой речи такие формы этих слов не употребляются; формы первого и второго лица от **чуметь, яловеть, тигунеть** невозможны, так как они относятся к животным и

птицам. То же можно сказать о глаголах **трухляветь**, **шершаветь**, **травенеть**, **яснеть**, **студенеть**, **заштитить**, **вызвесть** и ряде других, которые употребляются в современном языке только в форме третьего лица.

Конечно, некоторые из этих глаголов могут быть употреблены в 1 и 2 лице, но в основном только в речи метафорической, а это уже область специальная, стилистическая, и к общему употреблению слов не относится. Это не учтено при составлении словаря.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова пометы о форме лица глагола даются с учетом реального их употребления. Здесь отмечено много слов из числа глаголов второго продуктивного класса, которые употребляются не во всех лицах. Так, **густеть**, **тускнеть**, **перезреть**, **яловеть**, **типунеть** и другие даны с пометой: «в 1 и 2 л. не употребляется».

Однако отметим, что в языке есть глаголы второго продуктивного класса, которые не употребляются в формах первого и второго лица в силу своего лексического значения, но в Словаре С. И. Ожегова эти глаголы не внесены, а в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова даны с указанием личных окончаний, как и все другие глаголы; к ним относятся: **доспеть**, **перетлеть**, **выпреть**, **напреть**. **Доспеть** (разг.) означает: сделаться совсем спелым, созреть. (Фрукты еще не доспели). **Перетлеть** (разг.) 1. Испортиться или сгореть от медленного тления (обо всем или многим). (Все полотно в сундуке перетлело). 2. От тления разделиться надвое, на части. (Спичка перетлела пополам). **Выпреть** — 1. Погибнуть, загнивая от прения (о посевах, зерне). (Овес совсем выпрел). **Напреть** (простор.) — стать воспаленным, сопреть. (Кожа напрела).

Все эти глаголы в личной форме могут иметь только третье лицо.

Таким образом, особенностью в образовании форм лица в глаголах второго продуктивного класса является то, что среди них есть слова:

- а) обладающие формами всех трех лиц (типа **умнеть**),
- б) имеющие только форму третьего лица, из которых одни употребляются в личном значении (типа **тускнеть**), другие — как в форме личной, так и безличной (типа **свежеть**), третьи — как безличные (типа **вечереть**).

Только в форме третьего лица употребляются глаголы со значением:

- а) состояния природы (**вызвесть**, **стемнеть**),
 - б) приобретения свойства (**влажнеть**, **твердеть**),
 - в) виднеться в определенном цвете (**чернеться**, **желтеться**),
- а также некоторые глаголы в отдельных своих значениях (например: группа глаголов типа **белеть**, **сереть** в значении «виднеться в определенном цвете» и другие).

Р. ОВЧИННИКОВА

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА
д. Б. КУГУНУР КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ**

(Склонение имен существительных)

Целью работы является описание системы склонения имен существительных одного из говоров Кировской области. Для изучения взят говор Кировской области, потому что говоры этой области, сохранив многие архаичные черты, дают богатый материал для истории русского языка. В то же время они все еще слабо описаны, а говор д. Большой Кугунур не описан совсем.

Работа построена на материале, собранном автором в д. Б. Кугунур, Средний Кугунур, Малый Кугунур и Лесниковы Арбажского района Кировской области в 1945, 1946, 1949 и 1953 годах. Все эти деревни находятся на небольшом расстоянии друг от друга, тесно связаны между собой и с д. Б. Кугунур (все они в разное время выселились из д. Б. Кугунур), поэтому и говоры их до сих пор остаются одинаковыми. Исходя из этого, в основу описания положен говор старейшего поселения, д. Б. Кугунур.

В статье ставятся следующие задачи:

1. Дать описание системы склонения имен существительных.
2. Показать изменение ее, развитие под влиянием литературного языка.

Для разрешения этих задач использовались записи речи людей разных возрастов и различного общественного положения.

В результате анализа собранного языкового материала были установлены черты традиционного говора и элементы нового.

Традиционный говор ярче всего проявляется в речи женщин старшего поколения, в противоположность этому, элементы нового отмечаются в речи колхозного актива (председателя колхоза, бригадиров, счетовода, передовиков полеводства и животноводства) и особенно в речи местной интеллигенции (учителей, зоотехника, агротехника и пр.).

В основу наблюдений положена бытовая речь, записанная в домашней обстановке и в общественных местах, использовались записи выступлений на колхозных собраниях, совещаниях актива и пр., записи фольклорного материала: частушки, песни, загадки и пр. Кроме того, изучались протоколы колхозных собраний и заседаний правления, письма колхозников, просматривались школьные тетради учащихся.

В качестве сопоставительных материалов использовались все печатные работы по вятским говорам.

Подробная характеристика говора и материалов, использованных для описания, дается в статье «Синтаксические особенности говора д. Б. Кугунур Кировской области»¹.

Единственное число

По системе падежных флексий существительные разделяются на 3 склонения.

1-ое склонение

К 1 склонению относятся существительные на -а. В большинстве случаев это существительные женского рода типа: *засу'ха, ребина, старуха, трава, сноха, весна, сестра, изба, вода, мука; палоч'к'а, куриц'а, швейа, золо'в'яа, пес'н'а, бан'а, Главд'а* («Клавдия»). Кроме того, сюда относится небольшая группа существительных мужского рода, обозначающих лиц мужского пола, и существительные общего рода: *д'ад'а, т'ат'а, суд'яа, староста, муш'ш'ина, друшка, Ван'ушка, Гриша, Сер'ожа; сирота, недотрога, засона (соня)*² и др. По словарному составу группа существительных, относящихся к 1 склонению, в говоре значительно шире, чем соответствующая группа имен в литературном языке. Так, сюда относятся некоторые существительные, исторически восходящие к другим типам склонения, ряд слов иноязычного происхождения, отдельные имена собственные, относящиеся в литературном языке к

¹ Р. С. Овчинникова. Синтаксические особенности говора д. Б. Кугунур, Кировской области. «Ученые записки Томского университета», В. 19, 1954 г.

² По техническим причинам в работе используется упрощенная транскрипция.

мужскому роду. Например: *церква, свекрофка* или *свекров'я, ди'т'а* (с ударением на основе); *заработка, ужина; мага'зина* (название общественного амбара, где хранилось зерно до коллективизации), *литра, минима; Котел'нич'а, Котласа*. Характерной чертой этого склонения для большинства говоров русского языка является совпадение форм род., дат. и предл. пад. В говоре д. Б. Кугунур эта черта не отмечена.

Род. пад.: *заботы-ту разве нет, в'орсты нет, капусты много narосло, прин'оси воды, из офчины, од бабы, бес коровы;*

Дат. пад.: *корове, по бригаде, Надежде, Наташе; Марийе, Германейе, к армейе, линейе.*

Вин. пад.: *корову, Наташу, в бригаду, воду, в избу, на ферму, на свад'бу;*

Твор. пад.: *за водой, машиной, весной, зимой-ту, с сестренницей, за козой-ту, с собакой, со св'оклой, лошечк'ой, с сигарочк'ой, лопаточк'ой, за Котел'нич'ой, з Зойой.*

Предл. пад.: *ф середине, о дисциплине, на работе, на стороне, в бригаде, на свад'бе, в воде, в избе, на ферме, о Марийе, в Германейе, в армейе, на линейе.*

Твор. пад. в говоре д. Б. Кугунур имеет только один вариант окончания *-ой*, даже после основ на мягкий согласный, что, очевидно, объясняется фонетическими особенностями говора.

Существительные I склонения в говоре имеют формы звательного падежа, образованные усечением основы. Кроме того, в зват. падеже используются формы именительного падежа с удлинением гласного флексии и повышением тона на нем: *Нин! Тамар! Ал! Ман! Мам! бабуш! Грун'ка-а! мамка-а! Федоска-а! тет'а-а! Ван'ушка-а! Гришка-а!*

Существительное *свекровь* в говоре имеет несколько основ: 1) на твердый губной (без суффикса, с нулевой флексией): *свекроф* (о склонении слова с этой основой см. III склонение), 2) оканчивающуюся на суф. *-j*: *свекров'j-а*, 3) оканчивающуюся на суф. *-к*: *свекроф-к-а*. В настоящее время формы этого существительного, образованные от 3-х разных основ, используются в говоре не одинаково: наибольшее распространение имеют формы от основ с суф. *-к-* (*свекроф-к-а, свекроф-к-и* и пр.); наряду с ними в речи всех представителей говора отмечаются и формы от основы на твердый согласный с нулевой флексией, но значительно реже, чем первые. Что же касается форм от основы с суф. *-j-*, то они в говоре встречаются (даже в речи сельской интеллигенции) лишь в том случае, когда говорящий стремится выразить уважение, почтение к данному лицу (свекрови), дает ему положительную характеристику: *да мне неч'о на свекров'юу жаловатца, дай бох бы так жит' каждому. У Шуры хороша сверков'яа попала.*

Две формы (с нулевой флексией и флексией *-а*) имеет и существительное *церковь* (*церкоф* и *церква*). Но о степени

распространения форм от обеих основ в речи различных представителей говора говорить трудно, т. к. в настоящее время слово *церковь* перешло в пассивный словарь говора и употребляется редко, даже в речи стариков.

II склонение

Ко II склонению относятся существительные мужского и среднего рода.

1. Существительные муж. рода с нулевой флексией в им. пад. с основой на твердый или мягкий согласный и на -j: *ов'ос*, *клевер*, *л'он*, *старик*, *жених*, *горох*, *график*, *кисел'*, *парен'*, *противен'*, *йечмен'*, *зет'*, *огон'*, *пен'*, *ден'*, *руп* (рубль), *конеч'*, *отец'*, *холостец'*, *врач'*; *урожай*, *спокой*, *чай*, *воробей*, *репей*, *Митрей*, *Олексей*, *Андрей*, *Сергей* и пр.

2. Существительные муж. рода с окончанием -о в им. пад. с суффиксами -ушк-, -ишк-: *дедушко*, *бат'ушко*, *фел'шеришко*, *парнишко*, *мал'чишко*. К этой же группе относятся и некоторые имена собственные (личные мужские имена и клички животных): *Санко*, *Данило*, *Олексейк'о*, *Ондрейк'о*; *Серко*, *Буланко*, *Воронко*, *Рышко* и др.

3) Существительные среднего рода на -о (с основой на твердый или мягкий согласный, на j): *молоко*, *дело*, *толокно*, *пис'мо*, *зерно*, *м'асо*, *решето*, *гор'о*, *пол'о*, *плат'йо*, *учен'йо*, *терпен'йо*, *переживан'йо*, *сбран'йо*, *йеич'к'о*, *ме'стеч'к'о* и др.

4) Существительные иноязычного происхождения и аббревиатуры на -о, не изменяемые в литературном языке: *кино*, *пал'то*, *б'уро*, *сел'по*, *райзо*, *роно* (дак ты ровно ф пал'те была; пал'та-ту нет у меня; мне охота ф кине побывать; кина-ту нет с'одне; на буре опсуждали, з б'ура поздно пришли; сахар ф сел'не дадут; ис сел'па иду; у райза остаавливайт'ос', в райзе роботайот).

5) Существительные среднего рода на м'о: *врем'о*, *тем'о*, *вым'о*, *сем'о*, *знам'о*, *им'о*, *плам'о* (склоняются как сущ. среднего рода на -о с основой на мягкий согласный: *врем'о* — нет *врем'а* — ко *врем'у* — *врем'о* — *врем'ом* — обо *време*).

6) Существительное *обуй* (обувь), имеющее в литературном языке иное родовое значение: *у роб'онкоф фс'акой обуй йес'*, *какова надо*; *без обуйу бегають*; *плохо с обуйом*.

По характеру падежных окончаний это склонение почти ничем не отличается от соответствующего склонения в литературном языке:

И. — стол	парен'	пис'мо	пол'о
Р. — стола	парн'а	пис'ма	пол'а
Д. — столу	парн'у	пис'му	пол'у
В. — стол	парн'а	пис'мо	пол'о
Т. — столом	с парн'ом	пис'мом	пол'ом
П. — на столе	на парне	ф пис'ме	ф поле

Отдельные замечания следует сделать лишь о формах родительного и предложного падежей. В род. и предл. пад. в описываемом говоре окончание *-у* употребляется значительно шире, чем в литературном языке.

Род. пад.: *солоду, луку, пуху, песку, пепелу, м'оду, гороху, ч'айу, бес сахару, от табаку, нет народу, мало толку, разговору, шуму много, нет проку, не давай спуску, петиту нет, йефекту нет; из лесу, из дому, из носу, из роту, из логу, от роду, без году, бес пойесу, до вечеру, до городу; гостинцу, заработку, коленкору, до порогу, без навозу, с огороду, од заводу, со стулу, з базару, для колхозу, со фронту; для своо сыну, мойово сы'ну тол'ко и нету.*

Из примеров видно, что окончание *-у* отмечается не только у существительных с вещественным, собирательным и абстрактным значением, у конкретных существительных с подвижным ударением (обычно с предлогами), но у существительных с неподвижным ударением и даже у одушевленных существительных. Флексия *-у* в род. пад. ед. числа существительных мужского рода в говоре д. Б. Кугунур продуктивна. Это подтверждается тем, что с ее помощью образуются формы род. пад. ед. ч. от существительных, пришедших в говор сравнительно недавно: *турнепу, каустику, для антиресу, петиту нет, нет йефекту, для колхозу*. Такая картина в образовании форм род. пад. ед. числа от существительных мужского рода наблюдается в речи всех представителей говора. Исключение представляет лишь образование форм род. пад. ед. числа с флексией *-у* от одушевленных существительных (примеры этого типа отмечены только в речи представителей старшего поколения).

Предложный падеж: *на ветру, на мосту, на возу-ту, на дому, на боку, на борту, на м'оду, на полу, в лесу, в зобу, во цвету, в отпуску, в йетом месечу, в городе, ф пологу, на д'н'у, в роту, во лбу, в моху.*

Флексия *-у* отмечается у неодушевленных существительных, имеющих непронизводную односложную основу, реже у существительных двусложных. Параллельные формы с флексией *-е* отмечаются только у двусложных существительных, причем чаще в речи актива и сельской интеллигенции (*в отпуску — в отпуске, в йетом месечу — в йетом месяце, на сахару — на сахаре, на берегу — на берегу, в городе — в городе, на вороту — на вороте, ф пологу — ф пологе*), но и здесь значительно реже, чем формы на *-у*.

Особых замечаний требует склонение сущ. *день, рубль*. Существительные *рубль (руп)*, *день* в говоре д. Б. Кугунур в род. пад. ед. числа имеют флексию *-и* (*нет йеднова рубли, два дни прошло*), но наряду с этим известна здесь и флексия *-а* (*два рубл'а, два д'н'а*). Для существительного *рубль* в речи стариков в род. пад. ед. числа основной флексией является *-и*, у ак-

тива и сельской интеллигенции наряду с флексией *-и* отмечается флексия *-а*, но преобладает и здесь первая. Существительное *день* с флексией *-и* в род. пад. ед. числа отмечено в речи всех представителей говора, но в речи стариков формы с этой флексией преобладают над формами с *-а*; у актива же и сельской интеллигенции шире распространены формы с флексией *-а*. Существительное *день*³ в форме дат. пад. ед. числа наряду с флексией *-у* в описываемом говоре имеет и флексию *-и*. Только с этой флексией слово *день* известно в речи стариков, господствующее положение занимает она и в речи актива и сельской интеллигенции.

В предл. пад. ед. числа существительные *рубль*, *день* в говоре имеют 2 флексии — *-и* и *-е*: *О Петрове дни*, *об одном рубли*, *об этом дне*, *об одном рубле*. В настоящее время под влиянием литературного языка флексия *-и* вытесняется (формы с флексией *-и* в предл. пад. ед. числа отмечены только в речи стариков).

III склонение

К III склонению относятся существительные женского рода с нулевой флексией, основа которых оканчивается на мягкий согласный, шипящий или отвердевший губной: *осен'*, *облас'*, *жис'*, *двер'*, *шерс'*, *лошет'*, *договор'оннос'*, *памет'*, *ответственнос'*, *рош*, *мыш*, *ноч'*, *реч'*, *печ'*, *озим*, *любоф*, *маркоф*, *мат'*, *доч'*, *свекроф*, *церкоф*.

III склонение в говоре д. Б. Кугунур — разрушающаяся категория. Такой вывод подтверждается и словарным составом (группа существительных, относящихся к III склонению, не расширяется, а убывает, т. к. некоторые существительные перешли в более продуктивное I склонение), и характером флексий этого склонения.

Род. пад. — *-и*: *грез-и-ту нет*, *боли не стало*, *памети нет*, *дай соли*, *до осени*, *шерсти-ту наспросилас'а*, *полыни запарила*, *ответственности нет*, *некакийо вести нет*, *лошеди просит' надо*, *некакийо мыши нет*, *посейела озими*, *выдерни моркови* и пр.

Дат. пад. — *-е*: *к лошаде'*, *ко дворе'-ту*, *по мы'сле*, *по со'весе*, *по грезе'-ту*, *к осени'*, *по па'мете*, *по рече'*, *к но'че*, *к пе'че*, *о'зиме подкорм надо* и пр.

Вин. пад. совпадает с именительным.

Творит. пад. — *-йу*, *-ей*, *-ой*, *-йой*: *с сол'йу*, *осен'йу*, *з грез'йу*, *за лошед'йу*, *ж жис'йу*, *с облас'йу*, *с совес'йу*, *ш шерс'йу*, *ноч'йу*, *озим'йу*, *с марковйу*; *с солей*, *осеней-ту*, *з грезей-ту*, *з гармоней*, *ночей-ту*; *с сол'ой*, *осен'ой*, *грез'ой*, *ж жис'ой*, *ноч'ой*, *осен'йой*, *с сол'йой*, *ноч'йой*, *грез'йой*, *ж жис'йой*, *с лошаd'йой*, *с озим'йой* и пр.

³ Существительное *рубль* с флексией *-и* в дат. пад. ед. числа в говоре не встретилось.

Предл. пад. — *-е*: в ведомосте, в йетой жисте, в грезе', на лошеде', в двере'-ту, ф па'мете, в горсте', ф пече', во рже, на о'зиме и пр.

В дат. и предл. пад. отмечается флексия *-е*, перенесенная сюда из продуктивного I склонения. Так образуются формы дат и предл. пад. в речи всех представителей говора. Отступления, имеющиеся здесь, незначительны (в речи сельской интеллигенции, наряду с указанными формами, отмечаются (очень редко) и формы с флексией *-и*).

Твор. пад. в говоре д. Б. Кугунур имеет несколько флексий. Наибольшее распространение, как показывают материалы, имеют здесь флексии *-йу* и *-йой* (отмечены в речи всех представителей говора). В речи стариков преобладающее распространение получила флексия *-йой*, наряду с нею отмечаются *-ей*, *-ой*, реже *-йу*. (Флексия *-ой* встречается только в речи представителей старшего поколения). В речи актива и сельской интеллигенции большее распространение имеет флексия *-йу*; флексии *-йой* и *-ей* (особенно последняя) отмечены реже и наряду с первой (ночей, но *ноч'йу*, *осен'йой*, но и *осен'йу*, с *рож'йой*, но с *рож'йу*).

Таким образом, и в твор. падеже мы видим влияние на это склонение более продуктивного I склонения: флексии *-ей*, *-ой* появились по аналогии с I склонением на месте древней флексии *-йу*, что же касается флексии *-йой*, то ее можно считать своеобразной комбинацией двух флексий — старой *-йу* и *-ой* из I-го склонения⁴.

Таким образом, в речи стариков получили распространение формы с флексией *-ой*, *-ей*, *-йой*. Что же касается флексии *-йу* в речи актива и сельской интеллигенции, то она — вторичное явление, появившееся здесь под влиянием литературного языка.

В группе существительных женского рода с нулевой флексией несколько особняком стоят существительные с основой на *-ер*. Формы дат., твор. и предл. пад. этих существительных в говоре ничем не отличаются от подобных форм других существительных этого же склонения (к матере, з дочере, реже к матери, з дочери; с матер'йу, з дочер'йу, з дочерей, с дочер'йой; о матере, о дочере; наряду с этим — о матери, о дочери). Но некоторые особенности наблюдаются в образовании форм имен., род. и вин. пад. ед. числа. Так, в имен. пад. отмечается 3 варианта форм: *мати, дочи; матер', дочер'; мат', доч'*. В речи старшего поколения более распространены формы *мати, дочи*, несколько реже отмечаются формы *матер', дочер'*, очень редко — *доч'*; слово *мат'* в имен. пад. ед. числа, по нашим наблюдениям, имеет оттенок пренебрежительности; по-видимому,

⁴ В. Г. Орлова. О говоре с. Пермас Николаевского района Вологодской области. «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. I, М.-Л., 1949 г., стр. 58.

последним объясняется то, что в речи представителей старшего поколения это слово в такой форме совершенно не встретилось. У актива, сельской интеллигенции и в детской речи в имен. пад. ед. числа наибольшее распространение получили формы *матер'*, *дочер'*; формы *мати*, *доци*, *доц'* встречаются, но реже. Слово *мат'* в речи актива, сельской интеллигенции и детей, как и в речи стариков, в имен. пад. ед. числа почти не отмечено.

Род. пад. — *у матери*, *у дочери*. В речи отдельных представителей говора — *от мати*.

Вин. пад. образуется в говоре по типу имен. пад., т. е. отмечаются формы: *мати*, *доци*, *матер'*, *дочер'*, *мат'*, *доц'*. Но степень распространенности этих форм в вин. пад. несколько иная, чем в имен.: наибольшее распространение имеют формы *матер'*, *дочер'*, шире, чем в имен. пад., отмечаются формы *мат'*, *доц'*. (В то время, как в имен. пад. форма *мат'* отмечается очень редко, в вин. пад. она известна в речи всех представителей говора, причем без отрицательной эмоциональной окраски), формы же *мати*, *доци* встречаются редко, даже у стариков.

Существительное *свекроф* (с основой, оканчивающейся на твердый губной согласный) формы косвенных падежей образует как типичное существительное III склонения: *свекроф* — *свекрови* — *свекрове*, *свекроф* — *со свекров'ой*, *со свекров'йой* и *со свекров'йу* — *при свекрове*).

Особое место в системе склонения сущ. в говоре д. Б. Кугунур занимает слово *путь*. В литературном языке для существительного *путь* известны формы обоих чисел, в говоре отмечены только 3 формы ед. числа. Чаше других встречается форма дат. пад. — *по путе*, изредка (в речи старшего поколения) формы твор. пад. — *путь'ом* и род. пад. — *бес пути-ту*. В речи актива и сельской интеллигенции отмечается только форма дат. пад. ед. числа — *по путе*.

Исчезновение особого типа склонения этого существительного в говоре д. Б. Кугунур объясняется тем, что слово *путь* употребляется здесь очень редко. (Понятие «путь» обозначается словом *дорога*, слово *путь* (в косвенных падежах) в говоре отмечается только в наречных образованиях со значением «правильно», «хорошо», «ладно». *Ч'о ты шумиш-ту, ругайошиш?* по *путе говори*; *куда ты торопишиш?* *путь'ом обувайс'а*, как *следовайот*; *нету толку ф' хозяйстве у них*, *бес пути фс'о ид'от*).

Множественное число

Во множественном числе в говоре д. Б. Кугунур нет того разнообразия форм, которое наблюдается в единственном числе. Существительные всех 3-х склонений во множественном числе имеют одну систему падежных форм.

В именительном падеже отмечаются следующие флексии: *-ы, -и, -а*. Флексии *-ы, -и* в говоре известны у тех же существительных, что и в литературном языке (у существительных муж. и жен. рода: *ты* у сущ. с основой на непалатальный согласный, *-и* у сущ. с основой на заднеязычный, шипящий и палатальный согласный): муж. род. — *снопы-ти, комбайны, колхозы, столы, дворы, старики-ти, роб'онки, колхозники, сапоги, пастухи, парни, родители, председатели, лапти, йети дни, дожжи, товарищиши* и пр.; жен. род. — *нивесты, брегaды, дефки, овечки, йаготки, бумаги-ти, мухи, песни, кучи-ти, учитель'ничии, кости, лошади, дочери* и пр. Кроме того, флексии *-ы, -и* имеют и некоторые сущ. среднего рода: *судны, окошки, кол'осики, уши-ти, коленки, веки* и пр.

В противоположность этому, флексия *-а* в им. пад. мн. ч. в говоре д. Б. Кугунур отмечается значительно шире, чем в литературном языке.

Как и в литературном языке, флексию *-а* в имен. пад. мн. числа имеют существительные среднего рода с основой на палатальный и непалатальный согласный: *дела, с'ола, места, слова-ти; полотен'ч'а, мероприятий'я, плат'я, услов'я*; существительные муж. рода с подвижным ударением: *года, моста, дома, корма, луга, снега, волоса-ти, пастуха; глаза, рога, берега, жорнова, рукава; центера, трактора, делектора, сорта-ти, паспорта*.

Но, кроме названных слов, флексия *-а* отмечается у существительных с неподвижным ударением на основе: *венчика, плечика, ушка*; а также у сущ. *рошка-ти, гласка*. Существительные *волоса, пастуха, года, моста* у актива, сельской интеллигенций и в детской речи отмечаются и с окончанием *-ы (-и)*. В речи же стариков эти слова известны только с окончанием *-а* в им. пад. мн. числа. Кроме того, в описываемом говоре неударное окончание *-а* в имен. пад. мн. числа отмечено у существительных муж. рода, имеющих в ед. числе суффикс *-анин, -ин*: *крес'яна, горожана, пойежжана, помочана, прихожана, татара, цыгана*. Окончание *-а* в имен. пад. ед. числа наблюдается и у некоторых сущ. муж. рода, имеющих во мн. числе основу, осложненную суф. *-овй*, но, в противоположность литературному языку, эта группа слов в говоре шире: *братов'я, мужов'я, затев'я, сынов'я, кумов'я, но и брат'я, муж'я-ти, зет'я* (в речи актива и сельской интеллигенции).

В родительном падеже мн. числа известны 3 флексии: *-оф, -ей* и нулевая. Наибольшее распространение в говоре имеет флексия *-оф*. Эта флексия обычна для существительных муж. рода II склонения с основой, оканчивающейся на непалатальный согласный: *трактористоф, брегадироф, стаканоф, снопоф, мужикоф*. Кроме того, в говоре д. Б. Кугунур флексия *-оф* в род. пад. мн. числа отмечается:

1. у существительных *а́ришин, сапог, чулок, солдат, раз, волос* (*а́ришиноф, сапогоф, чулков, солдатов, разоф, волософ*);

2. у существительных, обозначающих детынышей, с суф. -онок: *реб'енкоф, тел'онкоф, жереб'онкоф, кот'онкоф, козл'онкоф, порос'онкоф, уг'онкоф, гус'онкоф* и пр.;

3. у существительных с суф. -овй, -й во мн. числе: *братов'йоф, муж'йоф, зег'йоф, сынов'йоф, кумов'йоф*;

4. у существительных муж. рода с нулевой флексией в им. пад. ед. числа с основой на палатальный и шипящий согласный: *родител'оф, противн'оф, сочн'оф, пн'оф, комбайоф, урожайоф, коровайоф, шалашоф, карандашоф, дожжоф, товаришишоф*;

5. у существительных муж. рода с флексией -о в имен. пад. ед. числа: *фел'шеришикоф, дедушкоф, парнишкоф, воришкоф, мал'чишкоф* (последнее слово встречается главным образом в детской речи);

6. у существительных среднего рода: *делоф, пал'тоф, сеноф, окошкоф, горлышкоф-ту, местоф, топоришишоф, переживан'йоф, извешен'йоф, заболеван'йоф, плат'йоф, мероприятий'йоф, постановлен'йоф, совпаден'йоф, собран'йоф, йеичк'оф*;

7. у некоторых существительных женского рода с флексией -а в имен. пад. ед. числа: *бес конфетоф-ту, церквоф, тыквоф, нормов, бритвоф*.

Нулевая флексия в говоре д. Б. Кугунур распространена:

1. у существительных жен. рода с флексией -а в им. пад. ед. числа с основой на непалатальный и палатальный согласный: *йагот, корзи́н, рам-ту, овечок, но́чок, спи́чок, дево́к-ту, ис-под-нок-ту, сого́н, ниде́л', йабло́н', дере́вен'* и пр.;

2. у существительных среднего рода с основой на непалатальный согласный: *ко́л'ос, веде́р, писе́м, сло́ф, до́ колен, се́н, де́л, ме́ст* (но и *сеноф, делоф, местоф*, см. предыдущий раздел);

3. у некоторых существительных муж. рода: *человек, глас, цыган, татар; рас, волос, солдат* (последние отмечены только в речи актива и сельской интеллигенции, см. об этом предыдущий раздел). С нулевой флексией в род. пад. мн. числа в говоре встретилось слово *центнер*: *выполни́ли по́ десет' центне'р в ден'*; *ско́лк'о центне'р оста́лос'*? Но в речи этого же представителя говора: *сда́дим шейес'ат це'нтероф; одна́ лоше́т' мо́гот увести́ в де́н' две'натце́т' це'нтероф*. Чем объясняется образование этой формы — сказать трудно, тем более, что формы род. пад. мн. числа с нулевой флексией в описываемом говоре менее продуктивны, чем формы на -оф. Нулевую флексию в род. пад. мн. числа имеет существительное *де́нь* (с отвердением конечного согласного и переходом *e > o* *д'он*). В речи сельской интеллигенции, отчасти актива и детей школьного возраста это слово отмечается и с флексией -ей: *дне́й* (см. следующий раздел).

Флексия -ей в говоре д. Б. Кугунур отмечается:

1. у существительных жен. рода с нулевой флексией в имен. пад. ед. числа с основой на палатальный и шипящий согласный: *сетей, частей-ту, лошадей, дверей, печей, речей, мышей, дочерей, матерей, свекровей*;

2. у некоторых существительных жен. рода с флексией -а в имен. пад. ед. числа с основой на палатальный согласный: *свиней, свечей*;

3. у существительных муж. рода с нулевой флексией в им. пад. ед. числа с основой на палатальный и шипящий согласный: *лантей, парней, окуней, ноктей, углей; родителей, протевней, пней, заговей, мужей, шалашей, карандашей, дожжей, ножей, товаришней, дней*. (У последней группы слов главным образом в речи сельской интеллигенции. У стариков формы род. пад. мн. числа от этих существительных образуются с флексией -оф, а существительное *день* имеет нулевую флексию);

4. род. пад. мн. числа на -ей отмечен и у некоторых существительных муж. рода с нулевой флексией в имен. пад. ед. числа с основой на непалатальный согласный: *соседей, чертей, сыновей*. (Последнее слово только в речи сельской интеллигенции. У стариков оно известно с флексией -оф). Но в говоре д. Б. Кугунур эта группа существительных шире, чем в литературном языке. Так, кроме указанных, сюда относятся слова: *волосей-ту, огурцей, пал'цей, зайцей, зубей*.

В заключение можно сказать, что в описываемом говоре для род. пад. мн. числа наиболее продуктивна (особенно в речи стариков) флексия -оф. В речи же актива, сельской интеллигенции под влиянием литературного языка флексия -оф вытесняется -ей или нулевой флексией.

Формы дат. и творит. пад. мн. числа в говоре д. Б. Кугунур совпадают в общей форме на -ам.

Дат. пад.: *старикам-ту, колхозникам, подросткам, по талонам, жени'инам, по сторонам, по бригадам, к дочерам, к жонам; по делам, с плат'йам* и т. д.

Твор. пад.: *за грибам, за корешкам, нат парнишкам, с мешкам, целым загонам, з глазам-ту, со стаканам-ту, с фонар'ам, с парн'ам, с лапт'ам, с сынов'йам; с рукам, гр'азным-ту ногам, косам, леп'ошечк'ам пеку, со старухам, за йагодам, с кост'ам, з жерд'ам; з дочер'ам; со свекров'йам; з делам-ту, с'йаблокам-ту, с ведрам, с семенам, с йетим переживан'йам, за ушкам-ту* и т. д.

Флексия -ам в твор. пад. мн. числа — характерная особенность говора (отмечается даже в речи сельской интеллигенции). Однако в речи актива, особенно сельской интеллигенции, наряду с этим отмечены и формы на -ами: *стаканами подавали; гребут грабл'ами* и т. д. Наряду с формами твор. пад. мн. числа с флексией -ам в говоре отмечено и обратное явление: формы дат. пад. с флексией -ами: *вечером пойду к лошад'ами; йа*

фс'о-таки отец своими реб'онками; ходили к колхозникам и читали газету. Но встречаются такие формы редко.

Появление флексии *-ами* объясняется влиянием на говор литературного языка. Флексия *-ами* здесь новое, еще не освоенное явление. (В формах твор. пад. мн. числа флексия *-ами* отмечена в речи сельской интеллигенции, реже у актива; в речи стариков формы с флексией *-ами* не употребляются; в формах дат. пад. флексия *-ами* встречается в речи актива в выступлениях на собраниях и в разговоре с приезжими, в речи детей школьного возраста).

Вин. пад. мн. числа не имеет особой формы. Форма вин. пад. совпадает с формами именительного (для существительных, обозначающих неодушевленные предметы), либо родительного падежа (для существительных, обозначающих одушевленные предметы).

Предл. пад. мн. числа для всех существительных имеет флексию *-ах*: в домах, в городах-ту, в лапт'ах-ту, на йетих дн'ах; об пети рубл'ах, на картошках, в руках, на лошед'ах; на дочер'ах; о свекрофках; ф церквах-ту; ф пис'мах, на йетих местах, на словах, в ушах-ту, ф семенах и т. д.

ВЫВОДЫ

В говоре д. Б. Кугунур продуктивны два типа склонения — I и II, III склонение подверглось воздействию со стороны первых двух продуктивных типов склонения. Об этом говорит, во-первых, то, что часть существительных, некогда изменявшихся по III склонению, склоняется как существительные I склонения (см. склонение сущ. *свекровь, церковь*), во-вторых, падежные флексии, характерные для III склонения, вытесняются флексиями I склонения (см. формы дат., твор. и предл. падежей ед. числа).

Еще большее однообразие наблюдается в формах мн. числа, где все существительные имеют одну систему падежных флексий. Несколько особняком стоит лишь род. пад., в котором отмечаются различные варианты флексий, в какой-то степени зависящих от типа склонения существительных. Но и здесь господствующее положение занимает одна флексия — *-оф*, характерная для существительных II склонения.

Все это приводит к выводу, что процесс унификации типов склонения в описываемом говоре зашел значительно дальше, чем в литературном языке (особенно в речи стариков; в речи актива и сельской интеллигенции система склонения существительных приближается к литературному языку).

Говор д. Б. Кугунур относится к числу типичных севернорусских говоров, о чем свидетельствуют следующие морфологические особенности:

1. окончание *-ой* в форме твор. падежа, ед. числа существительных женского рода на *-а*;

2. склонение существительных *церковь, дитя*, как существительных женского рода на *-а*;

3. более широкое, чем в литературном языке, употребление окончания *-у* в родительном и предложном падежах единственного числа существительных мужского рода;

4. склонение существительных с основами на *-мя*, как существительных среднего рода с окончанием *-о* в именительном падеже единственного числа;

5. склонение существительных мужского рода с окончанием *-о*, обозначающих лиц и животных мужского пола, как существительных среднего рода на *-о*;

6. окончание *-и* в родительном и дательном падежах единственного числа существительных *рубль, день*;

7. формы *мати, дочи, матерь, дочь* в именительном падеже единственного числа, окончание *-иой* в творительном падеже единственного числа сущ. III склонения;

8. окончание *-е* в дательном и предложном падежах единственного числа сущ. III склонения;

9. более широкое, чем в литературном языке, распространение окончания *-а* в именительном падеже множественного числа;

10. широкое употребление окончания *-ов* в родительном падеже множественного числа имен существительных;

11. окончание *-ам* в формах творительного падежа множественного числа и *-ами* (реже) в дательном падеже множественного числа.

Последние особенности (начиная с 8) являются специфическими особенностями Вологодско-Кировской группы говоров. Характерной особенностью говора д. Б. Кугунур является исчезновение склонения существительного *путь* (сохранились лишь три формы единственного числа в речи представителей старшего поколения).

Э. СИЛЬЧЕНКО

О ЧАСТИЧНОМ ОБОСОБЛЕНИИ СЛОВОФОРМ¹
МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Цель настоящей статьи — систематизировать и классифицировать английские частично обособившиеся существительные, выявляя их лингвистическую природу и особенности функционирования в языке. Если вопросы систематизации и классификации упомянутых существительных получили, хотя и далеко не полное и не удовлетворительное отражение в лингвистической литературе², попытка осмыслить лингвистическую природу случаев частичного обособления в английском языке и отметить ряд особенностей их употребления предпринимается нами впервые.

При написании статьи мы в основном исходили из следующего:

1. Категория числа английских существительных есть категория лексико-грамматическая, что предполагает возможность неполного тождества смысловых структур³ у разных числовых словоформ одного и того же существительного, целостность которого, как единого слова, при этом не нарушается. Известно, что существует и другое мнение, согласно которому разные словоформы одного и того же слова отличаются друг

¹ Термин «словоформа» и его понимание заимствованы у А. И. Смирницкого.

² См., например, пособия по лексикологии и грамматике английского языка и канд. дис. Э. В. Набатовой «Случаи лексического обособления словоформ множественного числа существительных в английском языке», Москва, 1961.

³ Понимание смысловой структуры и разных типов лексических значений слов заимствовано у И. Р. Гальперина.

от друга исключительно по линии грамматики, тогда как даже незначительная разница их лексических значений ведет к образованию двух разных слов.

2. Для современного английского языка характерны два числовых грамматических значения существительных: грамматическое значение единственного и грамматическое значение множественного числа. Первое показывает, что выраженный обладающей им словоформой предмет мысли один; второе, напротив, свидетельствует о том, что рассматриваемая словоформа выражает более чем один принадлежащий к одному и тому же разряду предмет мысли. Систему числовых грамматических значений английских существительных можно представить в виде «один — более чем один»⁴. Грамматическое значение множественного числа при этом выражаемую им идею множества никак не характеризует и не ограничивает.

3. Многозначное существительное обладает всеми присущими ему значениями независимо от контекста, основное значение оно (многозначное существительное) также может реализовать вне контекста, тогда как производные и особенно нечетко выраженные значения в контексте (например, *hand* «рука»; *This is a picture by the same hand*, где *hand* реализует значение «художник (исполнитель)»).

Частичным обособлением называется в статье такое языковое явление, при котором разные числовые словоформы одного и того же существительного (словоформа единственного числа, или исходная языковая единица, и словоформа множественного числа, или частично обособившаяся языковая единица) имеют не вполне тождественные друг другу смысловые структуры (например, *wine* «вино, т. е. один сорт вина» — *wines* «вина, т. е. разные сорта вин»). В отличие от частично обособившихся словоформ, словоформы множественного числа, смысловая структура которых полностью тождественна таковой у соотносимых с ними словоформ единственного числа (например, *pen* «перо, рейсфедер» — *pens* «перья, рейсфедеры») называются здесь необособившимися, или классическими словоформами. Равным образом, лексические значения, имеющие место в обособившихся словоформах и не характерные для исходных языковых единиц, называются здесь обособившимися, тогда как лексические значения, имеющие место в обоих числовых словоформах существительного — необособившимися, или классическими значениями.

Частичное обособление не ведет к расщеплению словоформы множественного числа и образованию нового слова, что имеет место при полном обособлении

(например, *boots* «ботинки» — 1. *boots* «ботинки»
2. *boots* «коридорный»).

⁴ Обозначение «один» и «более чем один» взяты у О. Есперсена.

В отличие от полного обособления, при котором обособившаяся языковая единица претерпевает изменения не только по линии лексических, но и по линии грамматических значений (словоформа *boots* «коридорный» развивает грамматическое значение единственного числа и является словоформой единственного числа)⁵, частично обособившаяся языковая единица сохраняет все характерные особенности словоформы множественного числа существительного: а) грамматическое значение множественного числа, о чем свидетельствует, в частности, постоянное согласование частично обособившегося существительного со словоформами множественного числа глаголов и местоимений (например, *My eyes are weak* «У меня слабое зрение»); б) грамматическую форму множественного числа: формант *-s* у частично обособившихся существительных всегда является словоизменяющей морфемой множественного числа и соотносится с нулевой словоизменяющей морфемой единственного числа у словоформ единственного числа тех же существительных (например, *wine* «вино» — *wines* «вина»). Частично обособившееся существительное, иными словами, всегда является словоформой множественного числа, образуя вместе с исходной языковой единицей систему числовых словоформ одного и того же существительного.

Рассмотрение частичного обособления есть тщательное изучение и сравнение смысловых структур исходных и обособившихся языковых единиц, анализ причин, степени, закономерностей и характера различия между этими смысловыми структурами, анализ особенностей функционирования обособившихся языковых единиц в языке, а также особенностей реализации обособившихся значений по сравнению с необособившимися (если таковые имеются) у тех же обособившихся словоформ множественного числа.

Изучение частичного обособления практически осложняется трудностью отграничения его от смежных явлений: а) классических словоформ множественного числа, б) полностью обособившихся языковых единиц и в) случаев промежуточного обособления, занимающих место между обособлением частичным и полным. Упомянутая трудность обусловливается, в частности, как неразработанностью критериев для изучения смысловой структуры слов, так и известной объективной неустойчивостью и изменчивостью их смысловой структуры, что в свою очередь объясняется постепенным характером развития языка вообще и языковых значений в частности. Отсюда

⁵ Вопрос о полном обособлении и его отличии от обособления частичного освещен подробнее в нашей статье «Обособление формы множественного числа существительных как способ словообразования», «Ученые записки ДГУ», т. 8.

неизбежность несколько субъективного толкования смысловых структур ряда существительных.

Случаи частичного обособления в английском языке очень многочисленны и разнообразны. Они отличаются друг от друга и по своей семантике, и по характеру того лексического значения, которое содержится в них, но не характерно для исходных языковых единиц, и по степени устойчивости обособления, и, наконец, по тому, обусловлено ли обособление контекстом или не зависит от него. Отсюда возможность ряда классификаций частично обособившихся существительных по различным классифицирующим принципам.

Одна из наиболее всеобъемлющих классификаций делит случаи частичного обособления на две большие группы: 1) случаи устойчивого частичного обособления и 2) случаи неустойчивого частичного обособления.

Первую группу составляют такие частично обособившиеся существительные, обособившиеся значения которых не имеют и не могут иметь места в исходных языковых единицах. Обособившееся значение здесь возможно и характерно только для обособившейся словоформы множественного числа. Так, если словоформа множественного числа *wines* «вина» имеет значение «вина, т. е. разные сорта вин», то эта идея разности сортов никогда не может быть выражена словоформой единственного числа.

Напротив, случаи неустойчивого частичного обособления представлены такими словоформами множественного числа, обособившиеся значения которых не противоречат природе соотносимых с ними словоформ единственного числа тех же существительных и могут изредка реализоваться и исходными языковыми единицами (например *tweed* «твид» — *tweeds* «изделия из твида»).

Вторая классификация, охватывающая все частично обособившиеся существительные, также делит их на две группы: 1) обособившиеся существительные, обособление которых не зависит от контекста, или случаи свободного частичного обособления, и 2) обособившиеся существительные, обособление которых обусловлено контекстом, или случаи связанного частичного обособления.

Как будет показано ниже, обе упомянутые классификации идут не параллельно, а перекрещиваются друг с другом. Так, возможны случаи устойчивого свободного частичного и устойчивого связанного частичного обособления, случаи неустойчивого свободного частичного и неустойчивого связанного частичного обособления. Внутри каждого из этих разрядов, кроме того, возможны дальнейшие более мелкие классификации обособившихся существительных.

Случаи свободного устойчивого частичного обособления составляют наиболее крупный разряд в составе частичного

обособления. Они не однородны ни по своей семантике, ни по тем особенностям, т. е. тем составным частям обособившихся значений, которые называются здесь добавочными. При этом между семантикой частично обособившихся существительных и их добавочными значениями наблюдается зависимость. Каждая из семантических групп, в которые объединяется большинство случаев свободного устойчивого частичного обособления, характеризуется одним и реже — двумя добавочными значениями. Каждое же добавочное значение в свою очередь присуще одной и реже — двум упомянутым семантическим группам.

Свободное устойчивое частичное обособление характеризуется пятью добавочными значениями, которые условно названы здесь «парность», «единство противоположностей», «комплект», «разные сорта» и «эмоциональное значение». Эти добавочные значения неодинаковы и отличаются друг от друга как по своей сущности и лингвистической природе, так и по степени ясности и четкости своей выраженности в слове.

Одним из наименее ярко выраженных, а поэтому и наиболее спорных является добавочное значение «парность». Сущность его заключается в том, что оно несет в себе идею парности, т. е. свидетельствует о том, что обособившаяся словоформа выражает не некоторое неопределенное количество однородных предметов мысли, а только два таких предмета мысли, их пару. Действительное наличие этого добавочного значения в словоформах типа *nostrils* «ноздри», *ears* «уши», *lips* «губы» и т. п. становится более очевидным при сравнении их с существительными типа *tables* «столы», *chairs* «стулья» и т. п. Если существительные типа *nostrils* «ноздри» обычно вызывают представление о двух однородных предметах (ноздрях, ушах, губах и т. д.), то существительные типа *tables* «столы» такого представления не вызывают; эти существительные обозначают некоторое неопределенное количество однородных предметов, а не их пару.

Вопрос о лингвистической природе добавочного значения «парность», т. е. о том, является ли оно лексическим или грамматическим значением, справедливо вызывает разногласия. Тот факт, что ограничение однородных предметов мысли до двух наблюдается не в одной, а в целом ряде словоформ, т. е. носит весьма обобщенный, абстрактный характер, наводит на мысль, что упомянутое ограничение должно быть выражено в языке грамматическим значением. Это грамматическое значение, однако, не может быть грамматическим значением множественного числа, которое, как уже отмечалось выше, никакого ограничения и никакой характеристики множества выражаемых содержащей его словоформой предметов мысли не содержит. Добавочное значение «парность» по-

этому можно было бы считать только каким-то другим, еще не описанным в лингвистической литературе грамматическим значением.

Однако, принимая во внимание тот факт, что ограничение однородных предметов мысли до двух в необособившихся словоформах достигается лексически, т. е. при помощи числительного *two* «два» (например, *two tables* «два стола»), представляется более целесообразным считать, что ограничение множества до двух в обособившихся словоформах типа *nostrils* «ноздри», перед которыми числительное *two* «два», как правило не употребляется (например, *nostrils* «ноздри»; а не *two nostrils* «две ноздри»), также достигается лексическими средствами. Поскольку, далее, добавочное значение «парность» выражает не отношение между понятиями, а хотя и очень обобщенное, но самое понятие «парность», как таковое, мы склонны считать добавочное значение «парность» лексическим или, вернее, грамматикализированным лексическим значением, сочетающим в себе черты как грамматических, так и лексических значений. Поскольку, наконец, добавочное значение «парность», очевидно, не является ни назывным, ни эмоциональным и ни контекстуальным, его следует считать предметно-логическим.

Добавочное значение «парность» входит в состав смысловой структуры существительных подобно их другим лексическим значениям. Оно как бы наслаивается на эти другие предметно-логические значения, образуя вместе с ними новые предметно-логические значения. Так в словоформах типа *nostrils* «ноздри», например, оно (добавочное значение «парность») наслаивается на необособившееся предметно-логическое значение типа «ноздри» т. е. неопределенное количество ноздрей, создавая новое предметно-логическое значение типа ноздри, т. е. «две ноздри»; в словоформах типа *hands* «руки», стрелки часов, передние лапы, работники и т. д.» оно наслаивается на несколько необособившихся предметно-логических значений многозначного слова, создавая новые предметно-логические значения типа «руки, т. е. две руки, стрелки часов, т. е. две стрелки часов; передние лапы, т. е. две передние лапы». Именно эти новые предметно-логические значения, а не отдельно взятое значение «парность» фактически и являются обособившимися. Новые, обособившиеся предметно-логические значения типа «руки, т. е. «две руки» в словоформах типа *hands* сосуществуют с необособившимися, классическими значениями типа «руки, т. е. «неопределенное количество рук». Наличие таких необособившихся значений видно из примеров типа *Those who know raise your hands!* «Кто знает, поднимите руки», где словоформа *hands* «руки» обозначает не две руки, а какое-то неопределенное количество рук. Но если обособившаяся словоформа может реализовать и необособившиеся

значения, то добавочное значение «парность» без других лексических значений обособившейся словоформы реализовать никогда не может. Оно, таким образом, несамостоятельно и без других значений содержащей его словоформы не существует. Находясь в одной и той же словоформе, обособившиеся и необособившиеся значения способствуют ее многозначности.

Обособившиеся существительные с добавочным значением «парность» сравнительно многочисленны и распадаются на две основные семантические группы. Одну из них составляют существительные, обозначающие парные органы и части тела человека или животного, (например *blinkers* «глаза-гладельки», *cheeks* «щеки», *cheek-bones* «скулы», *daylights* «глаза-гладельки», *ears* «уши», *elbows* «локти», *eyes* «глаза», *eyebrows* «брови»), другую — существительные, обозначающие разновидности одежды или ее части (например, *boots* «ботинки, спортивные бутсы», *gloves* «перчатки», *gums* «галoши», *mitts sl.* «боксерские перчатки», *nudes* «тонкие чулки, паутинка», *oxfords* «полуботинки»).

Анализ приведенных и подобных им словоформ множественного числа существительных показывает, что степень выраженности добавочного значения «парность» у разных обособившихся существительных даже одной и той же семантической группы неодинаковы. Наиболее отчетливо оно ощущается в словоформах типа *eyes* «глаза», *lips* «губы», наименее четко в словоформах типа *hands* «руки». Сам факт обособления рассматриваемых существительных обусловлен лингвистическими причинами и может быть объяснен тем, что такие словоформы очень часто употребляются для обозначения двух однородных предметов. Например, *Now and again I opened my eyes and fell asleep again.* (L. D., 68). *A tall old man, Sir Ensor Doone, came out with gardener's gloves on his hands* (L. D., 21). *I took off my shoes and my stockings and put them into a bag...* (L. D., 32). Реальная парность обозначаемых словоформами множественного числа предметов и приводит к появлению в этих словоформах добавочного значения «парность», т. е. обособления. При этом представляется очевидным, что оно развивается в рассмотренных и подобных им существительных быстро, т. е. вскоре после их появления в языке и употребления для выражения парных однородных предметов мысли.

Добавочное значение «парность» реализуется содержащими его обособившимися словоформами вне контекста всегда (например, *hands* «руки, т. е. две руки»), а в контексте — в большинстве случаев (например, *He gave a little mild chuckle and he looked at me with those candid blue eyes of his.* CSS., 16). Напротив, как показывает даже самый поверхностный анализ, словоформы множественного числа существи-

тельных, содержащие добавочное значение «парность», без него употребляются весьма редко. Например, *Those who know raise your hands* (объяснение примера выше).

Большинство обособившихся словоформ множественного числа упомянутых групп принадлежит к лексике с нейтральной стилистической окраской; значительно меньшая часть их (например, *mits, marrowbones*) — к разговорной лексике. Возможны и такие случаи, когда одно из значений рассматриваемого существительного (например, *blinkers* «глаза-гладки») является достоянием разговорной лексики, тогда как другое его значение (например, *blinkers* «наглазники, шторы») — лексики с нейтральной стилистической окраской⁶. Одно и то же существительное, таким образом, оказывается фактически принадлежащим к двум разным стилистическим пластам одновременно. Это следует иметь в виду в частности при определении места того или иного существительного в словарном составе языка; сделать последнее не всегда просто и требует оговорок.

Обособление существительных с добавочным значением «парность» привело к появлению в английском языке ряда устойчивых словосочетаний и фразеологических единиц. Таковы: *hold one's hands* «сложить руки, бездействовать, палец о палец не ударить», *keep hands in pockets* «лодырничать, бездельничать, сидеть сложа руки», *wash one's hands* «умыть руки, снять с себя ответственность за что-то», *with both hands* «изо всех сил», *draw (pull) in one's horn* «присмиреть, умерить рвение», *give horns to somebody* «сделать рогоносцем», *lower one's horns* «унижаться, смириться», *jaws are wagging* «идут толки, пошли тары-бары», *on one's knees* «униженно, пресмыкаясь», *fight with gloves on* «вести ожесточенную борьбу, отчаянно бороться», *be in somebody's boots* «быть на чьем-либо месте, быть в чьей-либо шкуре» и многие другие. Наряду с употреблением в составе свободных словосочетаний употребление в составе фразеологических единиц очень характерно для рассматриваемых обособившихся существительных.

Находясь в составе фразеологических единиц, приведенные словоформы множественного числа подвергаются вторичному обособлению, называемому здесь фразеологическим. Добавочное значение «парность» при этом утрачивается ими настолько, насколько утрачиваются и их другие лексические значения, насколько они перестают принадлежать одному слову и становятся достоянием фразеологической единицы в целом.

⁶ Термин «лексика с нейтральной стилистической окраской» равно как употребляемые дальше термины «литературно-книжная лексика» и «разговорная лексика», а также понимание всех этих терминов заимствованы у И. Р. Гальперина. См. «Очерки по стилистике английского языка», Москва, 1959 г., стр. 52—55.

В ряде случаев добавочное значение «парность» сочетается в обособившихся существительных с другим добавочным значением, которое мы будем условно называть «единство противоположностей». Сущность этого второго добавочного значения заключается в том, что обладающая им и реализующая его словоформа множественного числа существительного выражает не просто два однородных предмета мысли, а такие два предмета мысли, которые представляют собой некоторую противоположность по отношению друг к другу (например spouses «супруги, т. е. супруг и супруга»). Подобно добавочному значению «парность» добавочное значение «единство противоположностей» представляется нам грамматикализованным предметно-логическим значением, которое вне сочетающегося с ним другого предметно-логического значения и грамматического значения множественного числа существовать и реализоваться не может.

По сравнению с добавочным значением «парность» добавочное значение «единство противоположностей» выражено в словоформе ярче и отчетливее. Взятое вне контекста, словоформа spouses «супруги», например, отчетливо реализует обособившееся значение «супруг и супруга». Напротив, реализация необособившегося значения «супруги», т. е. «два мужа» или «две жены» требует контекста, например: One room was occupied by women, the other-by their spouses «В одной комнате расположились женщины, а в другой — их супруги» (т. е. мужья).

Добавочное предметно-логическое значение «единство противоположностей» можно наблюдать, например, в обособившихся существительных extremes «противоположности», «крайние члены пропорции», spoons «влюбленные», opposites «противоположности», parents «родители», lovers «влюбленные» и spouses «супруги». При этом, имея место в существительных, обозначающих людей, оно (добавочное значение «единство противоположностей») свидетельствует о том, что эти существительные обозначают либо людей разного пола, либо людей с разными качествами. Подобно добавочному значению «парность», добавочное значение «единство противоположностей» развилось в языке в результате действия внелингвистических причин, т. е. в результате того, что обладающие им существительные часто употребляются для обозначения предметов, которые действительно составляют известную противоположность по отношению друг к другу.

Среди существительных, характеризующихся добавочным значением «единство противоположностей», чаще других употребляются словоформы lovers и parents. При этом если первое может как реализовать, так и не реализовать добавочное значение «единство противоположностей» (ср. It is the hour when the lovers' vows seem sweet in every whispered word.

A. V. 26. Poor old Winterbourne was incapable of insulting anyone, but it was a convention established between Mrs. Winterbourne and her lovers that Winterbourne had insulted her. D. H., 29), употребление существительного *parents* без этого добавочного значения крайне редко и возможно, например, тогда, когда читатель из широкого контекста знает, что речь будет идти либо об одних матерях, либо об одних отцах. Например, *Soon the parents gathered and the meeting began*, где *parents* — матери, потому что на собрание были приглашены только матери учащихся. Здесь интересно отметить и то, что если существительное *parents* часто реализует добавочное значение «единство противоположностей» в сочетании с притяжательными местоимениями единственного числа (например, *his parents*, *her parents*) или с собственными существительными в притяжательном падеже (например *Tom's parents*), то существительное *lovers* в сочетании с такими определениями добавочного значения «единство противоположностей» не реализует (например, *her lovers*, *his lovers*, *Tom's lovers*). Употребление же существительных *spouses* и *spoons* с притяжательными местоимениями единственного числа и существительными в притяжательном падеже почти невозможно. Разные обособившиеся существительные этой группы, таким образом, имеют неодинаковую сочетаемость.

Все приведенные существительные, кроме *extremes*, принадлежат к лексике с нейтральной стилистической окраской; существительное *extremes* — к лексике с нейтральной стилистической окраской и литературно-книжной лексике одновременно.

Обособившиеся существительные с добавочным значением «единство противоположностей» послужили базой для образования немногих фразеологических единиц; например *extremes meet* «крайности сходятся», *go (run) to extremes* «впадать в крайность», *be spoons on* «быть влюбленным»,

Если допустить, что добавочное значение «единство противоположностей» имеет место и в словоформах типа *hands* «руки» и *ends* «концы» (например, веревки) на том основании, что они обозначают не просто две руки, а две разные руки (левую и правую), не просто два конца, а два противоположные концы, то представляется необходимым признать, что здесь оно (добавочное значение «единство противоположностей») значительно слабее выражены, чем в словоформах типа *spouses* «супруги».

Третье добавочное значение, имеющее место в случаях частичного свободного устойчивого обособления, называется здесь «комплект». Это значение свидетельствует о том, что реализующая его словоформа множественного числа выражает не неопределенное количество однородных предметов

мысли, а так или иначе ограниченный их комплект, совокупность (например, *teeth* «зубы»).

Сущность и лингвистическая природа добавочного значения «комплект» почти аналогичны таковым у добавочного значения «парность». Разница между этими добавочными значениями, однако, в том, что они по-разному ограничивают количество выражаемых рассматриваемыми словоформами однородных предметов мысли. Если в случае добавочного значения «парность» это ограничение вполне определено, то в случае добавочного значения «комплект» такой определенности совсем нет. Количество составляющих комплект однородных предметов мысли у разных обособившихся существительных может быть различно (ср. *teeth* «зубы» и *legs* «лапы животного»). Даже одна и та же словоформа может обозначать несколько неодинаковых комплектов однородных предметов мысли, что зависит от того, какие конкретные предметы мысли рассматриваемая словоформа выражает (например, *teeth* «зубы человека» и *teeth* «зубы животного»). Представляется, что в этом и в подобных случаях имеет место словоформа с несколькими обособившимися значениями.

Возможно, именно неопределенность при ограничении количества однородных предметов мысли и является одной из причин той значительной неясности и нечеткости добавочного значения «комплект», которые могут поставить под сомнение и сам факт обособления словоформ типа *teeth* «зубы». Очевидным представляется, однако, что словоформы этого типа представляют собой языковые явления иного порядка по сравнению со словоформами типа *table* «столы», где количество выраженных однородных предметов мысли никак не ограничено. В качестве внешнего языкового показателя действительного наличия добавочного значения «комплект» в словоформе *teeth* «зубы», например, можно указать на употребление ее без слов, специально указывающих на то, что имеются в виду не отдельные однородные предметы, а целый комплект их. Так, достаточно сказать *His teeth are white* «У него белые зубы», а не *All his teeth are white* «Все его зубы белые», чтобы возникло представление обо всех зубах человека, а не только о нескольких отдельных его зубах.

Сравнительно немногочисленные обособившиеся существительные, характеризующиеся добавочным значением «комплект», неоднородны по семантике. Среди них довольно отчетливо выделяется небольшая группа словоформ, обозначающих части тела человека или животного; таковы *fangs* «клыки», *fingers* «пальцы», *finger-toes* «кончики пальцев», *grinders* «заднекоренные зубы», шутл. «зубы», *guts* «кишки», *sl. ivortes* «зубы», *legs* «ноги животного, ножки стола», *nails* «ногти», *paws* «лапы», *ribs* «ребра», *toes* «пальцы на ногах» и др.

Несколько обособившихся существительных с добавочным

значением «комплект» имеют отличные друг от друга значения и в семантические группы не объединяются. Таковы *srosiers* астр. «четыре звезды созвездия южный Крест», *poons* «скобки, кавычки», *quadruplicates* «четыре одинаковые вещи, четыре одинаковых экземпляра», *quintuplets* «пять одновременно рожденных детей, пять близнецов». *quotes* «кавычки», *quotation-marks* «кавычки» и *triplets* «тройня».

Как правило, существительные, характеризующие значение «комплект» употребляются вместе с этим значением (например, *He washed and rinsed his face thorouly, brushed his teeth until George apprehended lest the bristles be worn to the bone, gargled and spat freely.* D. H., 131).

Напротив, без добавочного значения «комплект» обладающие им существительные употребляются сравнительно редко и прежде всего в тех случаях, когда в предложении имеют место слова, разбивающие привычную совокупность предметов и делающие реализацию добавочного значения «комплект» невозможной. Таково, например, определение *more* в предложении *She was in fact a woman of forty and she gave me the impression of having more teeth, white and large and even, than were necessary for any practical purpose*, где *more* как бы разбивает привычный комплект в существительном *teeth* и делает реализацию добавочного значения «комплект» невозможным.

На базе обособившихся существительных с добавочным значением «комплект» в английском языке развились многочисленные фразеологические единицы. Например, *Fall into somebody's fangs* «попасть в чьи-либо лапы», *burn one's fingers* «обжечься на чем-либо», *show one's ivories* разг. «смеяться, хихикать, скалить зубы», *wash one's ivories* разг. «выпивать, пьянствовать», *come down to brass nails* «добираться, докапываться до сути дела, вникать в подробности» и т. д.

Большинство приведенных обособившихся существительных является достоянием лексики с нейтральной стилистической окраской; меньшая часть (например, *grinders*, *ivories*) — разговорной лексики, отдельные (например, *crosiers*) — литературно-книжной лексики.

Четвертое добавочное значение, наблюдаемое в ряде случаев устойчивого обособления, мы будем называть «разные сорта (виды)». Сущность этого значения заключается в том, что обладающая им словоформа множественного числа существительных обозначает несколько однородных, но разных с точки зрения сорта (вида) веществ или предметов (например, *wines* «вина, т. е. разные сорта вин»). К этой группе относятся следующие обособившиеся существительные: *arts* «разные виды искусства», *fishes* «разные породы рыб», *fruits* «разные

сорта фруктов», glasses «разные виды стекла», grasses «разные виды трав», упомянутые выше существительное wines «разные сорта вин» и другие.

Подобно предыдущим добавочным значениям добавочное значение «разные сорта» представляется нам грамматикализованным лексическим, но в отличие от предыдущих добавочных значений оно развивается в языке по лингвистическим причинам и обусловлено особенностями той части смысловой структуры исходного существительного (исходная смысловая структура), которая служит базой для обособления. Исходная же смысловая структура, с нашей точки зрения, неоднородна и состоит из двух неразрывно связанных между собой частей:

а) неисчисляемого предметно-логического значения, выражающего понятия вещества (вида, породы), как такового, и

б) грамматикализованного исчисляемого предметно-логического значения «сорт». В исходной словоформе это последнее сочетается с грамматическим значением единственного числа, создавая фактически значение «один сорт», в обособившейся словоформе — с грамматическим значением множественного числа, создавая значение «сорта, т. е. разные сорта», и делая, таким образом, вещественные существительные исчисляемыми. Добавочное значение «разные сорта», таким образом, создается на базе грамматикализованного предметно-логического значения «сорт» в исходной словоформе. В обособившейся словоформе множественного числа sorts «сорта, т. е. разные сорта», соотносимой со словоформой единственного числа sort «сорт», оно (значение «сорт») не сочетается с каким-либо другим предметно-логическим значением, являясь основным. Обособление в этом и подобном ему случаях (например, kind «сорт, разновидность», kinds «сорта, разновидности») возникает на базе основного предметно-логического значения исходного существительного.

Одна часть обособившихся существительных этой группы характерна для лексики с нейтральной стилистической окраской; другая — для литературно-книжной лексики. В последнем случае это часто существительные, обозначающие сорта материалов или веществ (например, spars мин. «шпаты», т. е. «сорта шпатов», zinks «сорта цинка», cottons «сорта хлопка», salts «соли»).

В ряде случаев устойчивого частичного обособления добавочное лексическое значение является не предметно-логическим, а эмоциональным. Неразрывно сливаясь с основным предметно-логическим значением рассматриваемого существительного, это добавочное значение как бы усиливает понятие, выражаемое основным предметно-логическим значением, или свидетельствует о значительной величине или протяженности этого понятия. Наиболее ярко эмоциональное добавочное

значение проявляется в обособившихся существительных типа depths «глубокие места», поэт. «пучины, глубины», fears «страхи», horrors «ужасы» lots «массы, уйма», masses «массы», sands «пески», terrors «ужасы», waters «воды» и т. п. Причиной обособления является здесь сама специфика основных предметно-логических значений, которые, сочетаясь с грамматическим значением множественного числа, усиливают выражаемое ими понятие (ср. fear «страх» — fears «страхи») и развивают добавочное эмоциональное значение.

На базе обособившихся существительных с добавочным эмоциональным значением в английском языке образовались следующие устойчивые словосочетания и фразеологические единицы: lots and lots (разг.) «огромное количество, очень много, масса, уйма», plough the sands «заниматься бесполезным делом; толочь воду в ступе», number sands «стараться сделать невозможное», deep waters «большое беспокойство, горе; тяжелое, затруднительное или опасное положение», still waters have deep bottoms «в тихом омуте черти водятся, тихие воды глубоки», waters of forgetfulness «лета, забвение, смерть» и др. В этих и во всех предыдущих случаях устойчивых словосочетаний и фразеологических единиц вторичное фразеологическое обособление возникает на базе первичного свободного. Приводимые здесь и выше устойчивые словосочетания и фразеологические единицы преследуют цель не столько показать фразеологическое обособление, сколько — роль свободного устойчивого обособления в развитии и обогащении английского языка и характер функционирования случаев свободного устойчивого обособления в языке.

Случаи чисто фразеологического частичного обособления, когда в состав связанного словосочетания или фразеологической единицы входит словоформа множественного числа, которая в своем свободном употреблении обособившейся не является, чрезвычайно многочисленны и разнообразны. Здесь приводятся лишь отдельные из них. Это breakers (rocks) ahead! «опасность впереди!», be on the side of the angels «стоять на традиционный (антинаучный) точке зрения», the arena of bears and bulls «фондовая биржа», be under articles «быть связанным контрактом», break to atoms «разбиться вдребезги», pack one's ends and awls «запаковать все свои пожитки», look babies into somebody's eyes (уст.) «смотреть влюбленно в чьи-либо глаза» и т. д.

Среди случаев свободного неустойчивого* частичного обособления обращают на себя внимание такие, при которых словоформы множественного числа обозначают некоторое неопределенное количество однородных предметов, сделанных из того или иного материала, тогда как исходные словоформы единственного числа тех же существительных обозначают самый материал, из которого упомянутые предметы сделаны

(например, tweed «твид» — tweeds «изделия из твида»). Исходные языковые единицы, естественно, могут быть метонимически употреблены и для обозначения каждого предмета, сделанного из обозначаемого ими материала (например, tweed «изделия из твида»), что и делает возможным значение типа «изделия из твида» в словоформах множественного числа. Однако, значение типа «изделия из твида» словоформой единственного числа почти никогда не реализуется, являясь в основном достоянием словоформы множественного числа, в результате чего и возникает неустойчивое обособление. Если в рассмотренных выше случаях устойчивого обособления добавочное и обособившиеся значения ни при каких обстоятельствах не могут быть реализованы исходными словоформами, в случае обособления типа tweeds «изделия из твида», реализация значения «изделие из твида» словоформой единственного числа принципиально вполне возможна. Неустойчивое обособление, таким образом, предполагает не только реальную разницу смысловых структур у сравниваемых между собой числовых словоформ существительного, но и частоты реализации определенного лексического значения этими разными числовыми словоформами. Кроме упомянутого существительного tweeds, к этой группе относятся bronzes «изделия из бронзы», chocolets «шоколадные конфеты», flannels «изделия из фланели, фланелевое белье», golds «изделия из золота», ivories «изделия из слоновой кости», jeans «изделия из бумажной ткани», leather «изделия из кожи», silks «изделия из шелка», silvers «изделия из серебра» и т. д.

Другие случаи неустойчивого свободного частичного обособления весьма разнообразны по характеру и ни в какие группы объединены быть не могут. Это aids ист. «сборы, налоги», воен. «вспомогательные войска, средства управления лошадью», bonds фин. «облигация», casualties «потери на войне», charities «благотворительные учреждения или дела», dealings «дружеские отношения», devotions «религиозные обряды, молитвы», distempers (уст.) «беспорядки, волнения» и многие другие, исходными по отношению к которым являются соответственно aid «помощь», casualty «несчастный случай, убитый, подбитая машина», charity «милосердие, милостыня», dealing «поведение», devotion «преданность, набожность», distemper (уст.) «нездоровье, душевное расстройство» и т. д.

В некоторых случаях частичного неустойчивого обособления редко реализуемыми оказываются не отдельные лексические значения исходной языковой единицы, а вся исходная словоформа единственного числа в целом (например, valuable «ценная вещь» — valuables «ценные вещи, ценности»). Делая возможным закрепление и существование в языке словоформ множественного числа, исходные словоформы единственного числа бытуют в нем (языке) почти потенциально, представляя

с собой субстантивированные прилагательные (например, *valuable* «ценный» — *valuable* «ценная вещь»). Как существительные языковые единицы типа *valuable* реализуются языком крайне редко, что и создает необходимые условия для возникновения неустойчивого качественного, но устойчивого частотного⁷ обособления, кроме упомянутого *valuable* «ценности», относятся также следующие существительные: *bettors* «лица, стоящие выше», *breakables* «хрупкие предметы», *eatables* «предметы питания», *essentials* «предметы первой необходимости», *immortals* «бессмертные», миф. «бессмертные боги», *immovables* «предметы, составляющие недвижимое имущество», *victuals* «предметы питания, пища, провизия», *vitals* «жизненно необходимые органы» и др.

Характеризуя случаи свободного неустойчивого частичного обособления с точки зрения их функционирования в языке, можно отметить, как и в случае устойчивого обособления, их участие в образовании многочисленных устойчивых словосочетаний и фразеологических единиц (например, *sustain casualties* «понести потери», *leave no effects* «ничего не оставить наследникам», *open hostilities* «начать военные действия»), а также их частое употребление в поэзии.

Например: *The fields of heaven with blossoms blow,
The stars are looked in the seas below,
In vaults of crystals, like diamonds rare,
The fields of heaven show flowers as fair.*

(G. L., 70).

где *fields* «поля», *blossoms* «цветы», *stars* «звезды» и *flowers* «цветы» развивают соответственно контекстуальные значения «сферы, пространства», «разноцветные краски», «отражение звезд», «краски, напоминающие цветы».

Связанное неустойчивое частичное обособление имеет место в предложениях типа *I do not believe he was much more of a coward than his neighbours* Г. Л. 16. «Я не верю, что он в значительно большей мере трус, чем другие», где слово *neighbours* «соседи» приобрело контекстуальное значение «другие», не приобретенное одновременно словоформой единственного числа того же существительного.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. C. S. S. — Collection of Short Stories, International Relation Institute Publishing House, Moscow — 1960.

⁷ Термин «частотное обособление» — наш; он означает, что словоформы множественного числа отличаются от словоформ единственного числа тех же существительных частотой своего употребления.

2. D. H. — R. Aldington «Death of a Hero», Foreign Languages Publishing House, Moscow — 1958.

3. E. R. — English Reader», Внешторгиздат, Москва — 1960.

4. G. L. — J. Wallen, «The Golden, Legend», Foreign Publishing House, Moscow — 1958.

5. A. V. — «Anthology of Verse Old and New», Издательство литературы на иностранных языках, Москва — 1947.

6. L. D. — R. D. Blackmore «Lorna Doone». Издательство литературы на иностранных языках, Москва — 1961.

7. Г. Л. — И. Р. Гальперин и Е. Б. Черкасская, «Лексикология английского языка», Москва — 1960.

К. МЕГАЕВА и Т. ФРОЛОВА

**ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ГЕРОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ
Л. Н. ТОЛСТОГО ПОСЛЕДНЕГО ПЕРИОДА¹**

Проблема, выдвинутая в работе Е. П. Андреевой, — одна из интереснейших и сложнейших в изучении творчества Л. Н. Толстого последнего периода, когда особой остроты достигли противоречия в мировоззрении и художественной практике великого русского писателя.

Проблема положительного героя и нравственного идеала писателя все еще недостаточно исследована в обширной литературе о творчестве Л. Н. Толстого.

Работы советских литературоведов Л. М. Мышковской («Стиль позднего Толстого», М., 1958), Т. А. Мотылевой («О мировом значении Толстого», М., 1956 г.), Я. Билинкиса («О творчестве Толстого», Л., 1959 г.), статьи Куприяновой, И. Вишневской кладут начало разработке сложной, интересной и очень актуальной для нашего времени проблемы положительного героя Толстого, нравственный идеал которого был связан не только с христианской религией и моралью, но и с моралью трудового народа и содержал в себе, как пишет Е. П. Андреева, «зерно здорового демократизма».

В новой работе известной исследовательницы творчества Толстого Е. П. Андреевой остро и интересно поставлен вопрос о нравственном идеале великого писателя и его художественном воплощении в последний период творчества.

Привлекая публицистику, романы и народные рассказы Толстого, Е. П. Андреева раскрывает своеобразие и сложность

¹ Е. П. Андреева. Проблема положительного героя в творчестве Л. Н. Толстого, изд. Воронежского университета, Воронеж, 1961 г.

нравственного идеала и положительного героя позднего Толстого.

Уже само обращение исследователя к анализу таких мало изученных произведений Л. Н. Толстого, как «Крейцерова соната», «Смерть Ивана Ильича», «Фальшивый купон», «Сказка об Иване-дураке и его двух братьях...», «Кто убийцы? Павел Кудряш» привлекает внимание читателя и заслуживает всяческого одобрения.

Исходным положением исследователя является утверждение, что в последний период творчества Толстого звучит не только пафос отрицания, но и пафос «утверждения положительных моральных ценностей», что в произведениях позднего Толстого положительный идеал писателя получает конкретно-художественное воспроизведение в ряде образов.

Особенности и характер положительного героя Толстого исследовательница совершенно верно связывает с двумя важнейшими факторами: «влиянием времени (в России наступал третий, пролетарский этап освободительного движения) и влиянием идеологии патриархального крестьянства на писателя» (стр. 5).

Показывая своеобразие положительного идеала позднего Толстого, Е. П. Андреева глубоко и тонко анализирует образы из дворянской среды (Нехлюдов, Позднышев, Иван Ильич), из народа (Катюша Маслова, Аким из пьесы «Власть тьмы», Герасим из повести «Смерть Ивана Ильича», Степан Пелагеюшкин из «Фальшивого купона»), а также образы революционеров из романа «Воскресение» и из народных рассказов.

Раскрывая особенности положительного героя из дворянства, Е. П. Андреева справедливо отмечает, что «дворянские персонажи в художественном освещении Толстого становились положительными в той мере, в какой они выражали общую тенденцию эпохи или хотя бы отдельные, но ведущие принципы своего времени, т. е. разложение, распад господствующих, эксплуататорских классов и отход от них мыслящих, демократизирующихся представителей» (стр. 12).

Совершенно правильно подчеркивает автор, что Л. Н. Толстой утверждает не «абсолютную положительность душевных качеств» своих героев, а показывает «движение их от старой жизни к новому справедливому трудовому укладу жизни».

Е. П. Андреева пишет: «Мы видим чрезвычайно интересное оригинальное решение проблемы положительного героя у Толстого: носителем положительного начала является не тот, кто безупречен, кто благополучно пребывает в маленьком мире узко эгоистических интересов. Положительным человеком является тот, кто прошел через страшные испытания, падения, многое переживал, подверг переоценке многие социальные и моральные ценности» (стр. 12).

Именно поэтому автор работы при анализе художественных образов зачастую отождествляет проблему положительного героя с проблемой нравственного возрождения человека.

Как отмечается во введении работы, автор ставит перед собою задачу, «раскрыть сложный противоречивый идеал Толстого и конкретно-образное воплощение его в художественных произведениях последнего периода» (стр. 3).

В этой связи наиболее интересной и убедительной частью работы Е. П. Андреевой являются главы, посвященные анализу романа «Воскресение» и, прежде всего, образа Катюши Масловой.

Подлинная удача исследователя в том, что глубоко анализируя идейно-смысловую направленность, вскрывая положительную сущность этого образа человека из народа, возродившегося для новой трудовой жизни, автор сумел сохранить художественную пластичность и целостность образа.

Глубоко права Е. П. Андреева, утверждая во вступительной части своей работы необходимость конкретно-исторического подхода в решении проблемы положительного героя Толстого.

Однако, несмотря на верные исходные позиции автора, конкретно-образное рассмотрение проблемы положительного героя в работе иногда страдает некоторой прямолинейностью и излишней категоричностью выводов. Автор детально, на конкретном художественном материале показывает то большое значение, которое придавал писатель труду в нравственном возрождении человека, но о второй, ошибочной стороне нравственного идеала Толстого — его вере в спасительность христианских нравственных законов — говорится в работе вскользь, декларативно.

В результате при анализе художественных образов наблюдается явное стремление исследователя обелить, сделать более положительными таких героев, как Нехлюдов, Позднышев, Иван Ильич, затушевать их праздность, эгоизм, безнравственность,

При анализе положительных героев из народа автор работы очень бегло показывает воздействие на Толстого отсталой идеологии патриархального крестьянства, оказавшей отрицательное влияние на создание образов Акима, Степана Пелагеюшкина и др. (проповедь аскетизма и религиозной морали).

Категорическое отнесение Е. П. Андреевой образов Позднышева, Нехлюдова, Акима из пьесы «Власть тьмы» к положительным героям Толстого вызывает возражение как с точки зрения требований самого Толстого, так, тем более, с точки зрения передовых требований эпохи.

Конкретно-исторические условия жизни России 80—90-х годов уже выдвинули революционера как тип передового че-

ловека своей эпохи. Это понимал великий писатель и в поисках подлинно положительного героя он обратился к революционной среде, где мог найти и находил черты «положительно-прекрасного человека».

Тенденция Е. П. Андреевой акцентировать внимание читателя преимущественно на сильных сторонах положительного идеала Л. Н. Толстого и смягчать его реакционные черты объективно приводят к сглаживанию тех «кричащих противоречий» между силой гнева, обличения и беспомощностью евангельских выводов о всепрощении и непротивлении злу насиле-м, о которых говорит исследователь во вступительной части своей работы.

Следует упрекнуть автора и в излишней имманентности анализа творчества Л. Толстого — сопоставление положительного идеала Толстого с положительным идеалом М. Горького и других писателей рассматриваемого периода дало бы исследователю возможность более глубоко и объективно подчеркнуть сильные и слабые стороны Толстого.

Однако, несмотря на отдельные неточности и спорные утверждения, работа Андреевой представляет несомненную научную ценность как смелой и остро дискуссионной постановкой проблемы, так и большой эрудицией автора, тонким и убедительным анализом ряда образов.

Совершенно правильно в заключение работы указывается, что в наше время, в период развернутого строительства коммунизма, особое значение приобретают вопросы воспитания трудящихся масс и в этом отношении сильные стороны положительного идеала Толстого с его требованием трудовой жизни, высокой нравственности, человеческого, братского отношения друг к другу помогают советским людям в борьбе за свободного и прекрасного человека коммунистического общества.

СОДЕРЖАНИЕ

А. Агаев. Насущные проблемы дагестанской советской литературы в свете решений XXII съезда КПСС	3
Л. Голи. Фронтовые записные книжки Э. Капиева	12
Б. Фарбер. Ранний Тургенев и Белинский	25
Б. Фарбер. Поэма «Кулак» И. С. Никитина	39
Р. Алиева-Мехтиханова. Литературно-эстетические взгляды В. А. Слепцова	49
К. Мегаева. Особенности речевой характеристики героев Достоевского	70
И. Журавлев. Д. Лондон в России	92
Р. Гайдаров. О названиях лезгинских аулов (к вопросу о топонимике лезгин)	111
Б. Скупский. Из наблюдений над старославянскими прилагательными, управляющими дательным падежом	134
М. Шершнева. Особенности проявления категории лица в глаголах второго продуктивного класса	148
Р. Овчинникова. Морфологические особенности говора д. Б. Кугунур Кировской области (склонение имен существительных)	152
Э. Сильченко. О частичном обособлении словоформ множественного числа существительного в английском языке	165
К. Мегаева и Т. Фролова. Положительный герой в творчестве Л. Н. Толстого последнего периода	182

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТОМ XIII**

Художник Б. Крючков
Редактор Б. С. Фарбер
Художествен. редактор Е. Омельченко
Техн. редактор А. Абдуллаев
Корректор А. Пакалова

Сдано в набор 24/IX 1962 г. Подписано в печать 20/XII 1962 г.
Форм. бум. 60×92/16. Бум. л. 5,875. Печ. л. 11,75, Уч-изд. л. 10,21.
СО4835. Тираж 800. Цена 72 к. Зак. № 1018.

Типография Дагестанского филиала АН СССР
Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.

Цена 72 коп.